

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ III

ГОДЪ ВТОРОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.

1892

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Очеркъ русской діалектологіи.

II. Бѣлорусское нарѣчіе.

Мы не будемъ говорить о границахъ бѣлорусскаго нарѣчія съ языками литовскимъ и польскимъ и съ нарѣчіемъ великорусскимъ. Граница его съ нарѣчіемъ малорусскимъ можетъ быть опредѣлена лишь условно ¹⁾: если мы тѣ переходные говоры, которые имѣютъ вмѣстѣ бѣлорусскія аканье и дзеканье и сѣверно-малорусскіе дифтонги, отнесемъ къ числу бѣлорусскихъ, а тѣ, въ которыхъ, при малорусскихъ дифтонгахъ, слышится или только аканье, или только дзеканье, — къ числу малорусскихъ, то южная граница бѣлорусскаго нарѣчія будетъ нами проведена приблизительно по серединѣ Черниговской губ. ²⁾

¹⁾ Смори карты Риттиха и Кояловича (при «Лекціяхъ по исторіи западной Руси»). Мякуцкій въ своемъ «Отчетѣ» говоритъ: «Границы бѣлорусскаго нарѣчія довольно вѣрно обозначены Шафарикомъ въ его извѣстномъ «Славянскомъ народописаніи». Нужно только прибавить, что часть Смоленской губ., по крайней мѣрѣ уѣздъ Порѣцкій, и часть Черниговской губ., по крайней мѣрѣ уѣздъ Суражскій, должно причислить къ бѣлорусскому говору. Часть Гродненской губ., а именно уѣзды Брестскій, Кобринскій и отчасти Пружанскій, а также Пинскій уѣздъ Минской губ., принадлежатъ къ южнорусскому, или малорусскому говору. Извѣстія А. К. Н., IV, 110 слѣд.

²⁾ «Малороссіяне, составляя почти $\frac{2}{3}$ всего населенія губерніи, сплошною массою заселяютъ уѣзды Ковтопскій, Борзенскій, Нѣжинскій, Козелецкій, юго-восточную часть Остерскаго, степную Сосницкаго и наконецъ южныя части Черниговскаго, Кролевецкаго и Глуховскаго... За рубежомъ черноземной полосы, къ сѣверу, поселенія Малороссіянъ встрѣчаются лишь какъ весьма рѣдкія исключенія». Малоруссы «всѣхъ живущихъ къ сѣверу отъ нея (р. Десны) вообще называютъ Задесенцами и считаютъ ихъ Литвинами, не смотря на то, что въ такъ называемомъ Степнѣ, Сосницкаго уѣзда, преобладаетъ часто южно-русскій типъ». — «Великороссіяне, или, какъ ихъ называютъ здѣсь, Русскіе, слово жана не поселены въ Суражскомъ, Стародубскомъ, Новозыбковскомъ и Городненскомъ уѣздахъ.. и составляютъ потомковъ бѣжавшихъ сюда изъ Россіи въ XVII в. раскольниковъ». Календарь Черниговской губ. на 1887 г., стр. 679—680, 688—689. — «Чистый типъ Бѣлорусса въ полной силѣ является только въ уѣздахъ Мглинскомъ, Суражскомъ, Новозыбковскомъ, Стародубскомъ и отчасти Городненскомъ». Матеріалы для географіи и статист. Россіи. Черниговская губ., стр. 533. — «Уже около Глухова и Бродовца попадаются то небѣлленыя вабы, то телѣги съ двумя узкими досками по бокамъ, то волъ запряженный товарищемъ съ лошадеюкой...; но нарѣчіе въ этой мѣстности все еще носитъ рѣзкій отпечатокъ малорусскаго. Сѣверные же уѣзды Черниговской губ. принадлежатъ къ ней только административно: въ нихъ начинается развѣртываться передъ вами Литва». Русскій Вѣстникъ, т. 46, стр. 192, ст. Ковальскаго.

и по теченію Припяти въ предѣлахъ Минской губ., то южнѣе Припяти (въ Мозырскомъ уѣздѣ), то сѣвернѣе (въ Пинскомъ) ¹⁾, а западная — почти по срединѣ Гродненской губ. ²⁾.

Бѣлорусское нарѣчіе — не болѣе, какъ третье, западное, или акающе-дзekaюще поднарѣчіе великорусскаго нарѣчія, наиболѣе близкое по своимъ особенностямъ къ южно-великорусскимъ сильно акающимъ говорамъ. Оно отличается отъ южно-великорусскаго поднарѣчія слѣдующимъ.

Неударяемое *y* можетъ не составлять слога: ўдарыць (два слога), и при близкѣ къ *e*, даже переходить въ *e*: едарыць.

Древнее (=ореографическое) *e*, какъ твердое, такъ и мягкое, передъ огласными (въ ихъ числѣ и *j*-мъ) и въ концѣ словъ обыкновенно (не всегда) звучитъ какъ *y* не составляющее слога: ў томъ, дзёўка, здароўя (=здоровье), крoўю (=кровью). Пятрoў; это ў, находясь послѣ гласныхъ, вмѣстѣ съ этими послѣдними составляетъ одинъ звукъ-дифтонгъ. Предлогъ-префиксъ *sz* можетъ переходить въ *y* составляющее слогъ: *y* томъ (два слога), или даже въ *ye*, *yso*: *ye* аўсё (=въ овсѣ), *yea* снё (но снѣ). Еще отмѣтимъ: *yвёсь* (=весь), *ўсѧ* и *усѧ* (=вся).

Древнее (=ореографическое) твердое *л* въ срединѣ словъ передъ согласными ³⁾ и въ концѣ формъ прошедшаго времени обыкновенно звучитъ также какъ *y* не составляющее слога, образуя вмѣстѣ съ предъидущими гласными одинъ звукъ-дифтонгъ: воўкъ (=волкъ), тоўстъ, наўнѧ, спаў (=спалъ), ишоў (=шолъ), быў.

Гортанное *g* звучитъ всегда какъ латинское *h*. Звукъ *g* — только въ полонизмахъ и германизмахъ.

¹⁾ «Сѣверо-восточная часть Пинскаго уѣзда, гдѣ на географическихъ картахъ обозначены деревни Хотиничи, Гобринь, Малковичи, Лупинь, Богдановка и друг., есть едва ли не самая скудная и мало населенная мѣстность Минской губ... Жители составляютъ переходъ отъ бѣлорусскаго племени къ малорусскому. Этими они отличаются отъ своихъ сосѣдей. Переходъ этотъ замѣчается явнѣе всего въ выговорѣ, который почти въ каждой деревнѣ особый». Такъ, напримѣръ, въ деревнѣ Хотиничахъ, первой по тракту изъ Минска въ Пинскъ, говорятъ *ходьми*, въ слѣдующей деревнѣ, Гобринѣ, — *ходили*, еще далѣе, въ Шосковичахъ, — *ходьмы*. Печатная книжка Виленскаго генералъ-губернаторства на 1868 г., Спб. 1868, стр. 63, ст. Биковскаго.

²⁾ «Заблудовское нарѣчіе, на которомъ говорятъ... живущіе въ 40 деревняхъ вокругъ м. Заблудова, — рѣзко отличается. отсутствіемъ измѣненія буквы *o* на *a*. Это какъ-бы переходный типъ отъ бѣлорусскаго къ малороссійскому. За рѣкою Наревъ уже нѣтъ измѣненія буквы *o* на *a*, свойственнаго бѣлорусскому языку, и вообще въ Бѣльскомъ уѣздѣ языкъ замѣтно отклоняется отъ бѣлорусскаго, переходя къ малороссійскій, которымъ говорятъ Надбужане». Бобровскій, «Можно ли одно этноспѣданіе принять въ основаніе племеннаго разграниченія Славянъ западной Россіи?» (изъ Русскаго Пивалда 1864 г.), стр. 31—32.

³⁾ Немало исключеній (подъ вліяніемъ аналогій): *пчолка*, *кабылка*, *майна*, *варска*.

Древнія мягкія *д* и *т* передъ гласными и въ концѣ словъ въ большей части говоровъ звучатъ какъ очень мягкія *дз* и *ц*, изъ которыхъ *дз*—одинъ звукъ - дифтонгъ: *дайдзя*, *дзеть* (=дѣдъ), *цѣхо*, *бцѣь* (=бить). Древнія *д* и *т* звучатъ какъ *дз* и *ц* также передъ мягкимъ *о*: *дзѣ*, *дзѣрь* (=днѣ, дверь), *цвядзѣць*, *цацвѣртый* (=четвертый). Группа *ждз* обыкновенно переходитъ въ *жж*: *жжи* (=жди), *жжѣць* (=ждеть), *баржжѣй* (=борзѣе)¹⁾.

Древнее мягкое *р* въ значительной части говоровъ звучитъ твердо: *зарѣ*, *нарѣ*, *нарѣць*, *нарѣць* (=заря, горю, горѣть, горить), *царѣ*.

На мѣстѣ нашихъ сочетаній мягкихъ согласныхъ съ *ј* въ значительной части бѣлорусскихъ говоровъ слышатся двойные мягкіе согласные: *вясѣлля* (=веселье), *сѣлля* (=солю, твор. ед.), *свиннѣ*, *судзѣдзѣ* или *судзѣдзѣй*, *плѣццѣ* или *плѣццѣ* (=платье), даже иногда *перрѣ* (=перье), откуда могутъ быть простые мягкіе согласные: *вясѣля*, *свинѣ*. Но: *бзю*, *пзю* и т. п., при *лзю*.

Шипящія *ж* и *ш* звучатъ всегда твердо. Шипящее *ч* также, повидимому, звучитъ тверже, чѣмъ у насъ: *чы*, *рѣчышка* и т. п. Мѣсто нашего двойнаго мягкаго *ж* въ большей части бѣлорусскихъ говоровъ занято двойнымъ твердымъ *ж*, часто изображаемымъ—по-польски—*ждж*: *паяжжѣй*.

Снистающее *ц* изъ древняго *ц* и изъ *ч* звучитъ твердо: *цѣпъ*; и рѣзко отличается отъ *ц* изъ древняго *т*.

Звукъ *ѣ* въ значительномъ большинствѣ бѣлорусскихъ говоровъ совѣтъмъ нѣтъ; его мѣсто въ заимствованныхъ словахъ занято или *х*, *хе*, или *и*: *Хранцусъ*, *Хѣбдаръ*, *хѣортка*, *траилю*, *пляшка*, *Пилцпъ*.

Древніе (=ореографическіе) звонкіе согласные въ концѣ словъ звучатъ какъ соответствующіе глухіе (кромѣ *ѣ*): *друзѣь*, *медзѣць* (=другъ, медвѣдь); при этомъ наши мягкіе губные звучатъ твердо: *карабѣь*, *семѣь* (=семь).

Нѣкоторые древніе (=ореографическіе) согласные (особенно *д* и *т*) при стеченіи согласныхъ въ серединѣ и въ концѣ словъ могутъ опускаться: если=естъ *ли*, ёсъ (при ёць)=естъ, ўдась=власть, мѣдась.

Изъ формъ мы должны отмѣтить: формы имен.-вин. ед. муж. р. прилагательныхъ и мѣстоименій могутъ быть на *ѣй* или *ѣ*, на *ѣй* или *ѣ*, на *ѣ*: *сляпѣй* или *сляпѣ* или *сляпѣй*, *друнѣй* или *друнѣ* или *друнѣй* (=другой); но той (=тогѣ. рядомъ съ тѣй), сѣй. Рядомъ формы им. ед. и род. мн. существительныхъ на *ѣй*: *салавѣй*, *аһнѣй*.

¹⁾ Бѣлорусское *ц* (изъ *т* мягкаго) по своему звуку нѣсколько отличается отъ великорусскаго: тогда какъ въ великорусскомъ *ц* обѣ его части—*т* и *с*—протягиваются равномерно, въ бѣлорусскомъ вторая часть *ц*—*с*—протягивается больше первой. Жъ у р. М. Н. Ц р. 1890 г. № 11, стр. 178, ст. Карскаго.

Формы мѣстн. ед. муж. и ср. р. и дат.-мѣстн. ед. женск. р. могутъ быть съ древними свистящими: на парóзи, назé, руцѣ, сасé (= ногѣ, рукѣ, сохѣ), дóчцы или дóццы, хазяюсымы; рядомъ (въ сѣверныхъ говорахъ): на парóни, наhé, рукé, сасé, дóчки.

Формы дат. и мѣстн. мн. на ёмъ, ёхъ: людзёмъ, хасьцёмъ, касьцёмъ, людзёхъ и т. д. (рядомъ: на ямъ, яхъ).

Формы род.-вин. мянэ, цябэ, сябэ, дат. табэ, сабэ, мѣстн. цябэ, сябэ и—рѣже—табэ, сабэ.

Формы род.-вин. на hó, óha, aha: яhó, сляпóha, дóбраha; вмѣсто маалhó, тваалhó—обыкновенно майhó (вмѣсто маалмù—маймù).

Формы род. ед. женск. мѣстоименій и прилагательныхъ могутъ быть на é, ыя: яé (=её), маé (изъ моеé), тыé, дóбрыя, друhия; рядомъ: маéи (или—въ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ говорахъ—маёи) и т. п. Форма яé—также вин. п.

Формы дат.-твор.-мѣстн. (а иногда и род.) ед. женск. р. прилагательныхъ и мѣстоименій могутъ быть на эй: сляпэй, тэй; рядомъ: сляпóй, тóй, маёй и т. п.

Формы твор. ед. кымъ, чымъ, ўсимъ, тымъ, им. мн. ўси, тыя, род. ўсыхъ, тыхъ, дат. ўсимъ, тымъ и т. д. (рядомъ: ўсе, ўсехъ и т. д.).

Формы мѣстн. ед. ванй, и т. п., маймъ и т. п., тымъ (рядомъ: канé, маёмъ, томъ).

Формы им.-вин. мн. маé, тваé и т. п., род. маéхъ, дат. маёмъ (рядомъ: май, майхъ и т. д.).

Формы 3 л. ед. и мн. на ть: вядзéць (съ е, не ё)¹⁾, будзiць; формы ед. ч. могутъ быть безъ ть: вядзé, бѹдзя (но обыкновенно: лѹбiць и т. п., вядзéтца и т. п.); рядомъ: ёсь и ё или е (=есть).

Формы 1 л. мн. могутъ быть на мо: будзямò, ёжма (отъ тьсть, повел. н.).

Формы настоящ. вр. мiю, рiю и т. д. (=мою, рою), повелит. н. мый, мiйця, бiй и би, бiйця и бiця.

Формы повелит. накл. съ шипящими на мѣстѣ нашихъ гортанныхъ: испячы, памажы (=помоги) и т. п. Формы неопредѣленн. накл. на ть и—рѣже—на ти: рабiць, рабiци.

Формы возвратн. зал. на ся и съ: кажўся, кажўсь (но: кажыцца), дажэ на си.

Большая часть бѣлорусскихъ говоровъ имѣетъ формы зват. п. на е и у: пдпя, Ивiня (=попе), свiтэу, сiнку, каравiю.

¹⁾ Формы 2 л. ед. и мн. изъявит. н. и 1 и 2 л. мн. повел. н. также съ е: вядзéшь, вядзéци (=ведёте), вядзёмъ, вядзéця (=ведите). Нерѣдко впрочемъ и вядзёмъ, вядзэця.

Нѣкоторые изъ нихъ сохраняютъ древнія формы им.-вин. двойств. ч. женск. р.: *дзве жанé, рупэ, сасé* (=двѣ жены, руки, сохи); большая часть ихъ утратили древнія формы двойств. ч. муж. р.: *два воўби, дварцы*. Форма род.-мѣстн. отъ *два—двохъ*; рядомъ: *двухъ*.

Сверхъ того, отмѣтимъ, что въ бѣлорусскихъ говорахъ на мѣстѣ нашего *о* (=древне-русск. *э*) послѣ *р* и *л* какъ подъ удареніемъ, такъ — чаще — безъ ударенія можетъ быть *ы*: *ў* *кывй*, *трысцйнка*, *глытаць* (=глотать), *быха*, *быхъ* (род. мн.); что на мѣстѣ нашего *и* въ началѣ словъ можетъ слышаться *и* не составляющее слога (не *ј*): *ишовъ, йграць, йдзе*; что предлоги-префиксы *изъ* и *съ* могутъ звучать какъ *зъ* передъ гласными, передъ *ј, в, л, м, н, р*: *зъ аднаго, зъ адною, зъ ёю* (=изъ одного, съ одною, съ нею), *зварыць, зняць*; что предлогъ-префиксъ *съ* можетъ также звучать *изъ, исъ*: *изъ адною, издвѣлаць*; что мѣстоименіе 3-го лица обыкновенно звучитъ *ёмъ, ямъ, ямо, ямы* (рядомъ: *сонъ, сонъ, сонд, соннъ*); что формы 2 л. ед. звучатъ *дасй, ясй* (=дашь, ѣшь); что согласный передъ суффиксомъ *ск* обыкновенно мягокъ: *жэмьскій, жэмьская*.

Мѣстоименіе этотъ звучитъ или *этотъ*, или *лэтотъ*.

Словарный матеріалъ сѣверо-восточныхъ бѣлорусскихъ говоровъ лишь немногимъ отличается отъ словарнаго матеріала сосѣднихъ говоровъ великорусскихъ (*якъ* = какъ, полонизмы); въ южныхъ и юго-западныхъ говорахъ отъ близокъ къ словарному матеріалу малорусскаго нарѣчія¹⁾.

Бѣлорусскіе говоры дѣлятся на двѣ группы: на говоры 1) цокающіе и 2) не цокающіе.

1. Цокающіе говоры очень немногочисленны. Они слышатся въ сѣверной полосѣ и въ сѣверо-восточномъ углу бѣлорусской территоріи — въ Витебской, Смоленской и Тверской губ.

Въ смѣшанномъ говорѣ пограничной съ Псковскою губ. мѣстности Себежскаго у., кромѣ *дз* и *ц* изъ *д* и *т*, отмѣчены частое *я* изъ *е*: *ляжѹ, вядзѣ, пядѣ, вмѣя* (=умѣеть), *ня мѣжа*, формы род.-вин. ед. *цябѣ* и *цябѹ*,

¹⁾ Лучшій трудъ по бѣлорусскому нарѣчію — «Очеркъ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи», Карскаго, М. 1886. Краткая, но недурная характеристика бр. нарѣчія въ «Календарѣ сѣверо-западнаго края на 1889 г.», изд. Запольскимъ, М. 1889. Единственный, очень неполный словарь — «Словарь бѣлорусскаго нарѣчія», Носовича, Спб. 1870. О звукахъ бѣлорусскаго нарѣчія писали: Чечотъ во введеніи къ «*Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dzwinyu*», Wilno, 1846, Безсоновъ во введеніи въ своимъ «Бѣлорусскимъ писаніемъ», М. 1871, и Шейнъ въ приложеніи къ своимъ «Бѣлорусскимъ народнымъ пѣснямъ», Спб. 1874.

Указатель матеріаловъ по бѣлорусскому нарѣчію — статья Ельскаго: *Słówko o materiałach służących do badań gwary, etnografii i literatury białoruskiej*, въ варшавской газетѣ *Сh wila* 1886 г., №№ 17—23.

род. на *eo*: *ницаѳ*, рядомъ съ *ф*. на *io*: *майѳ*, 3 л. ед. безъ *тъ*: *вядзе* (съ *e*), *плѣша*, *хѳдзя*, *лѳбля*, *варя*, рядомъ съ формами на *ѳъ*: *вядѳемъ*, *настоящ. врем. идя* (= *ноеть*), *повелит. накл. пѣйца*. *Замѣна ч* черезъ *и* постоянна, такъ что звука *ч* нѣтъ: *ѳымъ*, *круѳина*¹⁾; встрѣчаются формы твор. мн. на *мъ*: съ *падрѳшкамъ*, въ *гаряцымъ слязъмъ*. На употребленіе въ этомъ говорѣ *ѳ* изъ *у*, *ѳ*, *л* нѣтъ указаній (отмѣчено лишь *ѳ* въ *ѳгасѳць*, *ѳмѳя*), также какъ на употребленіе двойныхъ мягкихъ согласныхъ, одного твердаго *р* (отмѣчено рядомъ: *храсѳицель* и *цяпѳръ*) и *зъ* вмѣсто *съ* (отмѣчено: *свядзе*, *сѳйма* = *сниметь*)²⁾.

Въ говорѣ другой мѣстности того же уѣзда (имѣніе *Гороватки*), кромѣ *дз* и *ц*, частаго *я* изъ *e* (*ямѳ*, *дзяцѳй*, *сѳѳѳѳ*, *ня бѳѳѳѳ*, рядомъ съ *и*: *цвѳтѳ*, *пирастѳну*), отмѣнены частое глухое *ы* изъ *a*, *o* послѣ твердыхъ согласныхъ, даже въ слогѣ передъ удареніемъ: *сыбѳа*, *зыдѳли* (= *задали*), *пынѳте* (= *повадка*), *рыбѳтаць*, *пымыѳтаць*, *быдѳлись*, *гѳлысь*, рядомъ съ *a*: *харѳнѳ*, *карѳва*, *маладзѳѳѳ*, двойные мягкіе согласные: *абражѳмѳня*, *аблѳчѳча*, *жѳнѳцѳѳ*, *силѳю* (= *силѳю*, *силѳю*), частое твердое *р*: *прѳмо*, *грѳбѳ* (= *гребѳ*), *зварѳ*, *цяпѳръ* (рядомъ: *бярѳза*, *цяпѳръ* и т. п.), формы им. ед. на *ѳй*: *якѳй*, *такѳй*, *другѳй* (рядомъ: *лѳхѳй*), род.-вин. *цябѳ* и *цябѳя*, *мянѳ* и *минѳя*, род. на *ѳо*: *цаѳѳ*, рядомъ съ *ф*. на *io*: *идѳ*, *майѳ*, *дѳбрыѳ* и т. п., дат. мн. *лѳдзѳмѳ*, 3 л. ед. *идзѳѳѳ* (рядомъ: *вядзѳѳѳ* и т. п.), повел. накл. *бѳй*, возвратн. зал. на *си* (*иврѳдка*): *малѳлѳси*. *Мѣна ч* черезъ *и* часта, но непостоянна: *ѳнѳста*, *вѳцѳѳрѳня*, *рушнѳнѳдѳѳѳ* и т. п. На употребленіе *ѳ* изъ *у*, *ѳ*, *л* нѣтъ указаній (отмѣчено лишь *ѳ* изъ *у* и *л*); *зъ* вмѣсто *съ*, повидимому, рѣдко. Можно отмѣтить еще: *булѳ*, *бувѳла*³⁾.

Говоръ одной мѣстности *Велижскаго у.* отличается не очень сильнымъ *аканьемъ*. Въ немъ *я* вмѣсто *e*: *дѳжѳть*, *грѳхѳ*, *мянѳ*, *ня пѳйдѳть*, рядомъ съ *и*: *нѳслѳ*, *грѳхѳ*, *свѳтѳяя*, *ѳнѳнѳ* (= *она*), даже *цѳтѳѳрѳ*, *дѳнѳѳѳѳѳѳ*; глухое *ы* вмѣсто неударяемаго *a*, *o* послѣ твердыхъ согласныхъ въ серединѣ словъ (очень часто, даже въ слогѣ передъ удареніемъ): *пѳхѳть* (= *пахать*), *сыслѳть*

¹⁾ Читатель, безъ сомнѣнія, замѣтилъ отсутствіе буквы *ч* и замѣну ея буквою *и*. Эта особенность говора—причина названія *цѳвѳкуновъ*... Пам. книжка *Витебской губ.* на 1865 г., Спб. 1865 г., стр. 88.

²⁾ Матеріалы, плохо записанные, въ двухъ Памятн. книжкахъ *Витебской губ.* на 1865 и на 1866 гг., Спб. 1865—1866, ст. *Серебренникова*.

³⁾ Матеріалы, плохо записанные, въ рукописномъ трудѣ *П. Ф. Алхимова* къ этимъ матеріаламъ очень близки по языку тексты у *Шейна*, *Вѳлорусскія народныя пѳсни* (Спб. 1874), стр. 482 слѳд.; въ нихъ только *ц* вм. *ч* (рядомъ съ древнимъ *ч*), формы им. ед. бѳжѳ *свѳтъ*, твор. мн. *гарѳцѳмъ слязъмъ*, повел. накл. *пѳца* (= *пейте*), *пѳйдѳѳѳѳѳѳ*. Эти тексты, какъ всѣ вообще матеріалы, заданные *Шейномъ*, записаны но вполне удовлетворительно.

(= сослать), рэспіакацпа, ў горады, Іваныва, Янгельв (ангеловъ), сыгря-шпа; сверхъ того: дбрыю (вин. ед.); ў изъ е и е (ѳ) изъ л: дажны, сы-слазъ; двойныя мягкіе согласныя: Іаля, збавляма (по Марья); зъ вмѣсто съ, ызо: зьдаты, зъ мёртвыхъ; мѣна и и ч: цагд, часоцытъ, сёрча, черьва. Мягкія д и т сохраняются: садымъ, данёцытъ (однако отмѣчено: адзѣжа); мягкое р—также: хрестытыль, трѣхъ, черьва; формы 3 л. ед. обыкновенно съ ть. Еще: двойное мягкое с вмѣсто мягкихъ ст: млысыси (= милости) ¹⁾.

Говоръ другой мѣстности того же уѣзда (с. Узкое)—съ такимъ же аканьемъ (ясы, мяно, зямлю, сыма = сама, пышла, моя = моя, быня, дыца = дочка), съ мѣною и и ч (мамыха, жанйтча), съ мягкимъ р (пряжа), съ формами 3 л. ед. на ыъ, но безъ мягкихъ д и т: прыдзѣць. Въ этомъ говорѣ можно еще отмѣтить спорадическое у вмѣсто неударяемыхъ о и ы: пувала (= повела), пумагла, мужуки, и сыйцазь = сейчасъ ²⁾.

Говоръ мѣстечка Усваты, Витебскаго у., отличается частымъ упо-требленіемъ я вмѣсто е: тлбѣ, парина (но: джаты), и глухаго ы вмѣсто а, о послѣ твердыхъ согласныхъ: мыкаю, нышла, у стыгахъ, у гыспыдахъ, мягкое р сохраняется. Замѣна ч черезъ и непостоянна: рукавчыкъ, пцолка. Отмѣчено рядомъ: дявца, пытамъ и т. п. (часто) и млыдзѣць ³⁾.

Въ говорѣ деревень Васьевичи и Козловичи того же у. отмѣчены дз и и, всегда твердое р, двойныя мягкіе согласныя (даже перра), формы имен. ед. на ы: дбры. Замѣна ч черезъ и непостоянна (цдрный и чаму ⁴⁾).

Говоръ неизвѣстной мѣстности того же у., кромѣ дз и и, имѣетъ сильное аканье (глухаго ы иѣтъ): пнасаць, панаць (твор. ед.), зялбный, нядзеля, па нашаму, бѣлая (= бѣлое); но и изъ неударяемаго е обычно: дзысятнытъ, нхай, жина (= она), висялуха, дуринь, па мдрдзи, дбры (= добръ), пазвольцы (= позвольте), скажыцы; двойныя мягкіе согласныя (даже: смерцю, твор.). Мягкое р. Замѣна ч черезъ и очень часта, но не постоянна: ўцора (= вчера), пра: ув-ачму (= въ очю); рядомъ съ нею, вмѣсто и, слышится ии: яшиц (еще), прашицалась. Формы род. ед. ницѣхъ (=ничего), твор. мн. (взрѣдка) на мз, 3 л. на е (нерѣдко): нясе, возвратн. зал. на си (взрѣдка): пави-тѣлиси ⁵⁾.

Цокаюцій говоръ Дубокрайской волости, Городокскаго у., имѣетъ, кромѣ дз и и, менѣе сильное аканье: бяремъ, уставайца (2 л. мн.), рядомъ

¹⁾ Вѣлорусскій Сборникъ, Романова, V (Витебскъ, 1891).

²⁾ Тамъ же, IV, № 49.

³⁾ Матеріалы у Шойна, Пѣсни, стр. 74, 146, 166, 177, 216.

⁴⁾ Матеріалы тамъ же, стр. 71, 152, 163. Изъ неизвѣстной мѣстности, съ частымъ ч вх. ч.—стр. 153.

⁵⁾ Москвитянинъ 1813 г., ч. IV, рассказъ «Гесцыки».

съ пыказаць, къ Христѹ, мѣлсыца. Двойные мягкіе согласные. Мягкое *р*. Замѣна *ч* черезъ *ц*: *цѣсть*, *жѣмцухъ*, и на оборотъ: *чѣрства*. Формы дат.-мѣстн. на *ы*: старан*ы*. Отмѣчено *у* вмѣсто *о*: *пубрадѹ*, *Бугурдѣца* ¹⁾).

О показуемъ говорѣ с. Рибшева и другихъ мѣстъ Порѣцкаго у. ваши свѣдѣнія очень скудны. Отмѣчено, вромѣ *дз* и *ц*: *бярѣ*, *мяня*, *сѣстра*, *ня* *дѣлга*, *ягѣ*, *тыгѣ*; *ў* вмѣсто *в* и (въ концѣ формъ прош. вр.) вмѣсто *л*; мягкое *р*; *зѣ* вмѣсто *сѣ*: *зѣ* *мѣцирю*. Замѣна *ч* черезъ *ц* очень часта: *ноцѣ*. Группа *во* замѣнена дифтонгомъ *ѳо* въ *дѳорѣ*; группы *ов*, *ев*—звукомъ *у* въ *крусаласа*, *кукуала*, *пацуала* (= *красоваласа*); группа *оу* утратила *в* въ *дѣдушка*; группа *он* перешла въ *ин*: *рамнѣ*, *амнѣ* (= *однѣ*). Формы им. ед. на *ѣи* (*варанѣи*) и на *ыи*, род. на *ѣо* (*варанѣо*, *таѣд*) и на *ѣо*, род.-вин. *мяня*, *цябѣ*, мѣстн. ед. на *тѣи*, 3 л. ед. только на *тѣ* (*ѣсь*). Сверхъ того, въ этомъ говорѣ важная черта—спорадическія *з* и *с* вмѣсто *ж* и *ш*: *залко*—*жалко*, *зажѣ*—*зажѣ*, *ва цузыхъ людѣхъ*, *лѣзычка*—*ложечка*, *сацѣръ*—*шатѣръ*, *сардѣцусько* ²⁾).

Показующій говорѣ Поникольской волости Бѣльскаго у., повидимому, почти тождественъ съ говоромъ рибшевскимъ. Отмѣчено: *дз* и *ц*, двойные мягкіе согласные, аканье (*нясѣ*, *нясѹ*, *нядѣжа*, *жанѣ*; но: *кравѣть*—*кровать*), *ў* вмѣсто *в* и *л* (*шоўкъ*, даже *стоў*—*столь*) ³⁾, *ѳо* им. *во*: *дѳорѣ*, *у* им. *ов*: *скуаць*—*сковать*, *кукуала*, *у* им. *оу*: *дѣдушка*, *ин* им. *он*: *галѣнная*, *амнѣ*, формы им. ед. на *ы* и на *ѣи*: *ѣры* *воскъ*, *святѣи*, *другѣи*, род. *мянѣ*, *цябѣ*, твор. мн. на *мѣ*: *за дравѣмѣ*, 3 л. ед. на *ѣмѣ*, возвр. зал. на *цѣ* (*не цѣ*): *повлѣнюцѣя* (3 л. мн.). Замѣна *ч* черезъ *ц*: *рѣцѣка*, *цѣю*, и *изрѣдка ж* черезъ *з*: *лѣзацѣка* (= *ложечка*) ⁴⁾).

О показуемъ говорѣ д. Буланиной, Духовщинскаго у., свѣдѣнія очень скудны. Частое *я* изъ *е*: *пялянѣ*, *рябѣта*, при: *гуляють*; *дз* и *ц* (*рядомъ*: *гуляють* и т. п.); двойные мягкіе согласные; мягкое *р*; *ў* вмѣсто *в* и (въ концѣ формъ прош. вр.) вмѣсто *л*; *у* им. *ов*, *ѣв*: *дѣуаласа*, *палуала*, *укруала*; *ин* вмѣсто *он*: *рѣнная*, *амнѣ*; формы им. ед. на *ѣи*: *дарагѣи*, род. *маѣд* (= *моего*), при *яѣд*, мѣст. на *дарѣи*, 1 мн. *изъявит. н.* *аддѣдѣмѣ*. Замѣна *ч* черезъ *ц*: *кляцѣ*, *крялѣцѣка* ⁵⁾).

¹⁾ Бѣлорусскій Сборникъ, V, стр. 398.

²⁾ Шейнъ, Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края. Томъ I, часть I (Спб. 1887), ЖЖ 184, 195, 198, 403, 450, 562, 563, 593, 596, 656; часть II (Спб. 1890), стр. 419 слѣд.

³⁾ Матеріалы такъ дурно записаны, что трудно сказать что-либо о произношеніи *р*.

⁴⁾ Шейнъ, Мат., ч. I, ЖЖ 113, 118—120, 143, 454, 479, 557; ч. II, стр. 392 сл.

Пѣзъ неизвѣстной мѣстности Бѣльскаго у.: ч. I, Ж 284.

⁵⁾ Тамъ-же, ч. II, стр. 425 сл.

О говорѣ села Пречистаго, того же уѣзда, мы знаемъ лишь то, что въ немъ обычно *и* вмѣсто *ч*¹⁾.

Говоръ с. Бобровки, въ юго-западной части Ржевскаго у., имѣеть очень сильное аканье (*ы* изъ *а*, *о* нѣтъ), съ «грубымъ», т. е. очень открытымъ *а*: абаращѣся, вѣранъ, ягѣ, вязу, нядзѣля, зямля, таюя, поля (рядомъ *и* изъ *е*: дзырѣвня, дзѣриво, мѣладзмиць, гавѣрцы. 2 л. повелит. н.). *Дз* и *и*; двойные мягкіе согласные (даже Марра = Марья); мягкое *р*. Употребленіе *ў* вмѣсто *у*, *ѳ* и (лишь въ концѣ формъ прош. вр.) вмѣсто *л*. Частое *зѣ* вмѣсто *сѣ*, *изѣ*: зматрѣю, звиданья, зѣ бани, зѣ дѣсу, даже звиннѣ, змѣлась (= свинья, смѣлость). Мѣна *и* и *ч* часта и взаимна: доцѣ, цасѣ и чѣрстна, вулица. Формы им.-вин. ед. на *ыи*, *ои* и *эй*: вѣмннѣй, ўтарѣй, любезнай и рабѣй, худѣй, большѣй; род.-вин. манѣ и минѣ, цибѣ и цибѣ, майгѣ; дат.-мѣстн. на *ружѣ*, на *руцки*; род.-дат.-мѣстн. маладѣй, сляпѣй; дат. мн. людзѣмъ; 3 л. ед. всегда на *тѣ*; настоящ. вр. рѣю, и т. д.; повел. н. идзѣмъ (съ *е*). Сверхъ того: формы род. *ницѣхъ* (= ничего), дат.-мѣстн. на *ы*: на галавѣ, твор. мн. «всегда» на *мѣ*, твор. ед. *какимъ* рѣдамъ. Мѣстоименіе *цѣо*²⁾.

II. Не цѣкающіе говоры. Говоры Виленской губ. представляютъ одно цѣлое, имѣя *ў* вмѣсто *ѳ* и *л*, *дз* и *и*, постоянно твердое *р*, *зѣ* вмѣсто *изѣ*, *сѣ*. Аканье очень сильно: глухое *ы* или совсѣмъ не слышится, или очень рѣдко; *и* вмѣсто *е*, *я* очень рѣдко (*минѣ*, *цибѣ*, *нихай*). Двойные мягкіе согласные слышатся очень часто, но не постоянно; въ Опшмянскомъ у. отмѣчено: зѣлля, застѣля (рядомъ: щасця и т. п.), въ Троцкомъ: баяраѣ; они иногда замѣняются простыми согласными: трокск. заручамя. Формы им. ед. обыкновенно на *ы*: маладѣ, дат.-мѣстн. могутъ быть на *эй*: опшмянск. *ў тѣй* карчѣмца, 3 л. ед. въ Дисненскомъ уѣздѣ обыкновенно на *ецѣ*, въ Троцкомъ—и на *ецѣ*, и на *е*, въ Вилейскомъ и Лидскомъ—обыкновенно на *е*: даѣ, цѣтля, шѣя (= шить), повелит. накл. *би* (= бѣй, Троцк. у.). Сверхъ того, можно отмѣтить: спорадическое *у* вмѣсто *о* безъ ударенія: вилейск. *ў чѣрнумъ*, трокск. *калінушка*, лидск. на *чирвѣнуѣ* калини, на *харѣшуѣ*, *вѣбруцѣ* (= обротъ), спорадическое *дж* вмѣсто *ж* изъ *д*: вилейск. *нинанѣджу*, трокск. *виджу*, *раджу*, спорадическое твердое *с* вмѣсто мягкаго: опшмянск. *сыдзѣй*, опшмянск. и трокск. *сѣрца*; префиксъ *от* иногда звучитъ *од*: дисненск. и лидск. *одмыкацѣ*, *одѣѣхацѣ* и т. п.; формы им.-вин. мн. трокск. *дварѣ*, *галуѣѣ*, лидск.

¹⁾ Смоленскій Этнографич. Сборникъ, Добровольскаго, Спб. 1891, стр. 43.

²⁾ Этнографич. Сборн., I.—«Сказки» Аванасьева.

караблѣ; род. ед. троекск., лядск. магò, рядомъ съ майгò, маягò; род. мн. иногда сястрѣу (= сестеръ) и т. п.; формы повел. накл. опшмянск. памалѣмся, лядск. глядзѣца (2 л.). Начальное *a* часто имѣеть передъ собою придыханіе *h*: гарѣхъ, гарѣць (= орать) ¹⁾.

Не показующіе говоры Витебской губ. дѣлятся на двѣ группы.

Одна (южная половина ²⁾ Люцинскаго, Дриссенскій, Полоцкій, Лепельскій, Городокскій уу.) отличается, кромѣ *dz* и *ц*, постоянно или почти постоянно твердаго *p*, двойныхъ мягкихъ согласныхъ, *z* вмѣсто *sz*,—довольно сильнымъ аканьемъ (глухое *ы* очень рѣдко, только во второмъ слогѣ передъ удареніемъ и въ слогѣ слѣдующемъ за удареніемъ), при частомъ употребленіи *и*: минѣ (и мянѣ), іѣ (и лѣ), у жѣци (но: жнѣця, 2 мн.), слизѣ (и слязѣ), пятѣшкѣ (и пятушкѣ), жынѣ (и жанѣ), сѣиць (и сѣяць), рѣннѣя, им. ед. (и рѣннѣя). Формы им. ед. на *ы* и *ыи* (маладѣи и —ѣи), 3 л. ед. обыкновенно на *ець*. Еще отмѣчено: *y* вм. *o* безъ ударенія: су вѣчара, зѣ гарѣлкую, *дж* вмѣсто *ж*: гляджу (Лепел. у., с. Дубровка). Формы им. ед. вотъ шѣрѣй (Полоцк. и Город. у.), им. мн. ўсе, род. ўсехъ и т. д., дат.-мѣстн. ед. маладѣй (Лепел. и Город. у.), творит. мн. на *мз*: надъ звяздѣмз (Городовск. у.), мѣстн. ед. на синѣхъ (Леп. у.), 1 л. ед. на *ая*: выслѣя (Город. и Люц. у.), возвратн. зал. на *си* (*ци*): астануси, астанци (Леп. у.) ³⁾.

Къ этой группѣ принадлежитъ также говоръ части Витебскаго уѣзда (с. Вороново и др.) ⁴⁾.

Другая группа (главнымъ образомъ въ другой части Витебскаго уѣзда: волости Велпиковская и Королевская, село Маделино и др.), совпадая съ первою въ прочихъ чертахъ, отличается отъ нея слабымъ аканьемъ. Въ ней глухое *ы* вмѣсто *o*, *a* является очень часто, даже въ слогѣ передъ удареніемъ: мыя (= моя), кынѣ, кыпаць, мылдыѣ, шырыкѣ, крысытѣ и т. под., дзѣвычыкѣ (род.), быгѣтыга, рядомъ съ *я* и *и* вмѣсто *e*: мянѣ, вядзѣць.

¹⁾ Тексты въ Русск. Филол. Вѣстн. 1889 г., № 2 (Трокск. у.), въ Виленск. Вѣстн. 1888 г., №№ 104—122, ст. Карскаго (Ошмянскій у.), у Вориги, Podania biało-guckie, Lwów, 1889 г. (Лядск. у.), въ Этнографич. Сборникѣ, I, ст. Юрковича (Лядскій у.), въ Сборникѣ памятниковъ народнаго творчества въ сѣверо-западномъ краѣ, Вильна, 1866 г. (Дисненск. и Вилевскій у.), у Дмитріева. Собраніе пѣсень, сказокъ, обрядовъ и обычаевъ крестьянъ сѣверо-западнаго края, Вильна, 1869 г. (Дисн. у.), и у Шейна, Матеріалы, ч. I.

²⁾ Въ сѣверной части Люцинскаго у. (Шейнъ, Мат., ч. II, стр. 638)—мягкимъ *д* и *т*, формы твор. мн. на *мз* (съ малымъ дѣтушкамъ и т. п.).

³⁾ Тексты у Чечота, Piosnki, 1846 г. (см. также введеніе), у Шейна, Пѣсн., Мат., чч. I и II, и въ Бѣлорусск. Сб., т. V.

⁴⁾ Тексты у Шейна и въ Бѣл. Сб., V (отмѣченъ ф. дат.-мѣстн. на тѣй рѣцѣ, ў буднѣй галавѣ, повел. н. *ти*, неопред. н. на *ць* и на *ци*: хадзѣци).

сестра и т. п., бирѣць, систра, смло, висялѹха, чирназѣмъ, жылуды (даже: запрыгѣць = запрагать). Еще отмѣчено: у вм. о: сухута, ф. им. ед. на ы, повел. н. би ¹⁾).

Группа не цокающихъ говоровъ Смоленской губ., уѣздовъ Смоленскаго (сс. Даньково, Шаталово, Киселевка, Чепищево и др.), Ельнинскаго (с. Бердибака, Сухой Починокъ, Проверженка), Порѣцкаго (с. Иньово), Духовицкаго (с. Пречистое), Бѣльскаго (с. Шоптово) и Рославльскаго (с. Митюли), составляетъ одно цѣлое. Въ нихъ нѣтъ *дз* и *и*, сохраняется мягкое *р*; но двойные мягкіе согласные; *ѹ* вмѣсто *е* и *л* (однако *л* въ срединѣ словъ нерѣдко сохраняется: паўзѹ и дааблѹ, а мѣстами даже въ концѣ формъ прошедш. вр.); *зз* вмѣсто *сз*: *зз* вами, знѣли. Аканье сильнѣе нашего: *а* вмѣсто *о* послѣ твердыхъ согласныхъ является не только въ первомъ, но даже и во второмъ слогѣ передъ удареніемъ: *харапѹ*, *прадаѹ*, *галава*; глухое *ы* передъ удареніемъ рѣдко: *пывадѹ*, *мыѹ* = моя, *стыѹ*, *кызѹ*, но тотчасъ послѣ ударенія очень часто: *катѹрѹму*, *дарѹгѹй* (твор.), *чѹстыга* (род.), *плѹкыть*; *я* и *и* изъ *е* въ слогѣ передъ удареніемъ употребляются рядомъ: *мянѣ* и *минѣ*, *сестра* и *систра*, но: *пырскѹчить*, *чирнаха*, *стѹйтѹ*, *стайтѹ* (2 л.), *морѹ* (им.), *бываѹтъ*, *дѣлаѹтъ*, *ѹ* *гѹрыды*, *ѹ* *астрѹзы*; встрѣчается *и* изъ *я*: *иѹнѹ* (= яна, она). Сверхъ того, неудараемыя *о* и *ы* послѣ согласныхъ могутъ замѣняться черезъ *у*, а *о* и *а* въ началѣ словъ—черезъ *м*: *пудумѹтъ*, *начувѹтъ*, *хувѹю*, *пупѹ* (= попа), *пѹлѹй*, *мужукѹ*, *буваѹ*; *иѹнѹтъ* (при *а*пѹтъ), *иѹсѹ* (= овсѹ) *идѹнѹча*, *имбарѹ*, на *иѹнѹ* (на *огни*). Сверхъ того, есть случаи *е* изъ ударяемаго *я*: *крячѹтъ*, *глѣдѹчи*. Двойное мягкое *с* замѣняется черезъ мягкія *ст*: *байсѹтъя*, *задѹмысѹтъя* (2 л. возвр. з.), *валдсѹтъя* (= *волосѹтъя*), *стѹнѹтъ* (= *ссѹтъ*, *сосѹтъ*). Изъ формъ отмѣчено: им. ед. на *ѹй* и *оѹ*: *тѹй*, *крявѹѹ*, *такѹѹ*, *бальшѹѹ* и *крявѹѹ*, *маладѹѹ*, род. на *ѹо* и *ѹо*: *яѹд* и *яѹд*, *чаѹд*, *начѹо* и *чаѹд*, *майѹо*, *маяѹ* и *манѹо*, *дѹбрыѹа* и *дѹбрыѹа*, род., дат., твор., мѣстн. ед. женск. на *ѹй*: *аднѹѹ*, *явѹѹ*, *святѹѹ* и т. п. (рядомъ на *оѹ*), род.-вин. *мянѣ*, *тябѣ*, *яѣ*, дат. ед. *тябѣ*, *сябѣ*, (рядомъ съ болѣе обычными *табѣ*, *сабѣ*), им. мн. на *ѹя*, *ѹи*: *маладѹя*, *дамавѹя*, *чужѹя*, *такѹя* (рядомъ на *ѹя*, *ѹи*), им. мн. *ѹси*, род. *ѹсыхъ* и т. д., дат. мн. *дѹтѹмъ*, *гасѹтѹмъ*, мѣстн. *дѹтѹхъ*, *гасѹтѹхъ*, 3 л. ед. на *тѹ* (*ѹтъ*; на *е* очень рѣдко: *мѹжа*), 3 л. мн. на *ѹмъ* вмѣсто *ятѹ*: *хѹдѹтъ*, 2 л. повел. накл. *пѹй*, *пѹ* (Смол. у.), *пей*. Сверхъ того: *с* звучитъ иногда твердо: *сыѹчасѹ*, *сасѹнка* (= *сосѣнка*. Смол. у.), *л* тоже твердо передъ твердымъ *н*: *силѹ* (Смол. у.), *жѹд* переходитъ въ *жѹж* въ *жѹжи* (= *жѹи*), *жѹжѹшѹ*. Формы дат.-мѣстн. ед. съ свистящими рѣдкы:

¹⁾ Ш о ѹ н ѹ, Мат., ч. I.

на парѡзи (Смол. у.; обыкновенно съ гортанными); ф. дат.-мѣстн. ед. женск. р. могутъ быть на *ы*, а ф. твор. мн.—на *мэ* (Бѣльск. у.): на галавѣ, падъ нагѡмэ; ф. имен. мн. могутъ быть—по-великорусски—на *а* (Бѣл. у.): галаеа. Формы зват. на *е* и на *у* (кромѣ Бога) неизвѣстны ¹⁾.

Говоръ Рославльскаго у., с. Краснозаборья, отличается отъ предыдущаго говора только болѣе частымъ употребленіемъ глухаго *ы*: *пахать* (=пахать), *рыбытѣть*, *гывыръять*, *пры насъ* (=про насъ), *кыгда*, *матушкый* (твор.). Другія особенности въ немъ тѣ же: мягкія *д* и *т*, мягкое *р*, двойные мягкіе согласные, *ѣ* вм. *е* и *а*, частое *я* вмѣсто *е* рядомъ съ *ы*: *мянѣ*, *ямѹ*, *пустѣтя* и *ѹзилѣ*, *ны влавѣли*, *у* вм. *о*: *пувила*, *пуцлѣць*; формы род. на *ю* и *юо*: *таю* и *яюо*, *хыластога* и *прѣятныса*, им. мн. на *яя*: *зылатѣя*, 2 л. ед. возвр. 3. *видѣясьтя* (рядомъ: *дакѹписься* ²⁾).

О другихъ бѣлорусскихъ не показанныхъ говорахъ Смоленской губ. мы почти совѣмъ не имѣемъ свѣдѣній и можемъ сказать лишь то, что въ пидѣпровскихъ селеніяхъ Красненскаго у., рядомъ съ двойными мягкими согласными и *зз* вмѣсто *сз*, слышатся *дз* и *ц* и встрѣчаются формы род. на *юо*: *сваюо* ³⁾).

Говоры сѣверной (большей) половины Могилевской губ., кромѣ *дз* и *ц*, *ѣ* вм. *у*, *е*, *а*, *зз* вм. *изз*, *сз* и *изз*, *исз* вм. *сз*, имѣютъ всѣ, болѣе или менѣе часто, *у* вм. *а*, *о*, *ы*: *паѣхуѣ*, *пухувѣю*, *пуцѣ* (=попа), *мужувѣ*, *буцѣ*, *е* вм. *я* подѣ удареніемъ въ глѣдзючи, дрѣнно, *дж* вм. *ж* изъ *д*: *виджу*, твердое *л* передъ твердыми *н* и *ц*: *сѣлный*, *вѣлный*, *пѣлцы* и т. п., твердое *с* въ *сычасъ*, *сѣрца* и т. п., формы им. ед. *тѣй* и *той*, *маладѣй* и *маладѣй* (на *ы* нѣтъ), род. ед. женск. р. *маѣ*, *тыѣ* и *тыя*, *сляпѣя*, *дѣбрыя*, *вѣшыя*, другія, *такѣя* (рядомъ съ *маѣй*, *дѣбрай*, *такѣй*), дат.-твор.-мѣстн. ед. *тѣй*, *аднѣй*, мѣстн. ед. на *канѣ*, на *канцѣ*, род. мн. (изрѣдка) *сѣстрѣѣ* (=сестеръ), дат. мн. *людзѣмэ*, 3 л. ед. *ѣсць*, 3 л. мн. *вѣзюць*, 2 л. повелит. н. *би*, *пи*, неопр. н. на *цѣ* и (изрѣдка) на *ци*: *ѣци* (=ѣсть), *данѣци*, возвр. зал. (изрѣдка) на *си*: *сѣбралиси*. Формы зват. н. употребляются, но рѣдко.

Одинъ говоръ Сѣнненскаго у. имѣетъ въ однихъ мѣстахъ мягкое *р* (трѣмъ и т. п.; рядомъ, нерѣдко: *царъ*, *мора*=море и т. п.), въ другихъ только твердое *р*. Глухое *ы* послѣ твердыхъ согласныхъ вмѣсто *а*, *о* безъ ударенія—какъ въ сосѣднихъ говорахъ Витебской и Смоленской губ., т. е.

¹⁾ Смоленскій Этногр. Сб.

²⁾ Русск. Фил. Вѣстн. 1881 г. № 3.

³⁾ Смоленскій Вѣстникъ 1892 г. № 14, 45. Текстъ изъ того же уѣзда—у Беса сонова, Калѣки, стр. 118.

даже въ слогѣ передъ удареніемъ: аддыла, дыстаць, скыкаць, кыня, астаься пярэ, рызыйшыся; я вм. е вполне обычно: бяры, вялкія, яму, идзіця, вываў (рядомъ: бьда, мяа, ў лёси, пдасъ и т. п.). Предлогъ-префиксъ *отъ* изрѣдка звучитъ *одъ* въ одыменуць и т. п. Формы вин. ед. добраю, дбрыю, мѣстн. ед. ны вакошку, им. мн. тѣя, 3 л. ед. на *ець* (бѣсъ=есть).

Другой говоръ того-же у. (с. Ульяновичи и др.)—отличается отъ предъидущаго постоянно твердымъ *р* и рѣдкимъ употребленіемъ *ы* вмѣсто *а*, *о* въ слогѣ передъ удареніемъ (но: плакыць, козычка). Формы им. мн. явѣя дзярѣвья ¹⁾.

Говоръ Оршанскаго у. близокъ къ первому говору Сѣнинскаго у., но имѣетъ только твердое *р*. Глухое *ы* даже передъ удареніемъ: мыя, кызцаць и т. п.; *у* вмѣсто *о*, *а*, *ы*: пумагаць, пругожий и т. п. ²⁾.

Одинъ говоръ Горецкаго у. (Городищенская волость и др.) также близокъ къ первому говору Сѣнинскаго у.: глухое *ы* даже передъ удареніемъ: дысада, рыднй, *у* вм. *о*: абубраць; но отличается отъ него сохраненіемъ мягкихъ *д* и *т*: дѣтки, тяперь; *р* въ немъ мягко: пярямѣнить ³⁾.

Въ другомъ говорѣ (с. Любичи съ его волостью и др.) глухое *ы*, новидимому, очень рѣдко; *ы* вм. *е*, *я* не такъ часто, какъ *я*: абнйла, сѣмьць, мяа (но: мянѣ, цябѣ, нясй, цягъпецъ, па зямлѣ и т. п.). Другія черты: мягкое *р* (даже—въ отдѣльныхъ случаяхъ—вмѣсто твердаго: адбарываць), формы твор. мн. на *мы*: рукамы, вѣмы, людзямь, мѣстн. мн. на *лясогъ* (=лѣсахъ) и т. п., 3 л. ед. на *ець* (на *е*—рѣдко; *ѣць* и *ѣ* ⁴⁾).

Прочіе говоры этого уѣзда—переходные отъ перваго говора ко второму. Напримѣръ, говоръ г. Копыся имѣетъ *дз* и *ц* при твердомъ *р* и сильномъ аканьѣ; говоръ с. Святошницъ—*дз* и *ц* при мягкомъ *р* и *ы* изъ *о*: дыстаьсь и т. п. ⁵⁾.

Одинъ говоръ Чаусскаго у. (Гладковскій приходъ, въ юго-зап. части у.) близокъ къ говору Оршанскаго у.: *дз* и *ц* (спорадически *д* и *т*: тябѣ), мягкое *р*, глухое *ы* изъ *о*, *а* даже въ слогѣ передъ удареніемъ: бьрамъ (=борамъ), танцываць, пады мнѣю (не часто), кылыхнйся, скрыпычка, жѣныкъ (род.), *и* изъ *е*, *я*: ныхай, вѣчирь, висяла (рядомъ съ *я*). Формы 3 л. ед. всегда на *ць* ⁶⁾.

¹⁾ Вѣлор. Сборн. (особенно в. III).

²⁾ Вѣлор. Сб., IV, №№ 9 и 15.

³⁾ Шейнъ, Мат., ч. II, стр. 641, 665, 669.

⁴⁾ Вѣл. Сб., IV, №№ 10, 23 и др.

⁵⁾ Шейнъ, Мат., ч. I. Въ копысьскомъ говорѣ отмѣчено: виджу, дѣжжыкъ, одамину, формы им. ед. дѣбры.

⁶⁾ Тамъ же.

Другой говоръ того же у. (Городецкая волость, въ сѣверо-восточной части у.) отличается отъ предъидущаго очень частымъ употребленіемъ мягкаго *р*, даже вмѣсто твердаго: пражѣць (=прожить), драць (=драть), рабѣць (=робѣть), кучера (=кучера), и очень рѣдкимъ употребленіемъ глухаго *ы* вмѣсто *о*, *а* (только во второмъ слогѣ передъ удареніемъ, и то рѣдко). Формы мѣстн. ед. на купцѹ, на тому свѣци, тв. мн. на мы: славамы, горькамы слязми, 3 л. ед. всегда на *ць* ¹⁾.

Съ этимъ говоромъ очень сходенъ одинъ говоръ Могилевскаго у. (с. Полюковичи, на сѣверо-востоку отъ г. Могилева). Онъ имѣетъ мягкое *р*. Глухое *ы* изъ *о*, *а* въ немъ очень рѣдко.

Другой говоръ (Княжицкая волость, на сѣв.-западъ отъ Могилева, но далеко отъ с. Полюковичей, сс. Нѣжково, Браково) имѣетъ твердое *р* и формы 3 л. ед. на *е*: идзе, закусуя (=закусываетъ), прѣся (=просить), ходзя и т. п. (ф. на *ець* и *иць* гораздо рѣже). Аканье очень сильное (но: мнѣ, рядомъ съ янѣ и йнѣ, разви, на дарѣзи). Формы род. ед. зъ ѣтыя маѣ дачкѣи, твор. мн. сватамы, ймы, касцѣамы²⁾.

Говоръ Мстиславскаго у.: мягкое *р*, сильное аканье (*ы* вмѣсто *о*, *а* очень рѣдко, *и* вмѣсто *е*, *я*—чаще); формы им. мн. тѣя грѣшы, 3 л. ед. на *ець* (*ѣсь*=*есть*) и—рѣже—на *е*³⁾.

Говоръ Чериковскаго у. почти тождественъ съ говоромъ Мстиславскаго. Можно отмѣтить лишь болѣе частое глухое *ы* во второмъ слогѣ передъ удареніемъ и въ слогѣ послѣ ударенія: ны канѣи, дыгадѣтца, рабѣтыиць, изрѣдка встрѣчающееся мягкое *р* вмѣсто твердаго: старятца, формы им. мн. такѣя, бальшѣя, мѣстн. п. мн. на лядѣцъ, махѣцъ, 3 л. ед. одинаково часто на *ець* и на *е* (даже: гавѣря, видзя ⁴⁾).

Одинъ говоръ Климовицкаго у. (с. Забѣлышино, въ южной части у., близъ границы Рославльскаго у.) отличается, кромѣ мягкаго *р* (даже: стырѣцелный = старательный), сравнительно частымъ употребленіемъ глухаго *ы* вмѣсто *а*, *о*, иногда даже въ слогѣ передъ удареніемъ: ны заўтрага, пастѣвиць, укльняиця, и *и* вмѣсто *е*, *я*: писѣць, сѣиць. Формы 3 ед. на *ець* ⁵⁾.

Другой говоръ того же у. (с. Тимоново, близъ г. Климовичи, къ юго-западу) отличается отъ предъидущаго тѣмъ, что въ немъ рядомъ съ *р* мяг-

¹⁾ Бѣлор. Сб., IV, №№ 2, 29, 33, 34, 41.

²⁾ Тамъ же, №№ 7 (Полюковичи), 38, 42, 76.

³⁾ Тамъ же, дополненія, №№ 8, 11, 43, 44, 45, 47. У Шейна, Мат., ч. II, стр. 355, нѣсколько пѣсень будто-бы изъ с. Монастырщины. Мст. у., съ мягкими *д* и *ж* и съ нерѣдкимъ твердымъ *р* вмѣсто мягкаго. Сравни въ Бѣл. Сб. (№ 43) сказку изъ того же села.

⁴⁾ Бѣл. Сб., III, стр. 254; IV, №№ 75, дополн. 2, 13, 18, 46, 53, 58.

⁵⁾ Тамъ же, IV, дополн., №№ 1, 16, 52.

кѣмь (даже: старятца) встрѣчается *p* твердое: *ў* горасци (= въ горести), падгаваруиць; употребленіе глухого *ы* очень ограничено (изрѣдка во второмъ слогѣ передъ удареніемъ). Можно отмѣтить формы дат. мн. бацькѣмъ, навалѣмъ.

Въ третьемъ говорѣ (с. Забычанье, въ южной части у., на границѣ Чериковскаго у.) отмѣнены, рядомъ съ формами 3 л. на *ець*, формы на *e*, даже: гавѣра и т. п. ¹⁾.

Одинъ говоръ Быховскаго у. (сс. Городище, Чигринка, м. Пропойскъ и друг.) ²⁾ имѣетъ твердое *p* и очень сильное аканье (*ы* вмѣсто *о*, *а* неизвѣстно, *и* вм. *e*, *я* рѣдко: мянѣ, нясѣ, змяѣ, ядро, но: у дарози, ина): формы мѣстн. на *ўсѣмъ* маймъ царству, дат. мн. братѣмъ, атцѣмъ, кучарѣмъ, твор. мн. на *мы* и на *ма*: харѣшымы, напѣткамы, сваймы, рубѣмы, дзяцьмы, ймы, нагѣма, внутѣма, слязѣма, мѣстн. на твятѣхъ, 3 л. ед. на *ець* и на *e*: идзѣць и йдзя, пўсциць и пўсця, бѣѣ, ѣсь (= есть), есь (= ѣсть). 1 л. мн. дадзѣмъ, повелит. н. уцякайма.

Другой говоръ (с. Гайшино, въ южной части у., на границѣ Чериковскаго у.) отличается отъ предъидущаго тѣмъ, что имѣетъ то мягкое, то вмѣсто мягкаго твердое *p*, и тѣмъ, что въ формахъ им. ед. женск. р. и 3 л. ед. передъ *a* иногда отсутствуетъ *j*: таа дѣбраа баба, знаа, думаа, гоняа, свѣзуа (=сказываетъ), завидуа (рядомъ: тая, зная и т. п.). Формы дат. пятахѣмъ, твор. ногѣмы, 3 ед. на *ець* и — чаще — на *e*, 1 мн. маѣмъ (=можемъ) ³⁾.

Говоры южной половины Могилевской губ. болѣе разнообразны, чѣмъ говоры сѣверной.

Одни изъ нихъ (въ юго-восточной части Рогачевскаго и въ большей части Гомельскаго у.) близки къ послѣднимъ и мало отличаются другъ отъ друга. Они имѣютъ, кромѣ обще-могилевскихъ чертъ, мягкія *d* и *m*, твердое *p*, сильное аканье (зямля, гуляяшъ, пасѣямъ, 1 л. мн., найдѣтя), предлогъ-префиксъ *одъ* (рядомъ съ *отъ*), формы им. ед. на *ми* (но той), мѣстн. ед. на *охъ*: на мужыкѣхъ, балатѣхъ, 3 л. ед. на *e* (ходя и т. п.) и на *ить*, 1 л. мн. на *омъ*: идѣмъ, запрагомъ, саткѣмъ, заграбѣмъ, неопр.

¹⁾ Тамъ же с. III.

²⁾ Этотъ говоръ Романовъ называетъ друтскимъ: онъ употребляется на р. Друти и въ треугольникѣ между ею и Днѣпромъ, какъ въ Быховскомъ, такъ и въ Рогачевскомъ у. Бѣл. Сб., III, стр. XV.

³⁾ Бѣлор. Сб., III. — У Шейна, Мат., ч. I, тексты изъ с. Бовки, Быховск. у., на востокъ отъ Ст. Быхова. Въ нихъ *ы* вм. *о*, *а* очень часто, даже передъ удареніемъ: ямя, зыгидяю, стыйтъ, пы смѣхъ; то *dз* и *ц*, то мягкія *m* и *d*; то твердое вмѣсто мягкаго, то мягкое *p*.

н. на *ти* (часто; мѣстами¹⁾) «почти совершенно оставлено окончаніе *ть*»: бѣк-*ти* (=бѣчь) и т. п.; въ формахъ 3 л. мн. употребляется окончаніе *ути*: скач*ути* (мѣстами «окончанія *уть* избѣгаютъ»). Сверхъ того, въ нихъ, то чаще, то рѣже, слоги *ея*, *мя*, *еѣ* и т. п. замѣняются —по-малорусски— черезъ *езя*, *мзя*, *еѣѣ* и т. п.: ўрѣ*мзя* (=время), завязь (=завязь), и употребляются формы им.-вин ср. и нарѣчія на *э*: харашѣ, и мѣстоименіе *шо* (иногда рядомъ съ *шо*), при *што*. Формы им. ед. муж. и дат.-мѣстн. ед. женск. р. въ родѣ *тэй*, *сляпэй* и им. мн. въ родѣ *тѣя*, *сляпѣя* на югѣ Могилевской губ. рѣдки.

Изъ этихъ говоровъ говоръ с. Перерость и близкихъ къ нему мѣстѣ Гомельскаго у. (въ юго-восточной части у., близъ границы Новозыбковскаго у.) имѣеть, кромѣ указанныхъ особенностей, также формы 3 л. мн. на *ямь* вмѣсто *ють* (при отсутствіи ударенія): лят*ямь*, лет*ямь*, дабег*ямь* и т. п.²⁾

Другіе говоры юга Могилевской губ. болѣе своеобразны.

Это—одинъ изъ говоровъ Рогачевскаго у. (м. Городецъ, близъ г. Рогачева, на юго-востокѣ отъ него, с. Нисимковичи). Онъ, имѣя большую часть чертъ общихъ ему съ сѣверными говорами Могилевской губ., между прочими очень сильное аканье, мягкія *д* и *т*, рядомъ съ *дз* и *ц*, твердое *р*, *дж*, твердое *л* въ *слѣна*, *пѣлца* и т. п., формы твор. мн. на *мы*, 3 л. ед. на *е*, неопр. накл. на *ти*), отличается отъ нихъ частымъ употребленіемъ *у* вмѣсто неударяемыхъ *а*, *о*: заплак*у*, гувѣрац*у*, свуѣй (дат.), частымъ опущеніемъ *ј* передъ *а* и *у*: залата*а* уздѣчка, сѣна т*оа* (=тѣе), тр*оа* с*у*такъ, чужна в*о*ни, праст*на*, раз*у*м*на* (им.-вин. мн.), ты*а* радасц*а* (род. ед.), жы*ва* вад*ы*, гвѣм*ь* (тв. ед., =гноемъ), даб*а*г*а*, спраш*уа* (=спрашиваетъ), пайм*а*л*ь* (1 л. мн.), сва*у*, т*у*у чась, збру*у* (вин.). Сверхъ того: слоги *ея*, *мя* и т. п. могутъ замѣняться черезъ *езя*, *мзя*: ўрѣ*мзя*, дав*езь*, формы 1 л. мн. на *омз*: паед*омз* (=поѣдомъ), вад*омз*, маг*омз* (при вѣзьямъ), формы 3 л. мн. на *ти* (изрѣдка): падохн*ути*. Наконецъ, твердое двойное *ш*: маг*ушшы*, вѣш*шы* (=вещи), пуш*шю*; *ы* послѣ *і* въ наг*ы* (род.); *ѣ* вм. *хв*: ѹбач*у*³⁾.

¹⁾ Въ Дятловницкой волости Г-жа Радченко, Гомельскія народныя пѣсни, Спб. 1888 (введеніе).—«Въ Гомельскомъ уѣздѣ . . . свой говоръ, нѣсколько отличающійся отъ бѣлорусскаго языка всего сѣв.-западнаго края. . . Рогачевскій уѣздъ (къ сѣверу отъ Гомельскаго) есть уже настоящая Бѣлоруссія. Эта разница отчасти находятъ собѣ объясненіе въ экономическомъ положеніи крестьянъ Гомельскаго уѣзда. Съ сѣверомъ она не имѣетъ никакихъ связей, и потому постепенно забывается бѣлорусскій яз.; а на югъ часто отъправляются на заработки, и тамъ заимствуютъ малорусскія слова и пѣсни. Тамъ же, стр. IX.

²⁾ Этотъ говоръ названъ у Романова пореростовскимъ («юго-восточная часть Гом. у.»). Б ѣ л. С б., III, IV.

³⁾ Б ѣ л. С б., III. Говоръ мѣст. Жлобина отличается отъ говора с. Нисимковичей мѣсте частымъ опущеніемъ *ј* и употребленіемъ мѣстоименія *шо*, рядомъ съ *што*.

Это—другой говоръ того же уѣзда (с. Озераны). Въ немъ ¹⁾ обращаютъ на себя вниманіе очень закрытыя *a* и *o*, которыя наблюдателемъ были приняты за *o* и *y* ²⁾, или—быть можетъ—уже вполне развившіяся *o* и *y* на мѣстѣ нашихъ ударяемыхъ *a* и *o*: *свѣска* (=сказка), *кѣжа* (=важе), *дѣи* (=дай), *дубѣи*, *ступѣи*, *номъ* (=намъ), *врдзешъ*, *чосъ*, *жѣли* (=жали), *слядѣи* (=слѣдами), *пѣць* (=пять), *ѣзѣли*, *мѣса*, *ѣскѣи* и т. п., *пѣсли* (=послѣ), *хлѣпцы*, *дарѣгаи* (твор.), *прѣса* (=просить), *вѣко* (=око), *плуть*, *хвустъ*, *юпъ* (=ѣпъ), *юи* (=ѣи), *ю*, *кѣсь* (=ѣ, ѣсть), *лѣхъ* (=лѣгъ), *нѣсь*, *кулѣсы* (=колѣса), *прѣпый*, *жывѣмъ* (1 л. мн.), *бѣяцѣсь* (=бѣетесь), *ѣсо свадѣ сало* (=всѣ) и т. п. Употребленіе *y* на мѣстѣ не ударяемыхъ *o* и *a* очень часто, такъ что *o* замѣняется черезъ *y* чаще, чѣмъ черезъ *a*: *гулувѣ*, *пуруслѣ*, *чулувѣча* (зв.), *здурѣва*, *навурили* (=варили), *видѣю* (=вѣдаю), *чарувѣя*. Затѣмъ, *ь* звучитъ какъ долгое *и*: *хлипъ* («какъ бы хлѣпъ», =хлѣбъ), *мядзвѣць*, *ѣхаць*, *зусѣкъ* (=засѣбъ), *пувѣшу*, *дзѣлаць*, *цѣпый*, *рѣзаць*. Сверхъ того: *дз* и *ц*, твердое *р* и другія черты общія говорамъ Могилевской губ., сохраненіе (иногда) древняго *e* безъ ударенія, отсутствіе *j* въ *акъ* (=якъ), *здурѣваа*, *бѣжаа мѣцѣрь* (=божья мать), *знѣа*, *умоляа*, *папѣтаамъ* (не часто), формы 3 л. ед. на *e* (хѣдза), 1 л. мн. на *омѣ*: *начнѣмъ*, *пападѣмъ*, повел. н. *хѣдзѣмъ*. Глухое *ы* очень рѣдко; *я* вм. *e* обычно: *мянѣ*, *перавѣдѣ*, *бѣгаа*; формъ твор. на *мы* не отмѣчено ³⁾.

Это—говоръ южной полосы Гомельскаго у. (с. Марковичи и с. Старо-Юрковичи съ волостью послѣдняго), имѣющій кое-что общее съ говоромъ озеранскимъ, именно иногда *и* (какое?) вмѣсто *ь*: *ѣхали*, *дѣло*, *цѣлая нѣдѣля*, *рѣзати* (=рѣзати), и отсутствіе *j*: *дѣбраа*, *дѣбруу*. Сверхъ того: мягкія *д* и *т*, твердое *р*, спорадическое неударяемое *o*, частое *я* вмѣсто *e*: *ява*, *мѣлѣ*, *яѣ*, *вѣсельѣ*, *нѣсли*, *бярѣ*, *запрѣгайтѣ*, *рядѣмъ* съ *и*: *литѣть*, *нѣвѣхна*, *злѣная*, *нѣмѣ*, *вѣзира*; изрѣдка твердые согласные (по-малорусски): *ѣсѣ* (=всѣ), *мѣтъ* (=медъ; Юрковичи); изрѣдка (по преимуществу послѣ губныхъ) *и* вм. *ы*: *вѣшла*, *карѣви* (им. мн.), *ви* (=вы), *вѣсѣхати*, *сѣнѣчки* (при *нѣвѣскы*, им. мн.); *сѣя*, *мѣя* и т. п. вм. *ѣя*, *мѣя*: *нѣяти*, *сѣѣсъ* (=вѣсъ), сто *сѣзѣрѣтъ*; формы твор. мн. на *мы*, 3 л. ед. на *e* (хѣдѣ), *буѣ*, *булѣ*, 3 л. мн. на *ятѣ* вм. *ютѣ*: *гулѣятѣ*, мѣстоименіе *шо* ⁴⁾.

¹⁾ Романовъ, называющій этотъ говоръ озеранскимъ, говоритъ, что онъ распространенъ въ западной части Рогач. у., на границѣ съ Минской губ., и наиболѣе рѣзкимъ является въ Озеранскомъ приходѣ.

²⁾ По Романову, «звукъ *o* проносится почти какъ *y*: *муѣ*, *гулувѣ*».

³⁾ Б ъ л. С б., III.

⁴⁾ Б ъ л. С б., IV, № 60, 102. III ѣ и ѣ, Мат., ч. I (здѣсь еще: им. ед. *сѣзой*, род. табл. *вѣя*, что сомнительно).

Романовъ сводить говоры Могилевской губ. къ тремъ:

1) центральному, чистому бѣлорусскому, въ уу. Сѣнненскомъ, Чаусскомъ, большей части Могилевского, западныхъ частяхъ Оршанскаго и Горецкаго, съ дзеканьемъ, твердымъ *p*, съ формами 3 л. ед. на *тѣ*. Изъ Могилевской губ. онъ направляется въ Витебскую и Минскую губ. и переходитъ во всей своей чистотѣ въ Дисненскій и Вилейскій уу. Виленской губ.;

2) восточному, въ уу. Климовицкомъ, Чериковскомъ, Мстиславскомъ, восточныхъ частяхъ Горецкаго и Оршанскаго, сѣверной части Сѣнненскаго, съ дзеканьемъ, мягкимъ *p*, формами 3 л. ед. на *тѣ*. На сѣверѣ онъ сливается съ говоромъ смоленскимъ, направляется къ Днѣпру и затѣмъ, за Днѣпромъ, переходитъ въ Витебскую губ., гдѣ наполняетъ Витебскій, часть Городокскаго и Невельскаго уу. и сливается въ Велижскомъ у. съ говоромъ смоленскимъ покающимъ;

3) южному, въ у. Гомельскомъ и большей части Рогачевского (сѣверная граница на востокѣ, въ Климовицкомъ у., —рѣка Бесѣдь, на западѣ—граница Сѣнненскаго у.), безъ дзеканья, съ твердымъ *p*, съ формами 3 л. ед. на *е*. Онъ переходитъ въ Минскую губ. ¹⁾ и имѣетъ въ ней значительное распространение, пока не сливается съ окающимъ говоромъ. Этотъ говоръ разбивается на много подгрупповъ, изъ которыхъ важнѣйшіе переростовскій, озеранскій и друтскій ²⁾.

Говоры Минской губ. дѣлятся на три группы: сѣверо-восточную, западную и южную.

Говоры сѣверо-восточной группы очень близки къ сосѣднимъ говорамъ Виленской, Витебской и Могилевской губ. и отличаются сильнымъ аканьемъ и употребленіемъ *dz* и *ц*, *ѣ* вм. *у*, *а*, *л*, двойныхъ мягкихъ согласныхъ, твердаго *p*, твердыхъ шипящихъ (даже двойныхъ: *цѣшша* = тѣща, *дажжжѣ* = дожди) и *с* въ сѣрца, сыножаць и т. п., *зз* вмѣсто *изз*, *сз*, формъ дат.-мѣстн. съ свистящими, дат. и мѣстн. *гасцѣмз*, *гасцѣлз*.

Въ говорѣ Борисовскаго у. (сравн. говоры виленскій и витебскій) нерѣдко употребленіе *и* вм. *е*: *литала*, *плила*, *у наборы* = въ наборѣ и т. п. (рядомъ: *мядѣць*, *ляциць*, *нясѣць*, *сѣйця*; с. Волосовичи); формы им. ед. на *ы*, дат.-мѣстн. ед. *тэй*, 3 л. ед. въ однихъ мѣстахъ обыкновенно на *ець* (с. Волосовичи, Лотыголичи), въ другихъ, къ югу отъ первыхъ, обыкновенно на *е* (м. Холопеничи; даже: *хѣдзя*), повел. н. *би*, *пи*. Формы зват. н. обычны: *мўжу*, *нягадзўю*; рядомъ съ формою *цябѣ* — форма *це* (род. - вин.): *ѣ це* (= у тебя).

¹⁾ По г-жѣ Радченко, гомельскій говоръ также слышится въ Рѣчицкомъ у. Минской губ.

²⁾ Вѣд. Сб., III, введеніе.

Въ говорѣ сѣверной, большей ¹⁾ части Минскаго у. (сравн. говоръ виленьскій) употребленіе *и* вм. *е*, повидимому, очень рѣдко (въ концѣ формъ дат.-мѣстн.); двойные мягкіе согласные иногда замѣняются простыми: сви^ии; формы им. ед. на *ы* и на *ыи*, 3 л. ед. въ однихъ мѣстахъ обыкновенно на *ець* (рѣдко на *е*; с. Лусково), въ другихъ обыкновенно на *е* (по хѳдзя и т. п. неизвѣстны; м. Койданово, д. Грычино), 3 л. мн. хѳдзюць (с. Лусково), возвратн. зал. на *и*я: гадзѳиця (с. Лусково).

Говоръ части Игуменскаго у.: употребленіе *и* вм. *е* рѣдко (дзисѳатникъ, минѳе, нѳхай, у камѳры, но: на марѳзя, на стрѳся, на чужой старѳнуща, новыя сѳня=сѳни), встрѣчается *у* вм. *о*: шпѳруа=щирое, на крупѳенькумъ бярашкѳ (с. Микуличи), на жѳѳтумъ пясѳчку (м. Узды); изрѣдка *дж*; формы им. ед. на *ы*, им. мн. валѳ (=волы, м. Узды), 3 л. ед. на *е*, повелит. н. жжы (= жди) ²⁾.

О говорахъ части Бобруйскаго у. наши свѣдѳенія крайне скудны. Употребленіе *и* вм. *е*, повидимому, рѣдко (дат. - мѣстн. дарѳзи, свѳси и т. п. но: кусѳляшъ, радуютца, ед.; д. Михалево); двойные твердые шпѳицѳе иногда замѣняются простыми: яшѳръ (= ящѳръ, д. Михалево); нерѣдко *дж*; формы им. мн. на *ы* и на *ыи*, мѣстн. ед. на хѳвѳстику, зват. работничку (с. Жилинцы), дат.-мѣстн. ед. тѳи, им. мн. стральцѳе (с. Жилинцы), каралькѳе, павадкѳе, касничкѳе (= поводки, коснички; д. Михалево), твор. мн. плячѳма, свѳчѳма (= свѳчами, д. Михалево), 3 л. ед. въ однихъ мѣстахъ обыкновенно на *ець* (с. Бацевичи), въ другихъ обыкновенно на *е* (д. Михалево; даже: хѳдзя, с. Жилинцы). 1 л. мн. бѳдамъ (д. Михалево), повел. н. сварѳцѳся, памирѳцѳся (= сваритесь, миритесь; Городокъ). Сверхъ того, употребляется *ј* передъ начальнымъ *а* въ началѣ рѳчи и послѣ словъ, оканчивающихся на гласные: *я* (= а, союзъ), ягѳнь (с. Жилинцы), и два *е* сливаются въ одно: смѳшъ, умѳшъ (д. Михалево) ³⁾.

Извѣстные намъ говоры Рѳчицкаго у. всѳ съ *дз* и *ц* (рядомъ съ вторыми изрѣдка мягкія *д* и *т*) и формами 3 л. ед. на *е* и *иць*. Одинъ изъ нихъ (неизвѣстной мѣстности, — вѳроятно, Дерновической волости) имѣетъ очень сильное аканье (личинька, мѳлага), частое *я* вм. *е* (*и* рѣдко: на вѳстраи

¹⁾ Съ м. Кѳйдановымъ включительно (на юго-западѣ, въ 40 верстахъ отъ Минска) На основаніи сообщенія В. З. Завитневича.

²⁾ Въ текстахъ изъ Борисовскаго и Игуменскаго уу. у Шѳйна встрѣчаются формы им. ед. на *ой*: залатѳй, даратѳй (сомнительныя).

³⁾ Тексты изъ разныхъ мѣсть этихъ уѳздовъ Минской губ. — у Шѳйна, «Шѳени» и «Мат.», чч. I и II. — Впрочемъ возможно, что въ нѳкоторыхъ говорахъ, нами здѳсь описанныхъ, слышатся дифтонги *ю*, *ѳе*, не отмѳченные въ текстахъ Шѳйна (особенно въ говорѣ м. Узды, въ юго-зап. части Игуменскаго у., не въ далека отъ м. Столбцы, Минск. губ., гдѣ дифтонги).

и т. п.), предлоги-префиксы *изъ*, *исъ* вмѣсто *съ* и рядомъ *съ съ* и *одъ* рядомъ *съ отъ* и форму род. ед. *магò* ¹⁾. Въ другомъ говорѣ, м. Горволи, можно отмѣтить только частое я вм. *е* (но: на явѣры, мѣстн.) и форму 1 л. мн. *пѡйдамъ*. Въ третьемъ говорѣ, с. Колки, при аканьѣ и частомъ я изъ *е*, кажется, послѣ ударенія спорадически сохраняются *о* и *е*. Сверхъ того, въ немъ *у* вм. *ы* (спорадически): *путали* (пытали), *навѣми*, *навѣхъ* (= новыми, новыхъ), *капѣцки* (= копытки), им. мн. *малотцэ*, твор. мн. *трымi* (= тремя), повел. н. на *мо*, 2 л. мн. повел. н. *кладзѣця*, неопр. накл. на *ци* (рядомъ на *ци*), возвр. зал. на *са*. Формы зват. п. ²⁾.

О говорахъ Мозырскаго у., тоже съ *дз* и *и* (спорадически также *д* и *т*) и формамъ 3 л. ед. на *е*, мы знаемъ еще меньше. Одинъ изъ нихъ (неизвѣстной мѣстности)—съ сильнымъ аканьемъ и частымъ употребленіемъ я вм. *е*: *залатѡга*, *варанѡга*, *далѣба*, *божа*, зват. (но: на *парѡзи*, на *хаѡи*, на *рѣццѣ*). Формы им. ед. на *ы*, 1 л. мн. *пайдѡмъ*, *сѣдзьма*, *павячарѣйма* ³⁾. Въ другомъ говорѣ, дер. Кочищи, Скородинской волости, къ югу отъ Припечи, неудараемая *о* и *е*, повидимому, послѣ ударенія спорадически сохраняются (записано: *табѣ*, *цябѣ*, *мянѣ*, *вяраѣѣна* = *веретѣна* и рядомъ: *пѣнно*, *бѣбо*, зват., *гѣтае сѣно*). Формы им. ед. муж. на *ыі*, средн. (и нарѣчія) на *э*, *эе*: *харѡшэ*, *тѣе акнѡ*, род. - дат. - мѣстн. ед. на *эй*, 1 л. мн. на *мо*, неопр. н. *пѣцци*, возвр. зал. на *са*: *няспѣса*, *бѣлиса*, и *ця*: *вярнѣцця* (неопр. накл.). Формы звательн. пад. ⁴⁾.

Говоры западной группы отличаются соединеніемъ аканья съ оканьемъ, т. е. сохраненіемъ болѣе или менѣе часто неудараемыхъ *о* и *е*, при *дз* и *и*, твердомъ *р*, *дж*, *зз* вмѣсто *съ* и рядомъ *съ съ*, *одъ* вм. *отъ*, формахъ им. ед. на *ы*: *дѡбры*. Формы им. ед. на *эй*, дат.-мѣстн. ед. на *эй*, им. мн. на *эя* въ этихъ говорахъ не отмѣчено.

Одинъ изъ говоровъ Новогрудскаго у. (Щорсовская волость) ⁵⁾

¹⁾ Тексты у Запольскаго, Бѣлорусская свадьба и свадебныя пѣсни, Киевъ, 1888, и въ статьѣ: «Крестыянскія игры въ Минской губ.», въ Жив. Старинѣ, 1891 г., № 4.

²⁾ Шейнъ, Мат., I.—Янчукъ говоритъ какъ объ особенностяхъ рѣчицкихъ говоровъ—о замѣнѣ *ы* черезъ *у*: *му* = мы, *сунь*, *букъ*, *буистрый* = быстрый. Сборникъ свѣдѣній...

³⁾ Тексты у Запольскаго, Бѣл. свадьба.

⁴⁾ Шейнъ, Мат., ч. I, стр. 44. Дер. Кочищи—къ югу отъ с. Мелешковичей, въ говорѣ котораго слышатся дифтонги, и потому, можетъ быть, говоръ Кочищъ принадлежитъ къ говорамъ южной группы.—По имѣющимъ у насъ свѣдѣніямъ, въ окрестностяхъ Князь-озера не слышно малорусскихъ дифтонговъ.

⁵⁾ «Piosnki wieśniacze z nad Niemna . . . są zebrane w Nowogródzkim we włości Szczerzowskiej (на границѣ Виленской губ.), najbardziej w Przeciszce, i kilka w Dałmatow-szczyźnie».

сохранить неударяемое *о* послѣ ударенія и неударяемое *е* какъ послѣ ударенія, такъ часто и передъ нимъ ¹⁾: старю, пѣвомъ (твор.), кятѣйкою (тв.). сѣрцо, сонцо, пагуляне, злетѣецъ, прылегѣецъ, чецвѣрты, ў селѣ, залатѣе, любѣе (им. мн.), стрѣчае; рядомъ: табѣ, залатѣ, ў дарѣзе, мядокъ, у вянкѣ. При этомъ неударяемое *о* послѣ ударенія можетъ звучать какъ *у*: на цяхумъ Дунаю, на бѣленькумъ камени, у трѣцюмъ поли (рядомъ: цихомъ), неударяемое *а* съ предъидущимъ *ј* или мягкимъ согласнымъ послѣ ударенія—какъ *е*: подѣсь, хѣдзецъ, прасѣласе, смейдце (рядомъ:—ся, ца), а неударяемое *е* передъ удареніемъ—какъ *и*: нима, минѣ, ципѣрь (рядомъ: нема, менѣ, цепѣрь). Сверхъ того: группа: согласный *ј* сохраняется: кучья, вѣцье, гальѣ, пагуляне. (но: весѣле); формы имен.-винит. мн. жѣньцѣ, касьцѣ (= жнецы, косцы), сватѣ дамѣ (= сваты), пастушкѣ, дварѣ, двѣукѣ, людзе; 3 л. ед. обыкновенно на *e* (рѣдко: скѣчецъ), но: есць, ѣсць, естѣ (= есть), есць и даже еси (= ѣсть); 1 л. мн. иногда на *мо*: рѣбимо, седзимѣ; повелит. накл. съ *ъ*: жнеце, пазнеце (= поздните); неопр. накл. на *ць* и на *ци*; возвр. зал. на *ся* и *ца* (нѣтъ на *сь*). Сверхъ того: формы дв. ч. дзве шкѣдзе и дзве шкѣды, им., вин. ед. ср. р. сѣрцо маѣ и маѣ, мѣстн. ед. па бары и па барѣ; придыханіе *і* (= *і*): гараць при араць (= орать), рядомъ съ болѣе обычнымъ *е*: едко, сакнѣ (при око, акно) ²⁾.

Другой говоръ того же уѣзда (с. Березовець) имѣетъ безъ ударенія звукъ близкій къ *о* во второмъ слогѣ передъ удареніемъ и въ слогѣ непосредственно слѣдующемъ послѣ ударенія: моладыи, сокала, отступися, дѣброга, жѣнко (зват.), сѣрцо, зѣллѣ, застѣллѣ; въ другихъ слогахъ неударяемое *о* = *а*. балѣць, маѣ. Неударяемое *е* сохраняется въ тѣхъ же слогахъ, гдѣ и *о*, но гораздо рѣже; оно замѣняется въ остальныхъ черезъ *я* или черезъ *и*: сѣстра, вяй, ляцець, ѣдзя, минѣ, цибѣ, засмѣѣўся, никто ни злапая. Въ этомъ говорѣ удвояются мягкіе согласные: зѣллѣ; формы мѣстн. ед. на *и*, *ы*: ў сляци на гары (= горѣ); формы 3 л. ед. только на *е*: вязѣ, пляцѣ (= плететь) вѣжа; формы повел. накл. жнеця. Формы зват. п. ³⁾.

Третій говоръ того же уѣзда (мѣстности неизвѣстны) сохраняетъ неударяемыя *о* и *е* во второмъ слогѣ послѣ ударенія: вяльваго, цѣлаго, мѣрано (= мѣряно), дзѣраво, за пазухой, далѣкаѣ, блискаѣ, самые, мѣншые, на пѣ-

¹⁾ «Porównyując dialekt nadniemnowy z naddziwińskim ... w pierwszym ma przewagę samogłoska *e*, a w drugim *a*».

²⁾ Материалы въ двухъ книжкахъ Чочота: Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dzwiny, z dołączeniem pierwotownych w mowie sławiano-krewickiej, Wilno, 1844; Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dzwiny, niektóre przysłowia i idiotyzmy w mowie sławiano-krewickiej, Wilno, 1846.

³⁾ Русск. Филол. Вѣстн. 1884 г., № 2 и 3. С. Березовець.—на юго-западѣ отъ Щорсовъ, недалеко отъ послѣднихъ.

радзе; а спорадически, можетъ быть, и въ слогѣ слѣдующемъ за удареніемъ: *пѣле*, *здарѣвѣ*; въ другихъ слогахъ *о* и *е* замѣняются черезъ *я* или *и*: *аднѣ казѣ*, *мѣхка*, *вязѣ*, *лѣзя*, *ў лѣся*, *нѣма*, *ищѣ*. Двойные мягкіе согласные обыкновенно замѣняются простыми: *свиѣн*, *вясѣля* (но: *здарѣвѣ*). Формы им. ед. на *ы* (*той*), мѣстн. на канцѣ, твор. *плячыма*, 3 л. ед. на *е*, но: *есць* = *ѣсть*, повел. и. *дарѣце*, *напися*, *возвр. зал. всегда на ся* ¹⁾.

О четвертомъ говорѣ того же уѣзда (дер. Крутовицы) мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго, кромѣ того, что неударяемое *о* въ немъ иногда въ концѣ словъ сохраняется; записано: *другѣ*, *суджоноѣ*, *перѣ*, *сняданнѣ*, *даўсѣ* (= *дался*), *рядомъ съ пвятокъ*, *цѣбе*, *глядая*, *пѣця*, *бѣля* *лицо*, на *болоци*, на *рыби*, *жына*, *сусѣдочыкъ* (род.), даже: у *вѣликуй дарози*. Въ этомъ говорѣ двойные мягкіе согласные: *зельме*, *сняданнѣ*, формы вин. ед. *белаю* *руку*, им. - вин. мн. *гужѣ*, *паслѣ* (= *послы*), *мядѣ*, *быкѣ*, *дзяўкѣ*, 3 л. ед. на *е*, 1 л. мн. *вѣличаемо*, повел. *Нидзѣце*, *возвр. зал. на сѣ* (рядомъ на *ся*). Сверхъ того, *яцѣ* (двойные твердые согласные?) ²⁾.

Какъ далеко на востокъ заходятъ говоры западной группы, мы не можемъ опредѣлить, такъ какъ находящійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ внушаетъ къ себѣ мало довѣрія.

Тексты, записанные Дмитріевымъ въ неизвѣстныхъ мѣстностяхъ Минскаго и Игуменскаго уу., позволяютъ думать, что говоры этихъ мѣстностей, не имѣя дифтонговъ *yo*, *ie*, въ томъ или другомъ количествѣ сохраняютъ неударяемые *о* и *е*. Напримѣръ, въ нихъ стоитъ: *хорошае*, *дастаўсе*, *налетаўсе* (минск.), *скажысе*, *падзелісе* (иг.), рядомъ съ формами *абрусе* (вин. мн., = *убрусы*, иг.), у *сянѣхъ* (минск.), *збираиць* (минск.), *ходзе*, *пасякомъ* (иг.) ³⁾.

Тексты изъ сс. *Побережья* и *Скуплины* (на р. Березинѣ), *Борисовскаго уѣзда*, изданные графомъ Тышкевичемъ, также позволяютъ думать, что говоръ этихъ селъ (несомнѣнно дифтонговъ *yo*, *ie* не имѣющій) часто сохраняетъ послѣ ударенія неударяемые *о* и *е*. Записано: *табѣ*, *залатѣ*, *галава*, *яѣ*, *мянѣ*, *дзѣла* (= *дѣло*), *цѣста* (= *тѣсто*), *лѣжа* (3 л. ед.), *застѣля*, *падвѣрѣя* (им. - вин. ед.), *дубѣвай* (твор.), и рядомъ: *далѣко*, *нашаго*, *добраго*, у *дѣўгой дарѣзе*, *крыніцѣй* (твор.), у *гарѣдзе*, на *частакѣле*, *дѣбрые*, *угадѣе* (3 л.), *ржѣцѣ* (повел.), *раѣчекъ*, *вѣчеръ*, *застанусе*. Другія особенности: *дз* и *ц*, твер-

¹⁾ Тексты изъ *Новогрудскаго у.*, *Дыбовскаго*, въ *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*, тт. V, X, *Kraków*, 1881—86, и у *Шейна*, *Мат.*, II, 221 сл.

²⁾ Тексты у *Шейна*, *Мат.*, II, 235 сл. Еще тексты изъ *Новогрудскаго у.* — у *Дмитріева* въ «Собраніи пѣсенъ, сказокъ, обрядовъ и обычаевъ крестьянъ сѣверо-западнаго края», *Вильна*, 1869 (пѣсни перепечатаны у *Шейна*), и въ «Сказкахъ» *А. А. Афанасьева*, вып. 3-й, №№ 2—10 (особенные *Дмитріевымъ*). Здѣсь: *свиѣн*, *талыма*, *пишмы* (род.), формы зват. *кумка* (ж. р.), *дурачку*, *возвр. в. сашысе*, *схватилисе*.

³⁾ *Памятная книжка Гродненской губ. на 1869 г.* *Гродно*, 1869 г.

дое *p*, сохраненіе мягкихъ согласныхъ +*j*: *застоля* (рядомъ: *кахаме* = *вохань*), формы им. ед. на *ы*, род. *майгò*, мѣстн. пры *татэчку*, твор. мн. *ручкамі* *бяленькамі*, 3 л. ед. на *ець* и на *е*, возвратн. зал. на *се* и на *ся*; формы зват. п. ¹⁾.

Говоры южной группы—переходные отъ бѣлорусскаго нарѣчія въ сѣверно-малорусскому поднарѣчію—слышатся въ центрѣ Минской губ.: въ южной окраинѣ Минскаго у., въ Слуцкомъ, Игуменскомъ, Бобруйскомъ и Мозырскомъ уу. Они соединяютъ въ себѣ бѣлорусскія *аканье* (въ той или другой степени неполное) и *дзеканье* съ сѣверо-малорусскими дифтонгами *yo* и *ie* на мѣстѣ собственно бѣлорусскихъ ударяемыхъ *o*, *ò* и *e* (= древн. *e* и *ь*) и (иногда) ихъ неударяемыхъ рефлексовъ, приче́мъ въ этихъ дифтонгахъ въ сѣверо-восточной части территоріи говоровъ южной группы преобладаетъ вторая часть звука: *вубòль*, *мюдòдь*, *сіемь* (= *семь*), *сієно*, а въ прочихъ мѣстахъ—первая: *вубòль*, *мюдòдь*, *сіемь*, *сієно* ²⁾. Сверхъ того: *p* звучитъ обыкновенно лишь твердо; двойные мягкіе согласные (съ болѣе или менѣе частыми исключениями); *зз* вмѣсто *изз*, *сз*; *дж*; твердое *л* въ *сієно*, *òдєно*, *пáлцы*, что «не составляетъ однако общаго правила» (Игуменскій, Слуцкій, Бобруйскій уѣзды) ³⁾. Формы им. ед. на *ы*, род. *майгò* и *магò* и т. п., 3 л. ед. на *е* и *ець* (но: *єсьць* и *есць* = *есть*, *есць* = *ѣсть*); формы зват. пад. на *е* и на *у*. Формъ им. ед., дат. - мѣстн. ед. на *эй*, им. мн. на *эя* здѣсь совсѣмъ или почти совсѣмъ нѣтъ.

Неизвѣстно, звучатъ ли въ этихъ говорахъ древніе звонкіе какъ глухіе, или сохраняются, т. е. произносятся ли *мюдòдь*, или *мюдòть*, *салòдкій*, или *салоткій* ⁴⁾.

Объ степени *аканья* въ говорѣ южной окраины Минскаго уѣзда (дер. Ячонка, близъ м. Столбцы) мы не можемъ ничего сказать; отмѣчено: *пáсò-чакь*, *пчáдà*, *поглядáя* и т. п.; несомнѣнно, неударяемыя *o* и *e* въ большемъ или меньшемъ количествѣ случаевъ сохраняются. О дифтонгѣ *ie* (онъ одинъ отмѣченъ) также мы не можемъ сказать, какая часть, первая, или вторая, въ немъ преобладаетъ, и какъ часто онъ упо-

¹⁾ Tyszkiewicz, Opisanie powiatu Borysowskiego. Wilno, 1847.

²⁾ Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи, вып. I, М. 1889 г. (Извѣстія И. Общ. Любит. Естествозн., Антропол. и Этногр., LXI), ст. Ячюка.—Позволяемъ себѣ напомнить, что дифтонгъ—одинъ звукъ.

³⁾ Тамъ же, стр. 70.

⁴⁾ «Относительно тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ я не успѣлъ побывать, я могу сказать только, что на югѣ Минской губ., въ сторону Польши и Малороссіи, бѣлорусскій языкъ далеко не такъ чистъ, какъ въ сѣверной части, но только въ отношеніи звуковъ, но и въ отношеніи словоупотребленія и формъ; тамъ совсѣмъ особый типъ языка съ большою примѣсью польскаго и малорусскаго». Тамъ же, стр. 70.

требляется; едва ли можно сомнѣваться, что онъ употребляется много рѣже, чѣмъ въ сѣверно-малорусскихъ говорахъ: *табіе* (= тебѣ), *выбіегла*, *посѣдзіенки*, *піесня*, *піели*, *зацвіетае*, *стреміендѹ* (род. мн. = стремянѣ), и рядомъ: на дворѣ (мѣстн.), *медъ* и т. п. Другія особенности: твердое двойное *и*: *ишыгедь* (= щеголь), формы: род. свѣй матушки, своѣ цѣтушки, поведат. в. завернѣце, одберѣце, запросѣце, возвр. з. женицисе ¹⁾

О степени аканья въ говорѣ с. Подлѣсья, Слуцкаго у., мы не можемъ ничего сказать (записано: *гѳрда*=гордо, *табѣ*, *подмавіян*, *вяногѣ*, *чагѳ*, *взядѣ*, *жанѳ*, *собѣ*, *дзячѣна*, *заядѣлю*, твор., *нашаго*, *цлѣча*, 3 л. *мѣтца*, дат., *буольшѳ*, *пуойдзѣшѣ*. Дифтонги *уо* и *іе*, неизвѣстно съ преобладаніемъ какой части, употребляются очень часто: *муой*, *двуорѣ*, *буорѣ*, *буогѣ*, *туольки*, *доруожка*, *вуойна*, *юонѣ* (=онѣ), *мюодѣ*, *лябуодна*, *жуонка*, *зляюонѣ* ²⁾, *дзіе* (=гдѣ), *віекѣ*, *чаловіекѣ*, *ліесѣ*, *обіедѣ*, на *століе*, *піечѣ*, *міечѣ*, причемъ рядомъ съ ними изрѣдка являются съ одной стороны *у* и *и*: *вуойтуѣна* (=войтовна), *волуѣ* (род. мн.), *долуѣ* (=доловѣ))³⁾, *таби*, *віе*, *сіе* (=вѣтъ, сѣтъ), *пырѣя* (=перѣ), съ другой—*о* и *е*: *мѣдѣ*, *семѣ* (=семь) и т. п. Придыханіе *г* въ *гостры* (=острый). Формы: им. ед. *той*, мѣстн. ед. на *вуойську*, дат. мн. *пануомѣ*, твор. *плечыма*, *очыма*, 1 л. мн. *бѣдамѣ*, повел. н. 2 ед. *поможы*, 1 л. мн. *поставѣма*, возвр. з. на *са*: *забыласа*, *боюса*, и на *ця*: *напѣця*. Форма буд. вр. 3 л. мн. *собираць муѣ* ⁴⁾).

О говорѣ с. Семезова, того же у., наши свѣдѣнія очень скудны. По видимому, онъ близокъ къ говору подлѣсскому: *табѣ*, *чамѣ*, *нашаго*, *спѣжачка*; *руодны*, *голуовка*, *куожны* (=каждый), *ѣ божумѣ домѣ*, *у шелковумѣ пуцѣ* (отъ путо), рядомъ съ *мой*, *твой* и т. п. Сверхъ того: *сваѣ*, род. ед., *залиса*, повел. н., *одорвѣця*, 3 л. ед., *хорощѣ* (=хорошо).

То же можно сказать о говорѣ д. Островковъ, Царевской волости, того же у. Отмѣчено: *гѣекѣ*, *стуоль*, *суоль*, *муой* (рядомъ: *твой*), *небуосѣ* (род.), *раструосѣ* (=растрѣсѣ), *слюозки*. Сверхъ того: *єкѣ* (=якѣ)⁵⁾.

Въ говорѣ д. Конюковъ, того же у., при сильномъ аканьѣ (*пахавѣе*, *янѣ*, *дзяржаѣ*, *пяралічимѣ*), тѣ же дифтонги: *туолька*, *мужыкуоѣ*, *маіе апастѳлы* (им. мн. ⁶⁾).

¹⁾ Шейнъ, Мат., I. Д. Мчонка—близь границъ Новогрудскаго и Ошмянскаго уу.

²⁾ Даже: *туой*, им. ед., *немнуого* и т. п.

³⁾ Даже: въ Бѣлуй Руси.

⁴⁾ Шейнъ, Мат., I.

⁵⁾ Тамъ же, II, стр. 206 сл., 290 сл. Въ текстахъ изъ д. Іодницы, Грачевич. волости, Слуцк. у.: по *вороненькумѣ*, ф. повел. н. *будѣце* (=будите), *ходѣце*. Тамъ же, I, № 151.

⁶⁾ Балецдаръ сѣв.-зап. края на 1889 г., стр. 136. Здѣсь, стр. 135, два стихотворенія, по видимому, на этомъ же говорѣ; въ нихъ мы находимъ *каланакѣ* (им. ед.), *аткапѣца*, *жуонка*, *нуочу*, *спѣяцѣ* (=спяцѣ).

Въ говорѣ дер. Мелешковичей и Мощиць (въ 10 и 8 верстахъ отъ Слуцка), при аканьѣ (*табѣ, чаго, гетаго*), отмѣчено: *буиьсь*, что, по всей вѣроятности, должно читать: *буойсь* ¹⁾.

Въ говорѣ Игуменскаго у. (с. Юревичи) сильное аканье (*галб-вочка, маладѣ, далина, вялѣны, бялѣнкій*, ня зняў; дифтонги только подъ удареніемъ: *муой, туой* (дат.-мѣстн. женск. р.), *вуонь* (=онь), *руодны*. *вечюоръ, мнѣ* (=мнѣ), *сусіедъ, слѣзы маіе*, у *кывіе* (=въ крови); рядомъ: на *синюмъ* моря; формы имен. ед. не только на *ы*, но и на *ыі*, род. ед. *маіе* (=моей). Сверхъ того: *бываце* (=бывается) ²⁾.

Говоръ Бобруйскаго у. (с. Языль) также имѣетъ сильное аканье передъ удареніемъ: *каравѣй, залатѣ, анѣ*—они, нясли, вязли, цябе, *жанѣ*, но: *свичѣ* (рядомъ: *гаѣчокъ, дѣброго* и т. п.), и дифтонги въ ударяемыхъ слогахъ: *муой, нуочъ, руодъ, малуодочка, нуожка, туой* (дат.-мѣстн.), *міесяцъ, ліето, табіе, таіе* (род. ед. жен. р.), *чыіе, маіе* (им.-вин. мн.), *міечъ, піечечка, вясіеля*, изъ которыхъ *уо* замѣняется, при отсутствіи ударенія, чрезъ *у*: *вувѣрокъ, у первуумъ угліе*, на *паповуі* синажаці, у *цѣмнуі* памницы, *пываварувъ* (род. мн.). Сверхъ того: формы им.-вин. муж. р. на *ыі* (и на *ы*), им.-вин. ед. сред. р. на *э, эе*: *бяхвостэ, шырокее, вялікее* (рядомъ на *ое* *другѣ*), повелит. накл. съ *ѣ*: *хадзіемъ, сядзіеце, абламіеце*, повел. накл. *пи* (=пей), возвр. з. на *ся* и на *са*: *збярѣўса, накрѣўса, буойса* (повел. н.). Еще отмѣтимъ: формы мѣстн. ед. *ў* *вишнѣваму* саду, двойств. ч. *дзвіе бярозе, трама* (дат.-тв.), прош. вр. *буў* и *быў* ³⁾.

Говоръ Мозырскаго у., с. Мелешковичи (въ югу отъ Припети) имѣетъ нѣкоторые отличія отъ говоромъ центра Минской губ. О степени его аканья мы не можемъ ничего сказать (отмѣчено: *табѣ, цябѣ, найдзѣшъ, козянѣты, чаму, нашаму*; рядомъ: *kozyнька* и *козанька, светы, вежу, везѣла=вяжу, лѣецъ*, неопр. н., *ечмѣнь*); объ употребленіи дифтонговъ тоже (отмѣченъ лишь *уо*: на *туомъ* сельцѣ, *пируюхъ, туолько, коруювочка, руожечки, нуожечки*, даже: *дуоброва*; рядомъ: *бойса, уцѣкъ, стральцоў*, род.). Сверхъ того: *у* вм. *ы*: *бывѣю, вушеў* (=вышелъ), *копуцѣки* (=копытѣки), *и* вм. *ѣ*: *зѣлива ўшка*; формы им.-вин. средн. светѣ, правѣ, *колосістэ, тѣе* сельцѣ, им. мн. *хлопцѣ, стральцѣ*, род.-вин. *табѣ*, дат. мн. *сынѣмъ*, 3 л. ед. *шыя, гўбя*, 1 л. мн. на *мо*, на *омъ*: *знайдомъ*, неопр. н. *ѣси* (=ѣсть), возвр. з. на *са*: *садзѣса* и т. п. (даже: 1 л. мн. *прызнаймаю*). Рядомъ съ *дз* и *ц* слышатся мягкія *д* и *т* ⁴⁾.

¹⁾ Дзень (газета) 1863 г., № 28, стр. 10.

²⁾ Тексты въ Сборникѣ свѣдѣній..., ст. Янчука.

³⁾ Тексты тамъ ж е.

⁴⁾ Шейнъ, Мат., I, стр. 56 и др.

Наши свѣдѣнія о бѣлорусскихъ говорахъ Гродненской губ. крайне скудны, и мы не можемъ ничего сказать о степени ихъ аканья. Особенности: *дз* и *ц*, твердое *р*, двойные мягкіе согласные (кромѣ Слонимскаго у.; изъ нихъ иногда простые), *зз* вм. *изз*, *сз*, иногда *одз* вм. *отз*, формы им. ед. на *ы*, 3 л. ед. на *е* и на *иць*, неопр. н. на *ць* и *ци*. Формы им. на *эй*, *эя* неизвѣстны, дат.-мѣстн. на *эй* очень рѣдки. Употребленіе глухихъ согласныхъ вмѣсто звонкихъ: голуль, галулька (Слонимск. у.).

Говоръ Гродненскаго у., с. Лаши: *табѣ*, *аще* (=еще, др.-р. *оше*), *вадики*, *нядзѣля*, *нашаго аконца*, *плѣча*, *зная*, *рядомъ*: на *гѣтумъ* *свѣци*, на *дарози*, *зезюля*, *цегя* (=тягаетъ). Формы род. *маго* и т. п. и возвр. зал. на *са*: *валюса* 1). Говоръ того же у., сѣверной части, отличается отъ говоровъ бѣлорусскаго центра «болѣе твердымъ проузношеніемъ и меньшимъ измѣненіемъ *о* въ *а*»: *гасподарьку* (зват.), *адному*, *кароўка*, *асталася*, *Кіёва* (род.). Дифтонги не отмѣчены, но: *бугъ* (=богъ), *рувня* (рядомъ: *твуя*), *хлибъ*, *рижъ* (=рѣжь) 2).

Говоръ Соколяскаго у., повидимому, ничѣмъ не отличается отъ говора Гродненскаго у.: *каго*, *стайла*, *ляцѣла* 3).

Говоръ Бѣлостокскаго у.: *сабѣ*, *бабаю* (тв.), *абъ* *рѣбцы* *нѣтавъ* (род.), *галованька*, *бѣднай* (род.), *мянѣ*, но: *двѣсце* (=двѣсти), *вывѣдзе*, *пущае*; *осеню* (=осенью) 4).

Говоръ Волковыскаго у., д. Меньки: *табѣ*, *поясѣшь*, *сидляишь*, *купуишь*, *ны* *чужую староньку* (=на—). Въ говорѣ того же у., близъ Зельвы: *стараня паюць*, *ў цѣмномъ лѣси*, *рудный*, *муи*; около Росси: *стараня*, *гдѣіе*, *дзіелася*, даже: *воуль* (вѣроятно, *вуоль*,=воль).—Изъ другихъ мѣстъ: *чаго*, *страля* (=стрѣла), на *битумъ* *гасьцинцы*, *бойсе*, *распраўляце*, *дле* *ахвоты*, *евъ* (=якъ) 5).

Въ говорѣ Слонимскаго у. передъ удареніемъ сильное аканье: *аднаго*, *валакомъ*, *ясна*, *мядѣ*, *цябѣ*, *спяли* (=стели), *рандсянька*, при: *коняи* (род.), *спявѣямо*, *бўдзяця*, *радуцяся*; рядомъ: *самаго*, *волокъ*, *чыстоѣ* *полѣ*, *вўльбў* (род. мн.; слѣдовательно, послѣ ударенія *о* болѣе или менѣе часто сохра-

1) Шейнъ, Мат., I, № 588, II, стр. 359, 615, 683. Пѣсни изъ другихъ мѣстъ Гродн. у.—тамъ же, I: *минѣ*, *у чыстумъ* *поли*, *скъ*=*якъ*, *юстры*.

2) Матеріалы для геогр. и статист. Россіи. Гродн. губ., I, стр. 626—627.

3) Тамъ же, стр. 639.

4) Тамъ же.—Дмитріевъ, Собраніе. Одинъ текстъ въ Запискахъ Ак. Н., т. 60, стр. 154 (ст. Авснариуса). Другіе тексты изъ Бѣлост. у. здѣсь и въ другихъ мѣстахъ—малорусск. е.

5) Тамъ же, стр. 624—625.—Шейнъ, Мат., I.

яется); на новумъ двори, на чужуй стороны, саби, таби, ми (*=себѣ...*). Мягкіе согласные + *j* иногда сохраняются: гальб; дж; пзяць (*=пять*); формы 1 л. мн. на *мо*, повел. *пи*, *пиця* неопр. я. на *ць* (но: *есци=ѣсть*). Сверхъ того: *изнуў*, *шо* (*=изнова, что; м. Косово*); *тэй* (род., с. Порѣчье); *пирадокъ*, *визали*, *головычка*, *здывай* (*=задавай; д. Заполье*); *таё*, род. ед., *свагѳ*, *знели* (*=сняли; д. Збочна*). ¹⁾

Бѣлорусскіе говоры Черниговской губ. намъ извѣстны очень мало. Романовъ говоритъ объ могилевскихъ говорахъ, по его названіямъ — восточному и южному, что они выходятъ въ Могилевскую губ. изъ Черниговской (первый въ Климовицкій у.). Г-жа Радченко сообщаетъ, что тотъ говоръ, который слышится въ Гомельскомъ у., слышится также въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской губ.

Говоръ Суражскаго у. — чистый бѣлорусскій: сильное аканье, частое я вм. е: *вянѣць*, *мянѣ*, *пастойця*, рядомъ съ *и*: на *парози*, *дз* и *ц*, формы им. ед. на *ы* и на *ыи*, 3 л. ед. на *е* и *ець*: *вядзѣ* и *вядзѣць* (даже: *укўся*), 3 л. мн. на *юць* вм. *яць*: *хваляюць*. Что до *р*, то этотъ звукъ или всегда, или часто звучитъ твердо: *бярѳза* ²⁾. Въ текстахъ изъ с. Попова гора (въ 60 верстахъ отъ Суража): *цяперь*, *прясци*, *трясци*, *стралцы*, ф. вин. ед. *шалковаю*, 3 л. ед. на *е* (*ходзя*) ³⁾.

Говоръ Новгородсѣверскаго у. (с. Юриновка) представляетъ пеструю смѣсь бѣлорусскихъ особенностей съ малорусскими (онъ слышится «въ мѣстности между Бѣлоруссією и Малоруссією»), съ преобладаніемъ однако первыхъ. Аканье сильно: *падай*, *вадица*, *барада*, *паласквѣть*, но иногда, повидимому, *о* безъ ударенія сохраняется; *я* изъ *е* вполне обычно: *тябѳ*, *вялѳу*, *слукайтя*, *пытайця*; *дз* и *ц* рядомъ съ мягкими *д* и *т*: *людзи* и *вадица*, *даець* и *кричуть*; *р* то твердое вмѣсто мягкаго, то мягкое; формы 3 л. ед. на *е* и на *ець*. Рядомъ спорадически малоруссизмы: *мый* (*=мой, при мой*), *рідный* (при *родный*), *силь* (*=соль*), *дрыбный*, *матюнка*, *пудъ носомъ*, *пудъ ребро*; *ходыли*, *обсады* (повелит.), *выдно*, *сисцы* (при *пльвиця*, *вадица* и т. п.), *яй* (*=её, род.*), *дывочка*, *мисяць*, *хлибъ* (при *звездочка*). Сверхъ того: формы им.-вин. средн. р. на *э*, *зе*: *прѣвэ*, *тэ сельцо*, дат. *маймў*, 3 л. ед. *ѣсть* и

¹⁾ Тамъ же. Нѣсколько текстовъ (изъ дер. Збочны) въ Сборникѣ памятникъ нар. творч. въ сѣв.-зап. краѣ, №№ 1 слѣд., 217. Тексты въ Зап. Ак. Н., т. 30. Языкъ текста изъ д. Заполья (Шейнъ, № 564) возбуждаетъ сомнѣнія.

²⁾ Шейнъ, Мат., ч. II, стр. 495 сл.

³⁾ Записки Черниг. губ. Стат. Комит. 1872 г., кн. 2-я.

ѣ, булѣ, і л. мн. на *мо*, возвр. з. на *се*: оказались, мѣстоименіе *що* и *шо* (=что). Относительно произношенія согласныхъ передъ *е*, какъ часто они звучатъ твердо, по-малорусски, какъ часто мягко, по-бѣлорусски, нѣтъ данныхъ (но: дятѣначки, сѣ, ўсѣ и т. п., по-бѣлорусски) ¹⁾.

А. Соболевскій.

¹⁾ Чернигов. Губ. Вѣдомости 1854 г. № 15, 1855 г. № 19 стръ.

О побратимствѣ и посестримствѣ.

(Очеркъ изъ обычнаго права Болгарь).

Понятіе о побратимствѣ и церковный «чинъ братотворенія».—Виды побратимства.—Формы заключенія побратимства у Болгарь.—Посестримство и формы его заключенія.—Отношенія побратимовъ: права и обязанности.—Характеръ родства между побратимами.—Заключеніе.

Побратимство одинъ изъ самыхъ древнихъ институтовъ семейнаго права Болгарь. Слѣды его можно встрѣтить на протяженіи всего Балканскаго полуострова, гдѣ живутъ Болгары. Нѣтъ уголка, гдѣ не знали бы о побратимствѣ, хотя бы въ формѣ переживанія, въ формѣ какого нибудь обряда или остатка.

Цѣль настоящаго очерка ограничена изложеніемъ собранныхъ мною и другими собирателями данныхъ по этому столь любопытному институту ¹⁾. Я не намѣренъ дать здѣсь сравнительнаго очерка этого института по отношенію къ подобнымъ же даннымъ, собраннымъ въ Сербіи, Кроаціи, Черногоріи и пр. южно-славянскихъ странахъ. Въ виду недостаточности собраннаго до сихъ поръ матеріала, мнѣ кажется нѣсколько рискованнымъ дѣлать обобщенія и возводить, напр. побратимство въ общій типъ, видъ котораго для нѣкоторыхъ изслѣдователей древняго быта южныхъ славянъ составляетъ сербская «слава». Я ограничусь изложеніемъ однихъ только фактическихъ данныхъ. Масса ихъ, такихъ данныхъ, можетъ послужить впоследствии къ разъясненію какъ бытового значенія, такъ и юридической важности этого обычая.

¹⁾ Въ 1883 году мною выработана и издана программа о собираніи и изученіи юридическихъ обычаевъ Болгарь (Пловдивъ, 1883). Эта брошюра была помѣщена предварительно въ журналъ «Наука», издающемся въ Пловдивѣ, и разослана многимъ народнымъ учителямъ и священникамъ. Отвѣты я получалъ изъ многихъ пунктовъ Болгаріи и нѣкоторые появились въ томъ же журналѣ «Наука» (См. «Правни обичаи въ Хасковско», записанные священникомъ Комухаровымъ, №№ II, III, IV и V 1883—1884 гг.). Въ послѣднее время я успѣлъ приготовить изъ собраннаго мною матеріала Сборникъ юридическихъ обычаевъ Болгарь (Часть I. Семейное право), къ печатанію котораго уже приступлено.

I.

Побратимство (по болгарски и по сербски побратимство; хорватски—*pobratimstvo*; по турецки *ахретлыкъ*) одна изъ степеней духовнаго родства ¹⁾. Это своего рода выборъ какъ бы настоящаго брата. Встрѣчаются и теперь случаи, когда побратимы питають другъ въ другу привязанность болѣе сильную, чѣмъ въ естественнымъ родственникамъ. Не могутъ быть побратимами близкіе родственники. Такого случая не замѣчено по крайней-мѣрѣ въ цѣломъ хасковскомъ округѣ (Южная Болгарія), гдѣ побратимство еще такъ развито, что нѣтъ поселянина не имѣющаго хотя бы одного «побратимца», «ахретлика» или «аратлика», какъ говорятъ обыкновенно въ Хасково.

Хотя этотъ любопытный обычай и находится въ періодъ своего вымиранія и его остатки въ настоящее время все болѣе и болѣе исчезаютъ, онъ не есть характеристическое преимущество сербской народности, какъ нѣкоторые это утверждаютъ. Напротивъ, онъ очень распространенъ и до настоящаго времени у Болгаръ, какъ видно будетъ изъ нижеслѣдующихъ свѣдѣній.

Съ теченіемъ времени и подъ влияніемъ цѣлаго ряда неблагоприятныхъ условій ²⁾, институтъ побратимства утратилъ въ многихъ отношеніяхъ свою первоначальную силу, значеніе и при этомъ встрѣчается все рѣже и рѣже. Въ старину побратимство заключалось непременно въ стѣнахъ самой церкви и для этого совершалась сложная процедура, описанная въ нѣкоторыхъ старинныхъ церковныхъ требникахъ; два такихъ требника я рассматривалъ въ областной библіотекѣ Восточной Румелии, въ Филиппополѣ. Чинъ братотворенія, содержащійся въ болгарскихъ требникахъ, во всемъ почти похожъ на тотъ же чинъ братотворенія, который описанъ М. Милчичевичемъ въ сербскомъ Глас-

¹⁾ Богшичъ, *Sbornik sadašnjeh pravnih obiĉaja u Južnih Slovena* (Сборникъ современныхъ юридическихъ обычаевъ у южныхъ Славянъ). Аграмъ 1874, стр. 206, 385—389;—Его же *Pravni obiĉaja u Slovena. Zagreb* (Аграмъ) 1867, стр. 16—154;—Демеличъ, *Обычное право южныхъ славянъ* (по изслѣдованіямъ D-га Богшича), переводъ съ франц. Гедевича, Москва, 1876. См. стр. 120;—Моя статья: «Матеріалы за бългaрскoтo oбычaйнo пpaвo», журналъ «Наука», № 1, за 1883 г.

²⁾ Изъ этихъ неблагоприятныхъ условій укажу на слѣдующія два: 1) первобытные нравы замѣнились другими, и къ старинѣ стали относиться уже не съ прежнимъ уваженіемъ; 2) греческіе митрополиты и вообще греческое духовенство въ Болгаріи запрещали, между другими обычаями старинны, и обычай побратимства, мотивируя свои поступки, между прочимъ, тѣмъ, что это будто языческіе и противухристіанскіе обычай. Впрочемъ «побратимство» было запрещаемо и нѣкоторыми установленіями греческой церкви. См. словарь: *Di Cange*, слово: *ἀδελφοποίησις* (аделфопіисісь, т. е. побратимство).

никъ ¹⁾. Г. Миличовичъ нашелъ этотъ «чинъ» въ сербскомъ «требникѣ», хранящемся въ Бѣлградѣ, въ Сербскомъ Ученомъ Дружествѣ (обществѣ).

По этимъ требникамъ обрядъ, освящающій побратимство, состоитъ въ слѣдующемъ:

Желающіе заключить побратимство отправляются въ церковь, становятся передъ олтаремъ, старшій справа, священникъ даетъ имъ по восьмой свѣчѣ и въ правую руку Св. Евангеліе, въ лѣвую крестъ. Затѣмъ священникъ читаетъ: Св. Боже, тропарь дня; на эктениі, между прочимъ, провозглашаетъ: «о совокупляющихся въ любовь нелицемѣрную, Господу помолимся; и соблюсти братство незавнети, Господу помолимся». Вслѣдъ за этимъ читаетъ двѣ молитвы; одна изъ нихъ гласитъ ²⁾:

Господи Боже нашъ иже вса къ спасенію намъ дарува любити другъ друга и працати другъ другоу прѣгрѣшенія, самъ чловѣколюбче господи и благолюбче, и раби твоіе сіе, иже доуховную любовію себѣ възлюблшихъ въ храмъ твой сѣи освятитисе и благословитисе; дарун имъ вѣроу не постидноу, любовь нелицемѣрноу, якоже дарова святымъ своимъ оученикомъ и апостоломъ твои миръ и твою любовь и сию симъ подаждь Христе Боже нашъ; дароуимъ вса яже къ спасенію прошенія и животъ вѣчній; ти бо іеси свѣтъ истинни, и тебѣ славоу възсиламо отцоу и синоу и свѣтомуу доухоу.

Во второй молитвѣ говорится о соединяющихся побратимствомъ, да будутъ братьями по духовной вѣрѣ, какъ славные ученики и апостолы Христовы Петръ и Павелъ, Филиппъ и Вареломей и какъ святыя мученики Сергій и Вакха. Засимъ священникъ, обмѣнивши крестъ и свѣчи въ рукахъ побратимовъ, читаетъ апостоль: къ Коринѣяномъ: Братіе, внемлите тѣло Христово,—Евангеліе же отъ Іоанна: «во вѣрме оно возведе Ісусъ очи свои на небо и рече: яко же ти ми посла въ миръ, и азъ послахъ въ миръ» и пр. Заключающіе побратимство цѣлуютъ Евангеліе и обнимаютъ другъ друга передъ всѣмъ народомъ. Обрядъ кончается причащеніемъ св. Тайнъ.

Въ новыхъ требникахъ, печатанныхъ въ Россіи и въ Константинополѣ, этотъ чинъ исключенъ и не встрѣчается. Совершается же онъ въ настоящее

¹⁾ Гласник Серб. Учен. Дружества за 1867 г., кн. V, стр. 85—90, въ статьѣ Ж и н о т Срба Сельака отъ М. Миличевича.—Еще Богшичъ въ первомъ своемъ сочиненіи «Юридическіе обычаи Славянъ» (по хорватски) 1867 г., напечаталъ текстъ молитвы, которая читалась по случаю заключенія побратимства. Мы приводимъ ниже эту молитву, имѣющую существенное значеніе при совершеніи церковнаго обряда братотворенія.

²⁾ Богшичъ, Правлі običaja u Slovena, стр. 150—151. Эта молитва заимствована авторомъ изъ молитвенника, изданнаго въ Венеціи въ 1538—1540 году извѣстнымъ тевтодой Вождаромъ Вуквичомъ. Въ приведенныхъ молитвахъ мы сохранили правописаніе тевтодей.

время очень рѣдко. По моимъ свѣдѣніямъ, въ Рыльскій монастырь ¹⁾ и до сихъ поръ отправляются нѣкоторые Болгары, преимущественно же Куцо-валахи или Цинцары для совершенія церковнаго обряда братотворенія ²⁾. Очевидцы мнѣ рассказывали, что при этомъ совершалась очень торжественная церемонія и что въ монастырѣ сами духовныя лица, совершающія обрядъ, приступаютъ къ нему съ большимъ благоговѣніемъ. Во время совершенія обряда братотворенія побратимовъ связывали кушакомъ.

Таковы подробности церковнаго обряда.—Перейдемъ теперь къ обычаямъ самого народа.

II.

У Болгаръ слово «побратимъ» въ настоящее время приобрѣло самое широкое значеніе и употребленіе. Въ разговорѣ и пѣсняхъ это слово означаетъ то другъ, пріятель, то господинъ, то, наконецъ, близкій родственникъ, т. е. настоящій побратимъ ³⁾. Въ пѣсняхъ, собранныхъ В. Каченовскимъ въ Западной Болгаріи, встрѣчается такая «благословка» (благословеніе) надъ «повязмо» (связка конопля, приготовленная для пряжи): «да се носи по кумство и по-

¹⁾ Рыльскій монастырь, что въ Рыльскомъ Балканѣ, самый старинный изъ болгарскихъ монастырей. Годъ основанія его неизвѣстенъ. Щедро былъ онъ одаренъ болгарскими королями Асѣномъ, Шишманомъ и пр. Монастырь и до сихъ поръ представляетъ великолѣпное строеніе. Въ этой обители, во все время болгарскаго порабоженія, тлѣла искра патриотизма, и болгарскій языкъ, преслѣдуемый фанариотскимъ духовенствомъ, находилъ здѣсь сильную нравственную поддержку. Изъ Рыльского монастыря вышли нѣкоторые изъ первыхъ болгарскихъ просвѣтителей новаго времени, напр.: Неофитъ Бозвели, монахъ, первый дѣятель по болгарскому церковному вопросу, и др. Описаніе Рыльского монастыря см. у Barth'a, Hochstetter'a, Mackenzie-Irby.

²⁾ Куцо-валахи, или Цинцары—одноплеменные съ Румынами. Они проживаютъ по разнымъ угламъ Балканскаго полуострова и занимаются преимущественно скотоводствомъ и пастушествомъ. Компактными массами они живутъ вдоль Пинда, во Фравіи и въ западной Македоніи. Статистика Куцо-валаховъ очень противорѣчивая. Румынскіе патристическіе писатели и путешественники (Болентиніано и пр.) считаютъ всѣхъ Куцо-валаховъ въ Македоніи, Албаніи и Эссалии въ 1,200,000 душъ. Греческіе этнографы, отрицающіе румынское, вѣрнѣе—латинское, происхожденіе Куцо-валаховъ, считаютъ ихъ всѣхъ до 15—20,000 (см. корреспонденціи изъ Корча, или Коричи въ Неологосѣ, январь за 1888 годъ). Скорѣе можно принять счисленіе Убичини, который утверждаетъ, что число Куцо-валаховъ не превышаетъ 200,000, включая сюда и добруджанскихъ. У этихъ Куцо-валаховъ обычаи почти славянскіе. (См. мои: Письма о Македоніи и Македонскомъ вопросѣ, «Варшав. Дневникъ» за 1888 г. №№ 146, 148, 172, 193, 194, 196, 198, 206, 212, 217 и 219).

³⁾ Периодическо Списание на Бълг. Книж. Дружество въ Сръдецъ (Софія), за 1882 г. кн. I.—Въ разговорѣ слово «побратимъ» часто употребляется вмѣстѣ байно, бате (т. е. «большакъ» или старшій братъ), слова, съ которыми обращаются къ незнакомымъ изъ уваженія (какъ напр. у русскихъ—батюшка).

братимство» (т. е. дастъ Богъ, чтобъ его носили во время совершенія обрядовъ кумовства и побратимства) ¹⁾.

Побратимство можетъ быть между мужчинами, между мужчинами съ одной стороны и женщинами или дѣвушками съ другой, а то и только между дѣвушками.

Побратимство у Болгаръ заключается случайно и намѣренно.

Побратимство заключается случайно, когда дѣти крещены одною и той же водою въ одной купели ²⁾. Если такимъ образомъ крещены—дѣвочки, онѣ дѣлаются посестримами. Поэтому, въ Хисарскомъ уѣздѣ наблюдаютъ, чтобы дѣвочку не крестили одной водою и въ одной купели съ мальчикомъ. Можетъ быть, случится имъ сочетаться бракомъ, а это грѣшно и незаконно ³⁾.

Тоже нѣсколько случайно заключается побратимство, когда оно вызвано какимъ нибудь благодѣяніемъ одного изъ заключающихъ его другому. Въ такомъ случаѣ благодѣтельствованная сторона должна относиться съ особенно большимъ уваженіемъ къ такому побратиму, занимающему положеніе втораго отца.

Случайно заключается побратимство еще, когда обязанности (при свадьбѣ) «деверя» (шафера) и золовки исполняются посторонними, неродственными лицами. Въ такомъ случаѣ деверь обращается къ золовкѣ съ названіемъ «посестримы»; она же называетъ деверя «побратимомъ» ⁴⁾.

Но настоящее побратимство заключается намѣренно, послѣ предварительнаго и взаимнаго обезужденія и соглашенія соединяющихся побратимствомъ.

Такое намѣренное побратимство заключается въ слѣдующихъ формахъ: 1) въ церкви, посредствомъ совершенія чина братотворенія, при самой торжественной обстановкѣ; 2) дома, посредствомъ взаимнаго кровопусканія и лизанія крови; 3) посредствомъ благословенія и угощенія; и наконецъ 4) посредствомъ взаимной клятвы и угощенія.

III.

1. Мы объяснили, какъ заключалось побратимство въ церкви посредствомъ совершенія чина братотворенія. Излишне повторять еще разъ уже сказанное. Прибавимъ только, что эта форма во всѣхъ ея подробностяхъ сохранилась и исполняется по нынѣ, хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ въ вышеупомянутомъ

¹⁾ Каченовскій, «Памятники Болгарскаго народнаго творчества» тѣсь 25-я.

²⁾ «Наука», моя статья, стр. 32.

³⁾ «Наука», тамъ же, стр. 33.

⁴⁾ Наука за 1833 г., моя: Сбирка на бълг. правни обичаи, кн. II, III, IV и V (Правни обичаи въ Хасковско, собранные сваш. Кожухаровымъ);—Читалище, болг. журналъ, издаваемый въ Константинополь, I годъ, стр. 650.

Рыльскомъ монастырѣ, такъ и въ другихъ чистоболгарскихъ обителяхъ. Сверхъ того нѣкоторыя подробности этого обряда оставили глубокіе слѣды въ другихъ формахъ заключенія побратимства, какъ увидимъ ниже.

2. Побратимство заключается посредствомъ взаимнаго кровопусканія и лизанія крови слѣдующимъ образомъ:

Въ Ахи-Челебійскомъ уѣздѣ ¹⁾ желающіе заключить побратимство, обыкновенно друзья, полюбившіе другъ друга товарищи и желавшіе еще болѣе сблизиться и сродниться. Вотъ почему они предварительно заявляютъ объ этомъ родственникамъ и сосѣдямъ, назначаютъ день обряда, приглашаютъ множество знакомыхъ на самый обрядъ побратимства, устроивши при этомъ угощеніе у одного изъ двухъ друзей. Обрядъ начинается тѣмъ, что заключающіе побратимство, въ присутствіи всѣхъ собравшихъ гостей свидѣтелей, ножемъ порѣзываютъ себѣ большой палецъ правой руки и лижутъ одинъ у другого кровь. Сверхъ того, опоясываются однимъ кушакомъ, какъ это дѣлается и въ Рыльскомъ монастырѣ при совершеніи обряда въ церкви. Вслѣдъ за этимъ всѣ присутствующіе поздравляютъ побратимовъ и приступаютъ къ угощенію. Съ этого момента между заключившими побратимство порождается родство. Въ старину оба побратима считались какъ бы настоящими братьями. Въ настоящее время, въ Ахи-Челебійскомъ уѣздѣ, этотъ обычай, въ особенности кровопусканіе, благодаря настоятельному требованію духовенства, запрещенъ и ограничивается однимъ угощеніемъ и заявленіемъ заключающихъ побратимство, что они побратимы. Присутствующіе дарятъ чѣмъ нибудь побратимовъ, которые тоже обмѣниваются подарками. Угощеніе приглашеннымъ даетъ обыкновенно младшій изъ побратимовъ.

Въ Хасковскомъ округѣ (Южная Болгарія) обрядъ побратимства совершается и до сихъ поръ при самой торжественной обстановкѣ. Тамъ побратимство очень распространено, и нѣтъ селянина не имѣющаго побратима или ахретлика ²⁾. Побратимы выбираютъ другъ друга еще будучи холостыми «момками» (парнями), между прочимъ, съ цѣлью помогать другъ другу при посѣщеніи сѣдѣнокъ (посидѣлокъ) и попрѣлокъ, гдѣ момки (парни) выбираютъ себѣ невѣсть. День, въ который можно заключать побратимство, опредѣ-

¹⁾ Ахи-Челебійскій уѣздъ обнимаетъ села и мѣсточки вдоль верхняго теченія р. Арма на южныхъ склонахъ Доспатскаго Балкана. Главныя мѣстечки этого уѣзда, гдѣ были собраны юридическіе обычаи—Райково, Пятково, Арда. Свѣдѣнія доставлены мнѣ стенографомъ Болгарскаго Народнаго Собранія г. Константиновымъ и нигдѣ не были опубликованы до сихъ поръ.

²⁾ Ахретликъ, турецкое названіе побратима, означаетъ—другъ по второму пришествію. Это названіе употребляется Болгарами и встрѣчается въ пѣсняхъ въ такихъ уѣздахъ, гдѣ Болгары жили или живутъ и по сихъ поръ совместно съ Турками, съ которыми также можно было заключать побратимство.

лежь преданіями и обычаями: это день св. Іоанна Крестителя. Желающіе заключить побратимство готовятъ каждый для себя «китки» (букетъ) изъ вѣчно-зеленаго «чемшира» (родъ ели), символъ постоянства, прикалываютъ на этой киткѣ обвязанную красною ниткою «желтицу» (червонецъ—золотую монету) или старую «бабку» (монету изъ чистаго серебра). Красная нитка символъ той любви и привязанности, которыми должны быть проникнуты побратимы. Послѣ обмѣна букетами, въ присутствіи приглашенныхъ гостей, начинается процессъ кровопусканія и лизанія крови другъ у друга. Это означаетъ, что кровь побратимовъ соединяется, и они съ этого момента дѣлаются кровными родственниками. Затѣмъ они, побратимы, приближаются къ очагу и полагаютъ на немъ ноги, въ знакъ того, что готовы броситься въ огонь одинъ для другого. Въ это время начинается угощеніе собранныхъ гостей. Между тѣмъ, побратимы обнимаютъ другъ друга, цѣлуютъ руки, опять обмѣниваются «китками» и пьютъ виноградное вино изъ одной баклицы (фляжки), благословляя другъ друга. Сверхъ того, они обмѣниваются рубашками, платками и пр. Въ этотъ день побратимы дѣлаютъ визиты нѣкоторымъ родственникамъ и друзьямъ; къ вечеру же происходятъ хороводы подъ звуки «гайды» (волянки).

Въ слѣдующемъ году, въ тотъ же день св. Іоанна, дѣлается поворачиваніе, т. е. возвращеніе, состоящее въ томъ, что угощеніе и веселіе происходитъ въ домъ старшаго изъ побратимовъ, который былъ гостемъ въ прошедшемъ году. Къ угощенію приглашаются родственники и знакомые, присутствовавшіе на самомъ обрядѣ заключенія побратимства. За столъ садятся все вмѣстѣ и ѣдятъ изъ одного блюда. Молодые обыкновенно прислуживаютъ.

3. Какъ заключается побратимство посредствомъ благословенія и молитвы, мнѣ рассказано учителемъ народныхъ училищъ въ Старо-Загорскомъ округѣ г. Руссескимъ. Г. Руссескій самъ былъ свидѣтелемъ и очевидцемъ подобнаго обряда въ с. Кара-Хасанъ и другихъ деревняхъ Старо-Загорскаго округа.

Обрядъ совершался наканунѣ св. Іоанна Крестителя. Заключавшіе побратимство приготовили китки изъ «босилыка» (василька) и другихъ живыхъ цвѣтовъ, прикрѣпили къ этимъ букетамъ тоже чистаго серебра или золота монеты и привязали ихъ къ правому уху. Вслѣдъ за этимъ приглашенные гости сѣли за обѣденный столъ. Прежде чѣмъ приступить къ угощенію, происходитъ собственный обрядъ благословенія и освященія побратимства. Священникъ обращается къ братающимся съ словомъ, которое побратимы стоя другъ воалъ друга, слушаютъ съ благоговѣннымъ вниманіемъ.

«Молодые люди!—начинаетъ священникъ:—вы задумали благое дѣло заключить побратимство. Но вы молоды и неопытны, такъ вотъ почему вамъ

слѣдуетъ, прежде чѣмъ благословить вашъ союзъ, объяснить, что такое побратимство. О побратимствѣ не написано ничего въ законахъ; за то о побратимствѣ знаетъ наша мать церковь да православный людъ. Мы всѣ братья въ христіанской вѣрѣ и любви; однако это простое братство. Что же до настоящаго побратимства, оно можетъ заключаться только наканунѣ Иванова дня. Это потому, что хотя и св. Иванъ отиѣкивался крестить Господа нашего Иисуса Христа, наконецъ онъ крестилъ его и такъ сдѣлался они побратимами, какими и вы теперь хотите быть. Съ тѣхъ именно поръ появилось на свѣтѣ побратимство. Обратите теперь вниманіе на мои слова: начиная съ этого момента моего благословенія, вы дѣлаетесь настоящими братьями, между вами не должны происходить никакіе ссоры, ни раздоры, другъ друга искренно любите и другъ другу помогайте. Когда настанетъ время, понятно, вы женитесь и оба, если Богу угодно; однако не забывайте, что дѣти одного не могутъ вступать въ бракъ съ дѣтьми другого, ибо они находятся въ самомъ близкомъ родствѣ».

Засимъ священникъ нашелъ въ какомъ-то старинномъ требникѣ обрядъ братотворенія и объяснилъ побратимамъ, что они «братья духовные». Наконецъ священникъ прочелъ особую на этотъ случай молитву, поднесъ имъ для цѣлованія свою руку, предложилъ имъ цѣловать руку у присутствующихъ старцевъ и заставилъ ихъ обнять другъ друга, обмѣниваясь букетами и подарками и говоря: земли, побратиме, отъ мене (т. е. возьми отъ мене, побратимъ!).

Послѣ этого всѣ присутствующіе поздравляютъ съ побратимствомъ новыхъ родственниковъ. Церемонія оканчивается угощеніемъ. Побратимы обязаны дѣлать другъ другу визиты въ праздничные дни и давать угощенія.

4. Форма заключенія побратимства одною клятвою обоихъ братающихся употребляется въ Лѣсковцѣ (Тырновскій округъ). Она написана у Богинича ¹⁾. Клятву о вѣрномъ побратимствѣ дѣлаютъ побратимы передъ иконой; затѣмъ слѣдуетъ обыкновенно угощеніе.

Мнѣ рассказывали, что побратимство можетъ быть заключаемо и между Турками и Болгарами; но мнѣ не удалось узнать, какія формы употребляются при подобныхъ случаяхъ. Въ болгарскихъ пѣсняхъ также есть указанія о побратимствѣ между Болгарами и Турками Арнаутами ²⁾. Демеличъ утверждаетъ, что «подобныя побратимства заключаются между христіанами и магометанами; но въ этомъ случаѣ, прибавляетъ онъ, церемонія заключается только въ

¹⁾ Богиничъ, Sbornik etc., стр. 385 — 389. Сообщение это сдѣлано южно-славянскому ученому В. Оджакowymъ, бывшимъ генеральнымъ прокуроромъ Верховнаго Суда въ княжествѣ Болгаріи.

²⁾ Верковичъ, Народне песме македонски бугара, пѣснь 53.

троекратномъ объятіи и угощеніи»¹⁾; Богиничъ утверждаетъ, что Черногорцы заключаютъ побратимство съ Турками и что оно совершается только взаимнымъ цѣлованіемъ и обмѣномъ подаркомъ. Извѣстный славистъ В. Макушевъ говоритъ: «побратимство заключается не только между единцовѣрцами и единоплеменниками, но и между людьми, принадлежащими къ различнымъ народностямъ и исповѣдующимъ различную вѣру. Въ Черногоріи былъ особый обрядъ для побратимства христіанина съ Туркомъ: тотъ и другой разрѣзывали слегка палець и владли его въ ротъ»²⁾).

Вышеописанныя нами формы заключенія побратимства не встрѣчаются постоянно и неизмѣнно въ чистомъ видѣ, а обыкновенно наблюдаются съ извѣстными отступленіями въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Считаемо однако излишнимъ описывать другія смѣшанныя формы.

IV.

Въ началѣ настоящаго очерка было сказано, что побратимство заключается не только между мужчинами, но и между мужчинами и женщинами (дѣвушками или замужними—все равно), какъ и между одними женщинами. Въ послѣднемъ случаѣ побратимство принимаетъ названіе «посестримство» и заключившія его называются «посестримами».

Слово «посестрима» употребляется очень часто въ смыслѣ подруги, дружки. Оно встрѣчается въ разговорномъ языкѣ, какъ и въ сказкахъ и пѣсняхъ. Такъ напр. въ пѣснѣ о змѣѣ, полюбившемъ дѣвицу Саракину, первый говоритъ:

Саракино, малка моме,
Саракино посестримо,
Тубъ ма лажинь, не ма земвашь
Сега има три години
Три години на четири и пр.³⁾

т. е., о ты, молодая дѣвушка Саракино, посестрима или подруга моя, все обманываешь ты меня вотъ уже три года, скоро четвертый пойдетъ, и меня не возьмешь.

Вообще посестримство заключается при такихъ же обстоятельствахъ, какъ и побратимство. Довольно часто жены побратимовъ заключаютъ между собою посестримство. Нерѣдки и случаи побратимства, заключаемые между парнемъ и дѣвушкой, между парнемъ и замужней женщиной, между женатымъ мужчиной и дѣвушкой. Есть примѣры въ народныхъ пѣсняхъ, что люди

¹⁾ Демюличъ, *loc. cit.* стр. 122.

²⁾ Макушевъ, *Задунайскіе и Адриатическіе Славяно*, стр. 25.

³⁾ Раковский, *Горскы пѣтннкъ*, стр. 87.

заключаютъ побратимство и посестримство и съ «вилами», или русалками. Такъ у Марко Краевича было «деветдесять посестримъ виль» (т. е. девяносто).

Формы заключенія посестримства такія же, какъ и для побратимства. Тѣ же обряды, тѣ же отдариванія, тѣ же угощенія, благословенія, общанія, клятвы и пр. Любопытно обстоятельство, что посестримами могутъ быть Болгарки Туркамъ и Арнаутамъ. О побратимствѣ Арнаутовъ упоминается въ сербскихъ и болгарскихъ пѣсняхъ.

Въ одной пѣснѣ у Берковича разсказывается, какъ «Топка» (Албанецъ изъ Тосока) поднялъ вооруженное преслѣдованіе противъ своего врага Хюсеинъ—«гега», который выбралъ было въ свои посестримы Ключюджюкъ Митру¹⁾. У Хюсеинъ-геги 300 «сейменъ» (товарищей пандуръ), которые нѣсколько дней гостили у Митры, и когда нужно было имъ удалиться, Хюсеинъ-гега говоритъ Митрѣ:

Халалъ да чинишь, Ключюджюкъ Митро,
Що те задива сосъ триста души сеймене.
—Халалъ некъ ти е Хюсеинъ-гега
Мои побратимъ!
Що ми задива сосъ триста души сеймене,
Ти на доходишь по мирна земя,
Меня да хвалишь.

т. е., пожалуй мнѣ отъ души, маленькая Митро, и не взыскай за всѣ хлопоты, которые я тебѣ надѣлалъ съ тремястами сейменами.—Я тебѣ жалую Хюсеинъ-гега, мой побратимъ, за хлопоты, которыя ты мнѣ дѣлалъ съ этими 300 Арнаутомъ; иди же ты по мирной землѣ и меня хвали“.

Дальше Арнаутъ гега-Хюсеинъ проситъ, чтобы Митра ему также отъ души пожаловала тоненькую рубашку, которую она сама работала въ продолженіе полтора года, а шила три года бѣлой шелковой нитью.

По смыслу пѣсни побратимство было заключено случайно, какъ это существуетъ въ обычаяхъ у южныхъ славянъ. Эта тоненькая рубашка была подаркомъ по случай «братотворенія». Хюсеинъ-гега со своей стороны подарилъ Ключюджюкъ Митрѣ нѣсколько червонцевъ на ожерелье на бѣлую шею и «сырмалы кулякъ» (выработанный серебромъ кушакъ)²⁾.

¹⁾ Народно посме македонски бугара 1860 стр. 163. Какъ извѣстно, Албанцы, или Арнауты дѣлятся на два главныхъ племени: Тоски—южные Албанцы и Геги—сѣверные. Они страшно ненавидятъ другъ друга.

²⁾ О побратимствѣ у Албанцевъ см. Шопень и Убичини, стр. 143. Нѣкоторыя свѣдѣнія даетъ и Ami Boué (la Turquie, II).

V.

Изъ сопоставленія приведенныхъ до сихъ поръ данныхъ можно придти къ заключенію, что побратимство союзъ любви и духовнаго родства.

Первая обязанность побратимовъ помогать другъ другу въ нуждѣ и несчастіи. Въ одной пѣснѣ, записанной въ Софійскомъ округѣ ¹⁾, встрѣчается слѣдующее:

Отъ Царя е абѣрь дошло
Да йдаты млади войници.
Си те си войници найдод,
Кой братецъ, кой побратимче;
Стари банъ си войникъ немаше,
Онъ си у дома отиде
Та па си седна да плаче и пр.

т. е., отъ Царя получено извѣстіе, чтобы собрались молодые солдаты; каждый нашель для себя солдата, кто брата а кто побратимца; старый банъ только не нашель, и вотъ онъ пошелъ домой и, сѣвши, началъ плакать.

Побратимы должны дѣлать другъ другу визиты въ праздничные дни. Въ особенности, если побратимство заключено вслѣдствіе какой либо услуги или благодаренія, одолженная сторона ко дню Пасхи и другихъ большихъ праздниковъ посылаетъ побратиму колачи и другіе подарки ²⁾.

Въ Ахи-Челебійскомъ уѣздѣ младшій побратимъ долженъ непременно три раза въ годъ дѣлать то, что на мѣстномъ нарѣчїи называютъ «спрѣда-вокъ», т. е. долженъ являться къ старшему съ приношеніемъ въ дни Пасхи, Рождества Христова и Пресвятыя Богородицы. Приношеніе состоитъ изъ двухъ хлѣбовъ, «чотуры» (фляжки) винограднаго вина и кушанья. Этотъ обычай однако понемногу исчезаетъ, какъ вообще всѣ бытовые обычаи и преданія простаго народа.

Въ этомъ же уѣздѣ по смерти одного изъ побратимовъ оставшійся въ живыхъ носить по немъ трауръ, какъ по настоящемъ братѣ.

Относительно вопроса, какое именно родство происходитъ между заключившими побратимство, я собралъ самыя разнорѣчивыя свѣдѣнія. Большой знатокъ болгарскаго народнаго быта, одинъ изъ самыхъ видныхъ болгарскихъ писателей П. Р. Славейковъ утверждаетъ и очень справедливо, что «побратимство у насъ не что иное, какъ степень родства, которое въ старину, да еще и по настоящее время заключается съ особой религіозной церемоніей.

¹⁾ Богшичъ, loc. cit.

²⁾ Периодическо Списание, 1882 г., кн. I, 144—119.

Сверхъ того побратимомъ мужа бываетъ тотъ, кто былъ шаферомъ жены ¹⁾). Но ни г. Славейковъ, ни кто другой не изслѣдовали, какой степени родство существуетъ между побратимами!

Какъ мы видѣли изъ словъ священника, благословляющаго заключеніе побратимства въ Старо-Загорскомъ округѣ, не только побратимъ и посестрима не могутъ жениться, но ихъ дѣтямъ тоже воспрещается это. То же самое соблюдается въ Хасковскомъ округѣ и въ Ахи-Челебійскомъ уѣздѣ.

Но этотъ взглядъ на характеръ родства побратимовъ не вездѣ одинаковъ, гдѣ знакомъ институтъ побратимства. Въ Татарь-Базарджикскомъ округѣ, по свидѣтельству Ст. Захарьева, изъ побратимства не происходитъ никакого родства ²⁾). Также и въ Еленскомъ уѣздѣ, на сѣверномъ склонѣ Балканъ. Но нужно замѣтить, что въ этихъ мѣстностяхъ при заключеніи побратимства религіозный элементъ не играетъ никакой роли.

Въ заключеніе, сопоставляя всѣ имѣющіяся подъ рукой данныя о побратимствѣ, я могу сказать, что побратимство, заключаемое при вмѣшательствѣ религіознаго элемента (совершеніе чина братотворенія, чтеніе молитвъ, крещеніе одною водою и пр.), порождаетъ дѣйствительное родство, равняющееся, по степени, родству двоюродныхъ братьевъ. Побратимство же, заключаемое безъ этого вмѣшательства, какъ это происходитъ въ Т.-Базарджикскомъ округѣ и въ Еленскомъ уѣздѣ и пр., никакого родства не порождаетъ, и составляетъ только свято-хранимую и пожизненную дружбу.

С. Бобчевъ.

¹⁾ Читалище, журналъ, издаваемый въ Константинополѣ, I годъ (1871), кн. I, стр. 650.

²⁾ Богиничъ, Sbornik, loc. cit.

**Путевыя письма И. И. Срезневскаго
къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской
(1839—1842).**

—
XX.

№ 8.

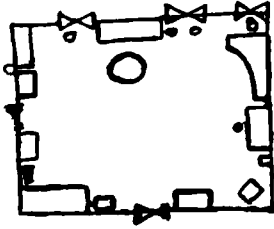
Прага. Марта 13. 1840.
нов. стиля.

На прошлой недѣлѣ послалъ я письмо къ Вельтману въ Москву и въ немъ письмо къ Вамъ, милая Маменька. Не знаю, какъ скоро Вы получите его; а потому и поспѣшилъ писать къ Ивану Петровичу съ тѣмъ, что-бы написать хоть нѣсколько строчекъ и къ Вамъ. Знаю, какъ [бы] Вы беспокоились обо мнѣ, если-бы долго не получали писемъ отъ меня,—знаю по себѣ...

Да, милая Маменька, по себѣ. Не смѣю укорять Васъ; а право не могу не пожаловаться Вамъ на самихъ Васъ. Какъ-же? До сихъ поръ я имѣю отъ Васъ за границей одно письмо. Вотъ ужъ скоро мѣсяцъ живу въ Прагѣ, и только одно. Вѣдь это право горько. Хоть въ Прагѣ-бы мнѣ получать отъ Васъ письма чаще. И наказывать меня молчаніемъ покажеть еще, кажется, не за что: пишу акуратно—дурно пишу; но ужъ видно такъ мнѣ на роду написано, а пишу кажется довольно часто. Ради Бога, душенька Маменька, пишите, пишите. Платить за письма мнѣ приходится не много, не разорюсь, а если-бы и не хватало денегъ, то я лучше откажу себѣ въ какомъ-нибудь другомъ удовольствіи. Какъ мнѣ ни хорошо въ Прагѣ, все не дома, и подъ часъ бываетъ такъ грустно, что не знаю, куда дѣваться. Да и добрые мои пріатели, Метлинскій, Рославскій, Костомаровъ, Лукіановичъ—хороши пріатели! И отъ нихъ заграницей не получалъ еще ни буквы. Пожалуйста скажите имъ, что я еще существую на семь свѣтѣ, и даже имѣю память, которая знаетъ что за люди Семенъ Семеновичъ, Николай Ивановичъ, Александръ Петровичъ, Амвросій Лукіановичъ. Вотъ какіе это люди: нехорошіе; забыли меня, знать не хотятъ. Я впрочемъ все еще надѣюсь получить отъ нихъ вѣсточку о новостяхъ Харьковскихъ, о новостяхъ литературы Южно-Русской, Русской, о новостяхъ статистическихъ, и о разномъ другомъ, что мнѣ можетъ быть любопытно. Кстати: пожалуйста, Маменька, пришлите мнѣ пѣсню

«Боже, Царя храни» и кое что из оперы Жизнь за Царя. Иванъ Петровичъ потрудится переписать на тоненькой бумажкѣ. У меня также нѣтъ словъ «Новика»: хоть бы Амвросій Л. мнѣ переписалъ ихъ.

Ахъ, я забылъ было сказать, что въ моей комнатѣ случилось маленькое преобразованіе—по случаю... но вотъ какъ обстоитъ въ моей комнатѣ. Вы сами угадаете, по какому случаю перемѣна:

Кровать пошла въ уголъ и подлѣ нея стоитъ маленькій столикъ для свѣчки, а на мѣсто кровати сталъ флигель, и письменный столъ пошелъ къ печкѣ, потому что печка еще топится, и слѣдовательно флигелю было-бы жарко, если-бы столъ оставался на прежнемъ мѣстѣ. За флигель, хорошо сдѣланный и совершенно новый я плачу въ мѣсяць немного болѣе 5 рублей асс. Послѣ обѣда я ходилъ прежде въ кофейню; теперь не хожу, слѣдовательно флигель у меня даромъ, да еще и въ остаткѣ нѣсколько крейцеровъ. И какъ бы вы думали, что стоитъ здѣсь такой флигель? 160 гульденовъ—менѣе 400 рублей. Флигель получше нашего.

Я очень доволенъ своей комнатой: большая, чистая, свѣтлая, очень мило меблированная, теплая, на хорошемъ мѣстѣ; и хозяева предобрые люди. Дверь къ нимъ не запирается. Выходя изъ дому, я запираю только наружную дверь. Безъ меня топать, безъ меня хозяйка придетъ и оправитъ чтонибудь, или, если погода хороша, открыть окно. Дѣти не мѣшаютъ: если хотятъ со мною поиграть, то прежде высунуть потихоньку носы въ двери, и, если я занимаюсь, затворять опять. Только утромъ входятъ безъ позволенія, неся со старушкой хозяйкой кофейныя снадобья, съ привѣтствіемъ: «Добрее йитро, Пәне! Дѣйтэ ми, Пәне, губичку! Якъ стэ вы спалъ?» (Доброе утро! Подълуите меня! Какъ вы спали?)

Желая къ Вамъ послать чтонибудь изъ Чешскихъ танцевъ, я посылаю къ Станьку за нотами. Станекъ пришелъ самъ, и принесъ между прочимъ вотъ эту Польку:

Handwritten musical score for the first system, consisting of six staves. The notation includes various rhythmic values, accidentals, and dynamic markings such as *f* and *p*.

Handwritten musical score for the second system, consisting of six staves. The notation includes various rhythmic values, accidentals, and dynamic markings such as *p* and *f*. The word *Adagio* is written at the bottom right.

Написать мерзко, но на этой бумагѣ трудно лучше писать. Извините.—
Полька есть тотъ же вальсъ, только очень быстрый, и тактъ какъ видите ^{2/4}.
Когда играютъ, то piano играютъ очень тихо, а forte очень громко. Это
составляетъ не малую прелесть для танцующихъ. Можетъ M-lle Fanny¹⁾ съ
Марьей Андреевной²⁾ попробуютъ потанцевать: руки надобно держать иначе
нежели въ обыкновенномъ вальсѣ; кисть руки, и правой и лѣвой, кавалера
должна быть подъ локтемъ руки дамы, а рука дамы обвиться вокругъ руки
кавалера и придерживаться кистию за локоть кавалера. Кажется, ясно? Иногда
танцуютъ и такъ: одну руку подпереть подъ бокъ, а другую обнять даму,
какъ въ обыкновенномъ вальсѣ; дама тоже должна подбочениться. Танцевать
надобно очень, очень, очень скоро.

Прощайте, душенька Маменька.

И. Срезневскій.

Вчера былъ у меня Ганка и потомъ вмѣстѣ пошли въ Виндицкую
Семинарію. Сегодня отнесу письмо на почту и пойду къ Ганкѣ; а послѣ
обѣда къ Станьку, гдѣ будутъ Шафарикъ, Ганка, Челяковскій³⁾, Палацкій и
Амерлингъ⁴⁾. Въ воскресенье иду въ концертъ консерваторіи⁵⁾.

XXI.

№ 9. 1840. Марта 16-е Суббота. Прага.

Приготовляясь писать къ Вамъ, милая Маменька, письмо, съ тѣмъ что-
бы въ немъ поздравить Васъ съ праздникомъ Св. Хр. Воскр., я сталъ самъ
не свой. Пишу—и не пишется: то мнѣ кажется, что въ этой комнатѣ на
право живете Вы, душенька Маменька, и вотъ уже я хочу идти туда; то

¹⁾ Ф. С. Питра.

²⁾ М. А. Анчикова, по мужу Носачева.

³⁾ Францъ Ладиславъ Челяковскій (Fr. Lad. Čelakovský)—известный панславистъ—
сотрудникъ Коллара, поэтъ, литераторъ и филологъ. Какъ поэтъ Челяковскій получилъ извест-
ность, благодаря своей книгѣ «Ohlas písní ruských» (Отголосокъ Р. пѣсенъ.), имѣвшей громад-
ный успѣхъ при своемъ появленіи (1829) и до сихъ пользующеюся почетомъ. Другія его по-
этическія произведенія: Smíšeně básně, Ohlas písní českých, Ruže stolistá и др. Изъ
его трудовъ слѣдуетъ указать на Slovanské národní písně, изданныя въ первые годы сло-
лит. дѣятельности (1822—27), и обратившія на себя общее вниманіе. Челяковскій, сначала
жившій корректурой и переводами, съ 1831 г. занялъ мѣсто редактора Пражскихъ Но-
винъ и послѣ Чешской Пчелы; въ 1842 г. достигъ профессуры и занялъ кафедру Сла-
вянскихъ языковъ въ Бреславлѣ и Прагѣ; въ это время имъ изданы: сборникъ посло-
вицъ, чтенія о сравнительной Слав. грамматикѣ, чтенія о начаткахъ Слав. образованности
и лит. (род. 1799, ум. 1852).

⁴⁾ Karel Amerling (род. 1807)—техникъ-теоретикъ, дѣятель по техническому обра-
зованію въ Чехіи. Былъ директоромъ Главной Чешской школы въ Прагѣ; ранѣе состоялъ
ассистентомъ при проф. Преслѣ (I. Sv. Presl).

⁵⁾ Приписано на полѣ.

стрѣлю перебѣжить по уму мой дальній, кривой путь изъ Харькова въ Прагу, вспомню гдѣ былъ я, и гдѣ уже тутъ быть увѣрену, что Вы близко! По неволѣ станеть грустно. Къ иностранцамъ я привыкнуть не могу, да и вообще къ чужимъ привыкаю трудно; а я одинъ между чужими и далеко отъ Харькова и васъ: по неволѣ станеть грустно.... А все мнѣ кажется, что Вы тутъ въ комнатѣ на право,—и мнѣ чудятся послѣдніе дни Вел. поста, эти домашнія заботы, это ожиданіе великаго праздника, и звонъ колоколовъ—не здѣшнихъ колокольчиковъ, и служба, и пасха, и красныя яйца, и сыръ.—Цѣлую Вашу ручку, милая Маменька,—и дай Богъ Вамъ встрѣтить, а если уже встрѣтили, то провести свѣтлый праздникъ покойно и весело. Какъ я его проведу—не знаю, думаю, по обычаю,—дома.

Я по прежнему по большей части дома: выхожу только къ Шаффарьку Ганкѣ, Юнгману, Палацкому, Челяковскому, Станьку, Аммерлингу, Каубку ¹⁾, и то часто бываю у трехъ-четырехъ въ одинъ и тотъ же вечеръ. Не забываютъ и они меня: Ганка заходитъ раза по два въ недѣлю, и все еще продолжаетъ меня дарить то тѣмъ, то другимъ. Юнгманъ подарилъ мнѣ свой Словникъ; Шаффарькъ также приноситъ мнѣ почти всякій разъ что-нибудь новое. Обдариваемый, я не знаю, чѣмъ отдаривать и не могу не досадовать, что оставилъ свой чемоданъ въ Петербургѣ. У Челяковского я беру уроки ежедневно: онъ очень хорошо знакомъ со всѣми нарѣчіями Славянскими и вадъ сравнительной грамматикой и этимологіей трудился очень много. Съ Ганкой разговариваемъ по Русски; съ Каубкомъ (профессоромъ Чешскаго языка въ Университетѣ здѣшнемъ) по Малороссійски. Говорить по Чешски начинаю—по крайней мѣрѣ уже понимаютъ, но читать до сихъ поръ я не выучился—такъ трудно, хоть и вовсе не трудно произнести каждый звукъ отдѣльно. По Нѣмецки—гмъ! Изъ всего времени, что я въ Германіи, едва-ли случилось мнѣ говорить по Нѣмецки 50 часовъ. Отчасти не хорошо, что я сижу дома: гораздо скорѣе могъ бы научиться говорить по Чешски; но и выходить изъ дому не хочется, и выходить нѣкуда: съ юными литераторами здѣшними сближаться не хочу; какъ они ни бѣдны, а все же сходятся въ кофейныхъ домахъ и т. п., и нѣкоторые большіе охотники до политики: врагъ политики и кофейныхъ обществъ, я не нахожу съ ними предмета для разговора, и сижу дома.

Что до концертовъ и сцены, вотъ это другое дѣло. Чуть только прочту объявленіе о чемъ нибудь хорошемъ, тотчасъ справлюсь съ карманомъ—маршъ. О концертахъ Липшта я уже писалъ. Теперь три воскресенья съ ряду

¹⁾ Jan Pravoslav Koubek (1805—1854)—докторъ философіи (съ 1848 г.), проф. Чешскаго яз. и литературы въ Прагскомъ унив.; Коубекъ извѣстенъ также какъ литераторъ и какъ переводчикъ Русскихъ и Польскихъ поэтическихъ произведеній.

даютъ концерты ученики Консерваторіума: на сцену выступаютъ инструментовъ 50, и всё какъ одинъ. Утонулъ бы въ наслажденіи, если-бы не эта смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній, отъ которыхъ несетъ то масломъ, то сырость, то клеємъ, то политикой (и музыка безъ политики не музыка), то глупостью—и болѣе всего и чаще всего этою послѣднею. Можетъ же существовать такой глупой народъ!—Въ театрѣ публика таже. Недавно я былъ на Валленштейнѣ: его игралъ Бейеръ, рожденный для этой роли, и лучший во всей Европѣ актеръ для такого характера; жаль, что женщины, которыми онъ былъ обставленъ, были обыкновенной породы, и что Текла была настоящая Оёкла:

А вчера—ахъ, нѣтъ, третьяго дни—передъ моими окнами на площади былъ парадъ. Главнокомандующій Чешскій, сдавая мѣсто другому, прощался съ войскомъ. Зрѣлище прекрасное: тысячъ 6 войска, и тысячъ 10 народа. Лица солдатъ прекрасныя, но позитуря, поступь, маршъ, правильность движенія... самые костюмы... Нашъ солдатъ немного грубѣе, за то во сто разъ воинственнѣе. Эти выстраиваются рядомъ какъ сороки—случайно. Музыка военная,—ну, здѣсь наши—пассъ: музыка прекрасная. Я слышу ее довольно часто: по здѣшнему прекрасному обычаю умершаго солдата провожаютъ до могилы его товарищи и музыка,—и почти каждый день везутъ покойника солдата мимо моихъ оконъ. Эту музыку нельзя слушать безъ удовольствія. За то нельзя слушать безъ смѣху писку командующихъ офицеровъ: когда они начинаютъ кричать команду, голосъ ихъ раздваивается, и одна часть пищитъ $\frac{1}{4}$ тона выше, другая $\frac{1}{4}$ тона ниже. Это очень занимательно.

Погода здѣсь удивительная: вчера напимѣръ былъ прекрасный день, а сегодня валить свѣгъ.

Маменька! Вотъ уже слишкомъ полтора мѣсяца какъ я въ Прагѣ, а до сихъ поръ все еще не получаю отъ Васъ письма. Вѣдь это—горемъ горе. Ради Бога пишите чаще; уѣду изъ Праги, тогда еще труднѣе будетъ мнѣ доставать письма отъ Васъ. Я уже три раза перечиталъ прежнія ваши письма въ Петербургъ и единственное къ Шаффарику. Адресуйте на имя Шаффарика. Stephans Gasse, № 614.

Еще разъ цѣлую Вашу ручку.

Из. Срезневскій.

XXII.

№ 10. Прага, 2-е Апр. 1840.

Не знаю, къ какому времени придетъ—пришла эта посылочка; а, посылая ее къ Вамъ, милая Маменька, мнѣ хотѣлось, что-бы Вы ее получили не позже 21-го Мая. Это—день Вашего Ангела. Въ-время или не въ-время, но поздравляю Васъ съ нимъ, и, цѣлюя Вашу ручку, желаю и молю Бога, да

сохранить онъ Ваше здоровье и покой. О счастьи ни слова: не Вамъ, душевка Маменька, быть счастливою безъ дѣтей, сколько они ни огорчали Васъ. Еще молю Бога, что-бы скорѣе прошли годы моей разлуки съ Вами: за исключеніемъ немногихъ наслажденій, очень естественныхъ человѣку, который между другими слабостями имѣетъ и страсть къ новизнѣ, эти годы тяжелы мнѣ, и выкупятся развѣ въ будущемъ — воспоминаніями, и, если Богъ поможетъ, исполненіемъ хоть кое-чего изъ того, что теперь предполагаю сдѣлать, воротившись домой.

Боже Васъ сохрани, Маменька, сердиться на меня за издержку: во первыхъ она слишкомъ малозначуща, а во вторыхъ я теперь денежный человекъ: получилъ изъ министерства деньги и имѣю 1000 гульденовъ на 5 мѣсяцевъ. Скупясь издерживать деньги на платье и ѣду, я въ правѣ не скупиться на книги и т. п. Притомъ-же ноты здѣсь такъ дешевы, что въ Россіи надобно за нихъ платить по крайней мѣрѣ вдвое, не говоря уже о томъ, что не только въ Харьковѣ, но и въ Петербургѣ даже нельзя достать послѣднихъ новинокъ. Дешевизна нотъ можетъ мнѣ позволить даже услужить кому-нибудь: нотъ почему я выставилъ на каждой тетради цѣну—безъ раббата (уступки), который всегда дается тому, кто покупаетъ въ большомъ количествѣ; а мнѣ онѣ стоили еще дешевле. И представьте, Маменька, мою досаду. Что-бы продать мнѣ эти ноты, купецъ прислалъ мнѣ цѣлыя кипы, которыя лежали у меня недѣли. Таковъ Германскій обычай,—и что если бы я умѣлъ играть аливуверъ!.. Не упускаю за то случая просматривать книги, которыя получаю отъ книгопродавцевъ въ надеждѣ, что я выберу изъ нихъ что-нибудь. Что до пересылки, то для этого есть, кажется, надежное средство: въ Бродахъ и Радзинилловѣ, слѣдовательно по обѣимъ сторонамъ Австрійско-Россійской границы, имѣетъ дома купецъ Даниль Гартенштейнъ, который берется исполнять такія порученія. Эта первая попытка моя будетъ образцемъ того, какъ онъ исполняетъ ихъ. Письмо отправили сегодня, посылку на этой недѣлѣ... Вы не забудете, Маменька, увѣдомить меня когда получили.

Между нотами найдется кое-что для Амвросія Лукіановича ¹⁾ и Надиньки ²⁾ или Катиньки ³⁾. Да не гнѣвается фра Ambrosio ⁴⁾, что я посылаю ему такъ мало: на другой разъ будетъ больше.

Прощайте, Маменька! Гдѣ я буду 21-го Мая и какъ проведу этотъ день, увѣдомлю.

Измаиль Срезневскій.

¹⁾ А. М. Метлинскій.

²⁾ Н. Е. Топчиева.

³⁾ Вѣроятно Кат. Андр. Аничкова, впоследствии вышедшая замужъ за г. Дьяченко, граф. Кіевского университета.

⁴⁾ А. Т. Метлинскій.

Свидѣтельствуйте мое почтеніе Марьѣ Андреевнѣ ¹⁾ и Марьѣ Яковлевнѣ ²⁾, если онѣ еще въ Харьковѣ, Марьѣ Ивановнѣ ³⁾ и Григорію Григорьевичу ⁴⁾, Марьи Ѳедоровнѣ ⁵⁾ и М-лле Ганну ⁶⁾ и всѣмъ, всѣмъ.

Если кто захочетъ переслать что нибудь, то да посылаетъ на имя Гартенштейна въ Радзивиловѣ, и просить его передать или мнѣ, или Шафарыку (Stephans Gasse № 614) ⁷⁾.

Списокъ нотъ ⁸⁾:

S. Thalberg.	1) Mi manca la voce.
	2) La Cadence. op. 36.
	3) Fantaisie. op. 37.
A. Dreyschock.	4) Souvenir. op. 4.
	5) Scene romantique. op. 9.
	6) Campanella. op. 10 (знаменитая).
F. Liszt.	7) Rákóczy indulója.
	8) Sey mir gegrüsst.
	9) Ave Maria.
	10) Die Rose.
	11) Die Taubenpost (знаменитая).
I. Strauss.	12) Rosen blätter. op. 115.
I. Lanner.	13) Liebes-träume. op. 150.
	14) Quadrille. op. 152.
I. Labitzky.	15) Potpourri-böhmische.
	16) » polnische.
	17) » russische.
V. Tomaschek.	18) }
	19) } Tre Allegri. op. 84.
	20) }

Если что нибудь хотите, Маменька, имѣть изъ нотъ, то не покупайте въ Харьковѣ, а напишите мнѣ,—и хоть не очень скоро, а получите—и гораздо дешевле, и въ хорошемъ изданіи.

¹⁾ Ваннотти.

²⁾ М. Я. Леонова, жена П. Ѳ. Леонова.

³⁾ Фидлеръ, жена Г. Г. Фидлеръ.

⁴⁾ Г. Г. Фидлеръ, бывший въ Харьковѣ аптекаремъ.

⁵⁾ Пятра - мать А. С. Пятры, впоследствии бывшего проф. и ректоромъ Харьковского университета.

⁶⁾ Пятра - сестра А. С. Пятры.

⁷⁾ Принесена на погѣ.

⁸⁾ На погѣ при названіи каждой вьсымы присяно рукою Е. П. Срезневской «получено».

XXIII.

№ 11. Прага, 7 апр. 1840.

Вчера написалъ къ Вамъ письмо, милая Маменька; ложась спать куда-то положилъ, сегодня искалъ искалъ,—и вотъ принялся за другой листокъ.

Цѣлую Вашу ручку за — угадайте за что? Письмо отъ Васъ получилъ. Въдъ это второе только, съ тѣхъ поръ какъ я за границей. Хоть горько, горько было ждать, за то и радостно получить было. Шафарикъ въ ту же минуту какъ получилъ, переслалъ его мнѣ. Да и долго же странствовало это письмо: писано въ 20-хъ февраля ¹⁾, а пришло сюда въ 20-хъ марта по тому же стилю. Два мѣсяца. Оно гуляло и въ Варшаву, потому что и подлѣ Варшавы есть также Прага. — Но, Маменька, пишите чаще! Вы называете себя сиротою; а я же что? Не только ни отъ кого, даже и отъ Васъ нѣтъ вѣсти изъ Руси.

Читая ваше письмо, сначала я плакалъ отъ радости, потомъ... и теперь не могу безъ слезъ вспомнить о Марьѣ Андреевнѣ ²⁾. Блаженная страдальца! Вспоминая о такой жизни, о такой глубинѣ чувства, нельзя не дѣлаться лучше, по крайней мѣрѣ доступнѣе къ стезѣ исправленія. Не могу не пожалѣть и о Марьѣ Яковлевнѣ: лучшіе дни ея кончились, и тяжелы будутъ они для нея въ воспоминаніи. Кто потерялъ такую мать и съ матерью надежду на одну свѣтлую минуту изъ тысячи черныхъ, тому не легко жить на свѣтѣ.

Да Вы, Маменька, и описали въ письмѣ своемъ этотъ случай такъ, что, право, страшно становится, когда читаешь. Я вложилъ это письмо въ Чешскую Библию, которую читаю вечеромъ передъ сномъ. Буду заглядывать въ него и напоминать себѣ, какъ дороги дѣти для родителей, какъ слѣдовательно и дѣти должны дорожить родителями.—Простите, душенька, мои преніе проступки передъ Вами. Правда, я уже не дитя; но исправляться никогда не поздно. Вы знаете, я былъ хуже, сталъ немного лучше; авось Богъ поможетъ быть и еще лучше.

Засвидѣтельствуйте мое искреннее почтеніе Марѣ Ивановнѣ и Григорію Григорьевичу ³⁾, Марьѣ Яковлевнѣ—если она еще въ Харьковѣ и... жива. Такую мать нельзя не любить, трудно пережить.

О Генриетѣ Фед. ⁴⁾ я писалъ къ Вамъ изъ Берлина еще. Я послалъ къ ней письмо Марьѣ Федоровнѣ ⁵⁾, и получилъ отвѣтъ. Всѣ они здоровы.

¹⁾ Вѣроятно описка; надо читать: въ 20-хъ января.

²⁾ Ванюшты, мать М. Я. Леоновой.

³⁾ Фидлеръ.

⁴⁾ Г. Ф. Юнвертъ; въ дождь ея (въ Харьковѣ) жили Е. И. и И. П. С—кіе; въ это время она вернулась за границу—на родину.

⁵⁾ М. Ф. Пятра.

На дняхъ напишу къ ней еще письмо и буду просить что-бы писала въ Харьковъ. Не мудрено, что и она горюетъ о Марьи Ѳед. Впрочемъ кто виноватъ? Положивши писать другъ къ другу опредѣленное количество разъ въ годъ, можно писать и не дожидаясь отвѣта. И отвѣтъ ранѣе или позже будетъ, и горя не будетъ; а горе дороже денегъ. Что же до денегъ, то я совѣтую Марьѣ Ѳед., которой свидѣтельствую мое почтеніе, платить только до границы. Наша переписка не дорога: за письмо въ Харьковъ я плачу 1 двугривенной (цванцигеръ), да Вы 30 коп. серебромъ; вѣдь это всего 50 коп. серебромъ.

Поклонъ мой Ивану Петровичу: чего онъ ждалъ, то надѣюсь уже получилъ. Пусть только сдѣлаетъ какъ я писалъ ему.

Спасибо Амвр. Лук.¹⁾ за приписку. Жаль, что ничего не пишетъ о себѣ, о нашихъ; вѣдь я ничего не знаю, а знать хочется. Ну, со ste napsal? něcoliko řadek o tóm, co giř wědel sem s listu pani maminky, a nic wjc. Ne, to nej mūy obyčeu. Chtělbych dostati od pana takowý list, genž by potřeba bylo čisti něgakau hodinu. Ale mam naděgi, že takowý list giř napsaný lež u p. Roslawského. Poručam si rekně²⁾.

Мое время проходить по прежнему: утромъ дома до самаго обѣда, т. е. до 2-хъ часовъ; только разъ въ недѣлю утромъ хожу въ Музеумъ. До 3-хъ гуляю. Въ 3 къ Челяковскому или жду къ себѣ его, или самъ дома: у Челяковского я беру уроки четыре раза въ недѣлю (два раза хожу къ нему, два раза онъ ходитъ ко мнѣ), плата ему въ мѣсяць 20 гульденовъ—менѣе 50 рублей (!). Вечеръ или дома или гдѣ нибудь. Сижу до 9 часовъ, рѣдко до 10 (сегодня до 11), потомъ ложусь и съ часъ читаю. Потомъ сплю; потомъ въ 7-мъ часу встаю и за работу. Настаетъ весна: буду ходить по утрамъ за городъ, или по крайней мѣрѣ на стѣны города. (Прага вся, какъ крѣпость, окружена стѣнами каменными, и по стѣнамъ сады для гулянья).

Въ воскресенье былъ на Вышеградѣ. Чудное мѣстоположеніе! Гора въ родѣ Хорошевской³⁾ обрывомъ стоитъ надъ Молдавою, обнесенной отовсюду подобными горами. На вершинѣ горы крѣпость, исправленная не знаю противу какихъ враговъ, по скату развалины старыхъ зданій. Видъ на рѣку, видъ на городъ—прелесть. Едва-ли есть другой городъ въ Европѣ, который былъ бы такъ богатъ видами какъ Прага. Одинъ мой Конскій Торгъ чего стоитъ! Въ крѣпости ничего стараго нѣтъ, кромѣ обломковъ столба, принесеннаго, говорятъ, дьяволомъ изъ Іерусалима.

¹⁾ Мотлинскій.

²⁾ Ну что вы написали? Нѣсколько строчекъ о томъ, что я уже знаю изъ письма маменьки, и ничего больше. Нѣтъ это не по моему. Мнѣ хотѣлось бы получить отъ васъ такое письмо, чтобы въ часъ не прочесть его. Надѣюсь, впрочемъ, что письмо уже написано и лежитъ у г. Рославскаго. Нязко кланяюсь.

³⁾ Въ Харьковѣ.

Время стоитъ прекрасное. Солнце и тепло; но до листьевъ еще далеко.

Ахъ, чуть было не забылъ сказать о снѣ, который видѣлъ четвертаго дня, послѣ полученія Вашего письма. Я заснулъ съ письмомъ въ рукахъ—и самъ не знаю какъ рѣшился ѣхать въ Харьковъ—хоть на день, чтобы свидаться съ Вами. И пріѣхалъ, и брата засталъ дома, и Амвр. Л. въ бібліотекѣ, въ рыжемъ его скюртукѣ, — и никто не вѣритъ, что я есмь я. Такая досада, что я взялъ да и проснулся. Но сонъ былъ такъ живъ, что и проснувшись я очнулся нескоро.

Поздравляю Марью Корнѣевну.

Настя—какъ вижу—молодецъ дѣвка. Очень бы хорошо было, Настя, если-бы ты пришла и поучила мою Катель чистить самоваръ, да и ставить также: дѣвка большая, а не умѣетъ. Начнетъ ставить,—потѣетъ, а готовъ не прежде какъ черезъ часъ. И хозяйнѣ, и хозяйка сойдутся на помощь—дуютъ... Прощайте, Маменька. Срезневскій.

Письма адресуйте ко мнѣ Prag in Böhmen, на имя Шафарика или Вячеслава Вячеславича Ганки, Böhm. Museum.

Напишите, пожалуйста, брату, чтобы не уѣзжалъ изъ Петербурга, не купивши для меня самую подробную новую карту Россіи. Она мнѣ будетъ очень нужна когда ворочусь ¹⁾).

XXIV.

№ 12. Прага, 26 Апр. 1840 г.

^{16/4} Апр. Зеленый, по нашему—Великій Четвергъ. У св. Вита служилъ самъ Архіепископъ съ 12 канониками, освящая св. міро и омывая ноги. Церковь была биткомъ набита. Я пришелъ поздно и ничего не видѣлъ. За то наслушался. Кто хоть однажды слушалъ службу у св. Вита, то[тъ] не скажетъ, что музыка мѣшаетъ величію обряда или уменьшаетъ чувство благоговѣнія, вредитъ молитвѣ. Нѣтъ; огромный, громовый органъ и полный, стройный оркестръ дѣйствуютъ на душу поразительно. Заслушиваешься, благоговѣешь и молишься.—Послѣ обѣдни весь олтарь былъ очищенъ отъ всѣхъ украшеній.—Колокола смолкли до субботы. Барабаны военные спущены.—Начинается ходба по церквамъ. Мѣсто для гроба Христова приготовлено: ему-то поклоняться и ходить изъ церкви въ церковь.

^{17/5} Апр. Ходба для поклоненія гробу продолжается цѣлый день въ Великую пятницу. Ходилъ и я. Мнѣ особенно понравилось убранство Гарвицонной церкви: тутъ свящ. мѣсто убрано старымъ и новымъ оружіемъ.

^{18/6} Апр. Бѣлая суббота. Обѣдать было нѣчего: уху варить тутъ не умѣютъ, да и рыбу сжарили такъ кисло-прѣсно-сладко, что я понюхалъ

¹⁾ Приписки на полѣ

да и отдалъ; надобно было быть сытымъ двумя пирожками.—Въ три часа будетъ обѣдня. Народъ уже волнуется, и спѣшить къ церкви, большею частію голодный, что бы послѣ обѣдни разговѣться мясомъ; потому что католики празднуютъ воскресеніе І-Христово съ сегодняшняго вечера. Кто не успѣлъ въ 3, тотъ пойдетъ въ 4, въ 5, въ 6, въ 7: обѣдня служится каждый часъ, въ однихъ церквахъ въ одинъ, въ другихъ другой.—Я ходилъ въ 7 часовъ въ Славянской монастырь съ хозяйномъ и хозяйкой. Этотъ монастырь памятенъ тѣмъ, что въ немъ въ XV столѣтіи служба служилась на языкѣ Славянскомъ. Монастырь очень бѣденъ. Когда мы пришли народъ еще стоялъ у гроба Христова и пѣлъ молитвы. Въ 7-ь аббатъ съ нѣсколькими монахами пошелъ къ гробу, и торжественно понесъ оттуда «Тѣло Божіе», т. е. св. дары на алтарь, и затѣмъ началась обѣдня, или лучше сказать молебствіе. Я стоялъ на хорахъ. Внизу была гибель народа, такъ что по окончаніи не менѣе 20 минутъ продолжалось, пока народъ вышелъ изъ церкви. Я разгавливался съ хозяйномъ и хозяйкой у него, а потомъ они у меня пили чай.

^{19/7.} Великая ночь, т. е. свѣтлое воскресеніе. Ни поздравленій, ни «Христосъ воскресъ» тутъ нѣтъ. Впрочемъ не безъ освященныхъ яицъ, пасхи и барашка, хотя все это не такъ замѣтно какъ у насъ. Пасха называется мазанцемъ. Хозяйка пожалѣла денегъ и не купила себѣ мазанца; пожалѣла и моихъ денегъ, не купила и мѣнѣ. Быть такъ.—Въ 11-мъ часу мы пошли съ хозяйномъ къ св. Виту, гдѣ долженъ былъ служить Архіепископъ, и добыли себѣ такое мѣсто, какового никто не имѣлъ, именно у олтаря, гдѣ одни каноники, и я сидѣлъ на одинъ шагъ отъ архіеписк. кресла. Архіепископъ—молодой человекъ, и болѣе похожъ на чиновника. Онъ былъ въ бѣлыхъ золотомъ вышитыхъ туфляхъ и перчаткахъ. 8 камер-лакеевъ его стояли поотдалъ. Служба была обыкновенная. Все хорошо; мѣнѣ не нравятся только колокольчики, въ которые звонятъ во время обѣдни, въ опредѣленное время, подъ самымъ ухомъ архіепископа. Ихъ пискъ вовсе не гармонизируетъ съ органомъ.—Послѣ обѣда Конскій торгъ мой наполнился гуляющими. Было на что посмотреть: дамы и кавалеры тысячами повалили тѣ въ ту, тѣ въ другую сторону, разряженные въ пухъ, веселые, благовоныя. Тутъ и сапожницы, тутъ и сидѣльцы, тутъ и купчихи, и полудворянки, и трактарные франты, словомъ дамы и кавалеры всякаго рода. Хорошенькихъ очень много. Къ вечеру вышелъ и я, зашелъ къ Станьку и ѣлъ тутъ мазанецъ—съ медомъ какъ требуетъ обычай. Мазанецъ мѣнѣ не понравился: тѣсто тяжелое, сахару мало.—

^{20/8.} Апр. Понедѣльникъ. До 4-хъ часовъ былъ дома. Въ 4 пошелъ въ Чешское дивadlo ¹⁾: давали l'elisire d'Amore, оперу Доницетти на Чеш-

¹⁾ т. е. театръ.

скомъ языкѣ. Зрителей было мало, потому что время прекрасное, и почти весь городъ ушелъ за городъ. Несмотря на это играли прекрасно. Особенно Подгорская ¹⁾ пѣла такъ, что можно было заслушиваться. Она уже въ лѣтахъ, но еще очень хороша собою, на театрѣ кажется довольно молоденькою и имѣетъ хрустальный голосъ. Сама опера очень богата мотивами, полными жизни и красоты.—Выходя изъ театра сошелся съ Шафариковомъ, который былъ также въ театрѣ съ дѣтьми, и пошелъ къ нему. Тутъ пилъ чай и просидѣлъ до 9 часовъ.

^{21/2} Апр. Вторникъ. Сегодня празднуется рожденіе Императора. Въ 5 часовъ гремѣли пушки. Въ 9 и 11 была обѣдня и въ 1 часу освященіе пѣнаго моста, который будетъ поставленъ черезъ Молдаву на западъ отъ Карлова каменнаго, вамъ извѣстнаго. Послѣ обѣда я пошелъ къ Челяковскому и отъ него съ нимъ, по окончаніи урока, гулять въ Бубенчи, версты за 2 отъ Праги. Это гулянье называется Strohsack—Соломенникъ, и было когда-то гуляньемъ портныхъ. Теперь общее всепражское. Дорога въ Бубенчи очаровательна. Народу гибель, десятки тысячъ, и сотни экипажей. Играла музыка, пили пиво, кофе, шоколадъ, больше пиво. Бубенчи—огромный садъ, расположенный въ долинѣ и по горамъ. Виды вокругъ—роскошь. Какою должно быть лѣтомъ, когда и теперь хорошо, хотя деревья еще голы. По воскресеньямъ тамъ играетъ музыка, и народу всегда собирается много.

^{24/1} Апр. Пятница. Въ среду должно было быть гулянье въ Нусляхъ, въ верстѣ отъ Праги, называемое «фидловачка», т. е. гладилка, дощечка, второю сапожники гладятъ сапоги или я не знаю что, гулянье преимущественно сапожниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей Праги. Это гулянье вѣроятно и было; но дождикъ помѣшалъ намъ идти, и мы (съ Челяковскимъ) просидѣли дома, читая Сѣверную Пчелу, которую утромъ взялъ я у Ганки. Нечего дѣлать: возмешся и за С. Пчелу, когда ничего другаго новаго изъ Руси нѣтъ.—Вчера я нечаянно попалъ въ соборъ св. Вита: думалъ, что день Георгія, одинъ изъ двухъ дней, когда отворяется древнѣйшая въ Прагѣ церковь св. Георгія, пошелъ на Градчинъ, т. е. на Замковую гору, подаловался съ замкомъ двери этой церкви, и пошелъ къ Виту, который отъ нея въ двухъ шагахъ. Чудо церковь! Казанскій соборъ богаче, но св. Витъ не уступить ему въ величїи, хотя и совершенно другаго рода. Съ наслажденіемъ мечтаю о томъ времени, когда, воротившись къ вамъ, разложу

¹⁾ О Подгорской И. Н. С.—и писалъ А. А. Краевскому (Отч. зап. 1841. 14): «Имя ея должно навсегда остаться въ исторїи Чешской литературы рядомъ съ именамъ Тглы и другими почетными именами ученыхъ и литераторовъ, сдѣйствовавшихъ къ возобновленію литературы Чешской». Въ томъ же письмѣ И. Н. С. описываетъ замѣчательной дѣлать Подгорской 28 дек. 1823 г. по воспоминаніямъ Пражскихъ жителей; она выступила тогда подъ своей дѣвичьей фамиліей Кометовой.

передъ вами рисунки и планы его, и буду пересказывать вамъ, что знаю о немъ. Отъ Вита къ Ганкѣ на минуту, потомъ домой, потомъ опять къ Ганкѣ и съ нимъ въ Виндійскій Семинаріумъ (какъ обыкновенно—въ Четвергъ). Сегодня другой разъ ходилъ къ св. Георгію, и не напрасно. Сегодня день Георгія, и въ церкви этой «поужь», т. е. праздникъ. То-же что и у насъ. Въ церкви молятся, около церкви продаютъ пряники и разныя разности въ такихъ же точно палаткахъ, какъ и у насъ, во время церковныхъ праздниковъ. Молиться я не молился, а осматрѣлъ церковь и достопримѣчательности, между [прочимъ] гробъ св. Людмилы, и кости первой игуменни Милady съ лицомъ изъ *parier maché*, и множество надгробныхъ надписей. Народу толпа и пробираться можно было съ трудомъ; но я за пятиалтынный купилъ описаніе церкви и вслѣдствіе сего былъ сопровождаемъ кистеромъ во всѣ углы. Репіза здѣсь очень хорошій проводникъ.

²⁶/1. Апр. Воскресенье. Утро былъ дома. Въ четыре часа послѣ обѣда пошелъ въ театръ. Давали ДонъХуана Моцартова. Театръ былъ довольно полонъ. И музыканты и актеры исполняли свое дѣло прекрасно, особенно Подгорская, Пражскій соловей.—Вамъ нравится?—спросилъ меня Ганка, съ которымъ сидѣли мы вмѣстѣ.—Какъ-же!—Да, хорошо; но прежде было несравненно лучше, прежде, лѣтъ за 15. Подгорская была молода, Донъ Хуана игралъ Држка, который теперь въ Дрезденѣ, превосходный баритонъ, и вообще и публика, и актеры были какъ-бы наэлектризованы. Нѣмецкая сцена была оставлена для Чешской самими Нѣмцами. Въ свое время это много содѣйствовало пробужденію Славянскаго духа въ Чехахъ.—Изъ театра пошла съ Ганкою гулять, зашли и на Барвиржскій островъ, гдѣ я еще никогда не былъ. Онъ напомнилъ мнѣ Лейпцигъ, вокругъ котораго много подобныхъ мѣстъ. Островъ занятъ садомъ, а посрединѣ его большой домъ прекрасной наружности съ залами для танцевъ и концертовъ. На площадкахъ скамьи и столы для желающихъ пить и кушать. И все мило. Съ береговъ—виды на рѣку и городъ. Такъ что островъ малъ, а народу бываетъ много: это бываетъ иногда скучно.—Съ острова пошли ко мнѣ, мимо дома, въ которомъ нашъ Касторскій ¹⁾ утушилъ однажды пожаръ. Шли они однажды съ Ганкою вечеромъ мимо, и увидѣли что изъ этого дома дымъ валитъ клубомъ. Касторскій вскопчилъ въ окно, увидѣлъ, что тлѣетъ хлопчатая бумага, а женщины, единственныя обитательницы этого жилища, вопять и ничего не дѣлаютъ,—и давай руками и ногами тушить. Приѣхавшая полиція додѣлала остальное, заливши начавшіе горѣть окна, двери и полы.—Пили мы чай и читали Сѣв. Пчелу, которую Ганка имѣлъ въ карманѣ.—Теперь уже поздно Пора спать. Перо и рука не пишутъ.

¹⁾ Мих. Нв. Касторскій, впоследствии проф. Спб. университета.

²⁷/₁₈. Понедѣльникъ. Утро по обычаю дома. Послѣ обѣда пошелъ къ Челяковскому,—и потомъ съ нимъ и съ его сыномъ гулять за городъ. Шли, шли, и дошли до Нуслей, гдѣ бываетъ Фидловачка. Долина прекрасная,—покрыта садами и загородными домиками. Мы вошли въ одинъ изъ нихъ, гуляли, пили кофе,—и воротились домой уже вечеромъ, въ 9-мъ часу. Челяковский веселый человѣкъ и мастеръ рассказывать. Въ Нусляхъ я находотался въ-доволь. Поля уже зелены; деревья тоже начинаютъ зеленѣть, вишни и яблони начинаютъ цвѣсти.—Въ городѣ продаютъ множество цвѣтовъ. На окнахъ всюду резеда, розы, левкое и т. д. Погода прекрасная, даже жарко; во дождя нѣтъ, и хозяева начинаютъ горевать.

Что-же еще писать?—Развѣ напиться чаю: авось онъ напомнитъ.—Нѣтъ, ничего не напомнилъ. Развѣ пересказать нѣсколько анекдотовъ о Добровскомъ, которые сегодня рассказывалъ мнѣ Челябинскій. Подъ старость былъ онъ большой чудакъ, а иногда и просто сумасшедшій. «У меня есть вторая часть Лузацкаго словаря, который присланъ былъ Добровскому изъ Лузации. Первая часть истерлась, исполняя должность тряпки. Однажды Добровскому наша охота вымыть у себя въ кабинетѣ полъ. Онъ и принялся. Вылилъ на полъ всю воду изъ умывальника и графина, и давай мыть; тряпокъ не было, за то было вдоволь бумагъ: онъ и сталъ ими возить по полу. Цѣлая куча ихъ легла въ углу комнаты, принявши прежній видъ тряпокъ,—и первая часть словаря тамъ-же.—А вотъ что сдѣлалъ Добровскій въ голодный годъ, когда хлѣбъ былъ такъ дорогъ, что для завтрака человѣку надобно было купить его на два рубля. Зашедши въ одинъ женскій монастырь, онъ узналъ, что монашенкамъ ѣсть нечего. «Надобно промыслить денегъ!» сказалъ онъ и пошелъ. На другое утро пошелъ съ визитами къ вельможамъ, которые принимали его всегда ласково и радушно. Пришелъ въ одинъ домъ, замѣтилъ часы на столѣ, взялъ ихъ, да въ карманъ; пришелъ въ другой, увидѣлъ перстень,—и его въ карманъ; пришелъ въ третій,—и тамъ нашелъ что положить въ тотъ-же карманъ. Обходилъ всѣхъ, и изъ всякаго дому понесъ въ карманъ по добычѣ. Съ набраннымъ добромъ въ монастырь, и отдалъ игуменѣ, прося хранить. Черезъ нѣсколько дней снова обходомъ по домамъ, гдѣ собиралъ добычу. Всюду ему говорятъ о покражѣ и пропажѣ; всюду онъ удивляется и говоритъ: «а все же вещи должно отыскать».—Прошло еще нѣсколько дней; Добровскій опять въ обходъ, и говоритъ, что онъ нашелъ вещи и мѣсто гдѣ хранятся, но что не отдадутъ безъ выкупа. Вещи были выкуплены, и монашенки сыты.—И пр. и пр.—

Прощайте, Маменька! Кланяйтесь нашимъ добрымъ знакомымъ, и не забывайте (т. е. письмами) Вашего Пражанина.

Амвросія Лук. и Никол. Ив. ¹⁾ прошу прислать все, что могутъ, печатнаго Малороссійскаго. Адресовать въ Броды на имя Даніила Гартенштейна 1-й гильдіи купца, а его просить переслать мнѣ. Платить за пересылку до границы. Малороссія тутъ вовсе неизвѣстна, а денегъ платить за Русскія книги нѣтъ, да и выписывать ихъ сюда обыкновеннымъ путемъ было бы дорого (Юнгману Исторія Карамзина стоила 150 среб. гульденовъ, каждый въ 2—40 коп.).

Какъ я дурно написалъ это письмо. Простите. Горбатаго могила исправить. Вѣчно то перо, то бумага виновата.—

XXV.

№ 13. Прага 1840. Май. 4.

1-ое Мая, а у васъ еще 19 Апр. Не знаю какъ у Васъ, а здѣсь весна въ полномъ цвѣтѣ: деревья зеленѣютъ, цвѣты цвѣтутъ, все наслаждается природою, и соловей поетъ. Теперь нельзя не любить Праги: природа, ее окружающая, такъ прекрасна, такъ разнообразно-картинна, что любуешься, въ какую сторону ни взглянешь. Отъ меня до Музеума идти и довольно далеко, и довольно скучно (потому что нельзя миновать ни торговыхъ улицъ, гдѣ вѣчная толкотня, ни сходцевъ въ 204 камен. ступени); но я хожу чаще прежняго, потому что можно (за грошъ) переѣхать черезъ Молдаву на лодкѣ и переѣзжая любоваться видами рѣки, а потомъ, поднявшись на гору, любоваться видомъ цѣлой Праги и окрестностей. Это—такая панорама, какой роскошнѣе и желать нельзя. Грустно иногда становится, когда вспомнишь, глядя на Прагу съ Градчина, что въ ней; но все таки любуешься ею.

Вотъ и сегодня я пошелъ было въ Музеумъ; впрочемъ не дошелъ. Меня догналъ на полудорогѣ одинъ изъ юныхъ литераторовъ и потащилъ на выставку картинъ. Заплативши гривенникъ за билетъ для входа и каталогъ, я вошелъ и остался тамъ до обѣда. Эта выставка предназначена преимущественно для живописцевъ Чешскихъ и Австрійскихъ, но въ нынѣшнемъ году прислано много вещей изъ Дюссельдорфа, Мюнхена и пр., и по этой причинѣ многіе изъ Пражскихъ живописцевъ покапризились выставить свои работы. Тѣмъ не менѣе есть чѣмъ любоваться. Особенно обворожителенъ колоритъ Дюссельдорфскихъ работъ: краски такъ свѣжи, тѣни такъ естественны, что и не хотѣлъ бы смотрѣть, а смотришь. Самая замѣчательная изъ картинъ есть Ахенбахова Норвегія: горы, тундра, туманъ, и сквозь него солнце, и только птицы оживляютъ эту дичь природы. Картина огромна: въ длину аршинъ до 5, а въ высоту около 3. Есть и еще нѣсколько такой величины ландшафтовъ, но ни одинъ изъ нихъ не идетъ въ сравненіе съ этою. И не дорога: только 200 имперіаловъ, вмѣстѣ съ рамою. Вотъ бы купить!! Жаль,

¹⁾ А. Л. Метлинскій и Н. И. Костомаровъ.

что перевозка ея неудобна!! А то бы можно еще къ ней прикупить нѣсколько зимнихъ ландшафтовъ, не большихъ, но такъ же прекрасныхъ. Изъ нихъ особенно понравилось мнѣ два: кладбище зимою и сельская церковь тоже зимою, освѣщенная мѣсяцемъ, первая работы Газенпфлуга, а вторая Вебера. Веберовъ мѣсяць такъ живъ, что чѣмъ болѣе въ него всматриваешься, тѣмъ болѣе, кажется, онъ свѣтитъ. Въ такъ наз. историческомъ родѣ и между портретами есть также много прекраснаго. Къ Голпейновой Эсфири я воротился разъ десять: красавица да и только; можно бы влюбиться, если бы ротъ не былъ кривъ. Лѣвенштейновъ старикъ съ дочерью, читающіе библію также очень милы, особенно дочка; въ сожалѣнію эта дочка озябла или больна, и такъ снѣна какъ Норвежскій туманъ. По колориту особенно замѣчательна спящая—не знаю чья—старуха. Она спитъ сидя на креслѣ подлѣ окна, задернутого малиновымъ занавѣсомъ: точно спитъ, а занавѣсъ не можетъ скрыть, что день прекрасный. Превосходная вещь. Изъ собственно историч. картинъ особенно замѣчательна по предмету—Судъ Любушинъ Гофбауера, старавшагося быть исторически вѣрнымъ и вѣроятно въ слѣдствіе такого старанія изобразившаго женщинъ немного дубковатыми.—Но довольно о картинахъ.—Г-нъ литераторъ приглашалъ отправиться съ нимъ въ Бубенчи, гдѣ сегодня гулянье; но я расчелъ, что это слишкомъ большой путь и воротился домой.

2-е Мая. Сегодня былъ у меня молодой Русской, который живетъ въ Прагѣ уже два года, занимаясь техникой въ политехническомъ училищѣ, и успѣлъ даже забыть Рус. языкъ до того, что всякую Рус. фразу свою объясняетъ по Нѣмецки. Имя его Фрейндъ.

3-е Мая. Воскресенье. Утро дома—до 4-хъ часовъ. Въ 4—въ театръ. Давали Стрейчка Гурливурли, комедію Штепанька ¹⁾, довольно глупую и довольно смѣшную, до того смѣшную, что публика изволила хохотать во все горло, и даже хлопать забывала. 4 дѣйствія я сядѣлъ на св[оемъ] мѣстѣ, а передъ пятымъ пошелъ въ ложу Шафарика и поговорилъ тамъ съ женою и дѣтьми.—Изъ театра домой, и пишу.—За нѣсколько дней передъ этимъ давали на Нѣмец. театрѣ Шиллерова Донъ-Карлоса. Маркиза Позу игралъ пріѣхавшій изъ Берлина Роттъ, а Филиппа II—Фишеръ. Фишеръ сыгралъ превосходно: что бы понять Шиллерова Филиппа не мѣшаетъ видѣть Фишера. Онъ постигъ этотъ характеръ и выражаетъ его такъ естественно, что публика во все время игры забывала одобрять актера, и единодушно вызвала уже по окончаніи пьесы. Не странно-ли: хлопаютъ одному (хлопали Ротту), а вызываютъ другаго! но мнѣ это очень понравилось. Фишера я не забуду.

¹⁾ Янъ Непомукъ Штепанекъ (1783—1844)—авторъ множества пьесъ оригинальныхъ и переводныхъ, не имѣвшихъ, впрочемъ, большого литературнаго достоинства. Онъ былъ директоромъ Чешскаго театра въ Прагѣ. О его дѣятельности, какъ директора и режиссера есть нѣсколько словъ въ письмѣ Н. Н. С.—го къ А. А. Краевскому (Отч. З. 14. 104).

4-е Мая. Тра-ла-ла-ла! тра-ла-ла-ла! Хотя польку такъ готовъ танцовать. Не мудрено:—получилъ письмо отъ васъ (за № 1, Марта 18). Вотъ уже три раза прочелъ, и опять собираюсь читать, да и за отвѣтъ.—Вы хотите писать ко мнѣ каждыя двѣ недѣли! Боже мой, да это такая радость мнѣ, какой я и не ожидалъ. Послѣ этого я буду самъ себя завидовать.—И если ужъ такъ, то вотъ еще что: бумага ваша—самая почтовая; писавши на такой бумагѣ, Вы можете смѣло вкладывать въ конвертъ три полулиста, т. е. втрое противу того что написали въ № 1. Если самимъ не о чемъ будетъ писать, то—Амвросій Лук., Александръ Петр., Сем. Сем.¹⁾). А то напр. сегодня Амвр. Лук. подарилъ меня только надписью на конвертѣ, между тѣмъ какъ могъ бы написать страницъ пять. Очень бы хорошо дѣлалъ, если бы заранѣе написалъ поллиста да и принесъ бы къ Вамъ, а вы бы и отправили вмѣстѣ со своимъ. Такъ бы могъ сдѣлать и Ник. Ивановичъ²⁾), и Сем. Сем. да и самъ Александръ Петр., чѣмъ собираться писать большое письмо, и до сихъ поръ не написать ни строки. Что до моего письма, то странно, если оно пропало: № 4 изъ Берлина былъ вложенъ въ одинъ конвертъ съ № 1 къ Рославскому изъ Галле и № 1 къ Костомарову изъ Лейпцига, и отправленъ изъ Лейпцига. Почты Саксонскія, кажется, устроены хорошо. На ваше письмо отъ 24 февр. былъ уже отвѣтъ, и вами теперь конечно полученъ.—Къ Генр. Оедор.³⁾) писалъ, о чемъ и увѣдомлялъ Васъ, вѣрно въ № 4. Изъ Праги написалъ опять, получивши Ваше письмо отъ 24 февр. Искренно благодарю Miss Фанни⁴⁾ за переписку пѣсни Новика. Оедору Ив. и Ефросиніи Ивановнѣ мой поклонъ. Очень радъ, что вамъ есть что читать. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы было что и играть. Узнавши возможность пересылки, я пришлю Вамъ нотъ отсюда и изъ Вѣны; объ этой же возможности Вы сами меня увѣдомите. Мелетію⁵⁾)—царство небесное. Онъ его заслужилъ. Честь и слава Кузину!⁶⁾) Такихъ купцовъ тутъ нѣтъ. Тутъ не уважали бы и Архіепископа, если бы знали, что у него только 10 рублей въ карманѣ. Нашимъ профессо[рамъ] желаю веселиться; а о скучающемъ Амвр. Лук. жалѣю. Чего бы ему не придти ко мнѣ: домъ онъ знаетъ, могъ бы остаться и ночевать, а поговорить было бы о чемъ. Весело бы провели время. Только съ условіемъ: не забыть ничего Малороссійскаго, до котораго у меня Челяковский большой охотникъ.—Кстати—пора къ нему.

¹⁾ А. А. Метлинскій. А. П. Рославскій, С. С. Лукьяновичъ.

²⁾ Н. И. Костомаровъ.

³⁾ Юнкертъ.

⁴⁾ Ф. С. Петра.

⁵⁾ Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій (М. П. Леонтовичъ), магистръ С.П.Б. Духовной Академіи; былъ ректоромъ и проф. богословія въ Могилевской семинаріи; затѣмъ ректоромъ Кіевской Дух. Акад.; послѣ того былъ хиротонисанъ и епископствовалъ въ Перми, Иркутскѣ и наконецъ въ Харьковѣ; ум. 29 февраля 1840 г.

⁶⁾ Извѣстный Харьковскій откупщикъ.

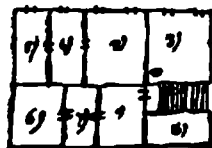
XXVI.

№ 14. Деревня Ярпица. 1840. Мая 10.

— Что это?—спрашиваете Вы, милая Маменька. Отвѣчаю: Пора. Весна уже настала, развилась, разцвѣла,—время стоитъ прекрасное; а вашъ сынокъ хоть еще и очень дурно, но все уже говорить по Чешски, слѣдовательно можетъ начинать свои странствія по Чехіи. Вотъ онъ и началъ ихъ—поѣздкою въ Ярпицу.

Опишу все какъ можно подробнѣе.

Третьяго дни заходитъ ко мнѣ Д-ръ Станекъ и говоритъ между прочимъ: — Не хотите ли вмѣстѣ съ нами прогуляться за городъ? миль за шесть отъ Праги?—Родной мой! Какъ не хотѣть! Хоть сейчасъ.—И такъ послѣ завтра. Прійдите ко мнѣ завтра вечеромъ, переночуете у насъ, а утромъ въ воскресенье, часа въ 4—въ дорогу.—Прекрасно.—Вчера въ 9 часовъ я былъ уже у Станька. Хоть Станекъ и не въ Ярпицѣ живетъ, но кстати описать и его бытъ. Вотъ его квартира (онъ живетъ въ 3 этажѣ, во второмъ подъ нимъ Палацкій 1): передняя, 2) дѣтская —столовая, 3) гостинная, 4) кабинетъ, 5) спальня сестры женой, 6) комнатка, 7) кухня, 8) чуланъ. Нѣтъ ни одной комнаты безъ кровати.

У Станька жена Нѣмка, сдѣлавшаяся Чешкою, дочка 7 лѣтъ, 2 сынка по 3—4 году и еще сынишка однолѣтокъ. Слечна (=барышня) Богуслава или, какъ обыкновенно называютъ, Тонинка, сестра жены, дополняетъ семейство. Въ прислугѣ—три «дѣвочки». Комната подъ № 2 вся обставлена кроватками и вечеромъ въ ней едва-едва пройти можно. Гостинная всегда почти пуста. Станькова все съ дѣтьми. Станекъ то на визитахъ у больныхъ, то занимается. Станьковицъ Богуслава на всѣ руки: и въ кухнѣ, и за дѣтьми, и за фортопiano, и учится (хоть ей уже нѣрно лѣтъ 19), и шьетъ. Въ семействѣ доброе согласіе. Мнѣ отвели на ночлегъ гостинную,—и тутъ я не могъ не видѣть Славянскою гостинности: кровать была послана богато, не забыта была ни вода для питья, ни столикъ у кровати, ни вода для умыванья утромъ, ни гребень, ни что. Въ 4-мъ часу я проснулся, сталъ одѣваться; въ № 2 было уже все на ногахъ,—и вотъ кто-то постучалъ въ дверь ко мнѣ. «Витамъ» (привѣтствую)—отвѣчалъ я на этотъ вопросъ. «Вы уже встали?»—говорила мнѣ слечинка. «Пора въ дорогу».—«Я готовъ».—Ну, такъ милости просимъ «снядати»: кофе на столѣ. Я вышелъ—напились кофе, и поѣхали—Станекъ, Станькова, дочка, старшій сынокъ и я: слечинка осталась дома

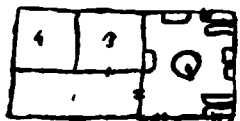
хозяйничать, хоть и разбудила всѣхъ и сама уложила въ коляску все что предполагалось взять въ дорогу.

Лошади были добрыя, мы ѣхали скоро, болтали, любовались видами— было весело. Нашъ путь былъ въ Раковницкій край (уѣздъ) на сѣверъ, съ горы на гору, и все ближе къ горамъ. Виды прелесть. Въѣхавши на Бѣлую гору, мы остановились, и глядѣли долго: на югѣ Прага съ окрестностями, на востокѣ и сѣверѣ въ синей дали Исполиновы горы, кругомъ удожья и горы: чудесная панорама. Въ половинѣ X-го мы были въ городѣ Сланомѣ и остановившись у солянаго источника, напились воды. За Сланомъ спустились въ долину и ѣхали ею черезъ холмы и горки до Ярпицы. Въ верстѣ отъ Ярпицы проѣзжали мимо церкви св. Исидора, гдѣ сегодня «славность» и «путь» (праздникъ и богомольствіе), и съ трудомъ пробрались сквозь толпу народа. Ѣхали-жъ мы въ Ярпицу къ Станьковымъ роднымъ. Радости и привѣтствіямъ не было конца, приняли и меня, какъ роднаго. Домъ, куда мы пріѣхали принадлежитъ отчиму Станьба, богатѣйшему изъ Ярпицкихъ селянъ. По случаю праздника къ нему съѣхались родные со всѣхъ сторонъ. Домъ его построенъ по общему обычаю здѣшнему изъ камня, въ два этажа и оштукатуренъ снаружи и внутри. Вотъ расположеніе нижняго этажа.

1) сѣни, 2) гостинная или что наз. по Малор. хата, 3) кимната, 4) кухня (съ очагомъ), 5) чуланъ 6) ходъ на верхъ.

Все чисто, прекрасно. Въ гостинной по стѣнамъ лавки и передъ ними столъ, накрытый скатертью. По стѣнамъ картинки, двое стѣнныхъ часовъ. Кимната наполнена кроватями изъ березы подъ лакомъ. Въ кухнѣ также чисто какъ въ комнатѣ, и кушанье варится на чугунномъ листѣ, разогрѣваемомъ снизу. На верху:

1) сѣни съ кроватями, 2) комната холодная, 3, 4) чуланы.

Комната убрана прекрасно: тутъ 4 кровати подъ лакомъ, два коммода изъ березоваго корня подъ лакомъ и съ бронзою, накрытые цвѣтными салфетками, два шкафа подъ лакомъ, въ серединѣ березовый круглый столъ, на коммодахъ картинки, восковыя свѣчи, изваянія Возіей Матери, часы, на стѣнахъ картинки и образа (очень бѣдные). Сѣмейство: старикъ, у старика сынъ съ женою и ихъ 10 недѣльная дочка, прислуги много, потому что старикъ содержитъ господу (шиновъ). Къ нему пріѣхали мать жены съ сыномъ, двѣ племянницы, а изъ ближняго селенія пришли мужья дочерей его съ дочерьми. Одежда: мужчины всѣ въ сертукахъ, фракахъ и пр. по городскому, и довольно богато. Что до женщинъ, то онѣ одѣты различно, сходствуя только тѣмъ, что всѣ

въ шнуровкахъ. Молодая хозяйка одѣта такъ: ситцевая розовая юбка (сукня), голубой передникъ, шнуровачка на тальи такъ: съ портами (позументомъ) у пояса, безъ рукавовъ, а коро тѣнькіе рукава кошили (рубахи) покрываютъ руку только въ верху; на шеѣ шелковый голубой платочекъ; на головѣ малиновый кашемировый платокъ по Курски такъ: на ногахъ башмаки. Мать хозяйки одѣта также, только шне ровачка черная плисовая, дочь дѣвушка также, только голова не покрытая, и волосы зачесаны по городскому.

Пріѣзжія другія въ сукняхъ, передникахъ, а на тальѣ шпеперъ съ коротенькими полками подъ поясомъ и съ широкими рукавами; голова зачесана на манеръ XVIII вѣка—коса подъ косою, такъ: на волосахъ туго накрахмаленный кружевной чепецъ. На шеяхъ у всѣхъ или крестъ, или монета золотая, или кораллы. Че резъ полчаса былъ готовъ кофе, и къ нему поданы колачи (сдоб ные пирожки съ творогомъ или съ вареньемъ) и бухты (булочки) изъ бѣлой пшенич. муки. — Потомъ мы поѣхали къ обѣднѣ, къ св. Исидору. Впрочемъ въ церковь пробраться было нельзя. Мы ходили вокругъ мимо лавочекъ, гдѣ продаютъ дѣтскія игрушки, пряники, роглики, мандловки (миндальные хлѣбцы), гоуски, цукерладки (конфеты) и т. д. Дѣти бѣгаютъ и свистятъ: въ праздникъ такого роду всякій изъ нихъ непременно получить свистелку. Заходили въ кришту (могильный домъ) князей Кинскихъ, недавно отстроенный, довольно большой, довольно красивый, съ камен. статуями, но еще не освященный и потому пустой: послѣ завтра будутъ святить и потомъ переносить гробы изъ могилы сюда. Возвратившись, мы пошли съ Станькомъ по знакомымъ селянамъ. Постройка домовъ у всѣхъ одинакова, только бѣднѣе. У нѣкоторыхъ жилье въ верхнемъ этажѣ, а въ нижнемъ коморы. Когда пришли домой, въ господѣ играла уже музыка (господа въ одномъ дворѣ съ домомъ хозяина): парни и дѣвушки (гохи и голки) танцевали—польку подъ звуки скрипки, баса, флейты и еще чего-то та-та, та-та, та-та—быстро и рѣзво. Я пошелъ туда. Между парнями есть молодцы, между голками ни одной хорошенькой и стройной, и шнуровки не помогаютъ. Въ 3-ъ часу сѣли за обѣдъ, что продолжалось до 5 часовъ съ 1/2. Мы занимали первыя мѣста. Хозяева молодые не сажались, а угощали. Началось дѣло супомъ, свареннымъ превосходно, потомъ нѣсколько соусовъ, потомъ нѣсколько жаркихъ, потомъ салатъ. И миска и блюда кружили по столу. Тарелки фаянсовыя съ цвѣтами. Стаканы съ цвѣтами. Ложки серебряныя. Пиво. Можно было объѣсться и обпиться, если-бы слѣдовать просьбамъ хозяевъ. Послѣ обѣда кофе. И потомъ я пошелъ со старикомъ осматривать его хозяйство—стодолу (гумно), машталь (коровницу), яблочный садъ, огородъ: всюду видно довольство, изобиліе. Потомъ засѣли съ нимъ и съ другими селянами за

пиво и давай рассказывать о житьѣ-бытьѣ, объ обрядахъ, обычаяхъ и т. д. Я имъ рассказываю, что у насъ есть, а они мнѣ, что у нихъ, и приговариваютъ: чудное дѣло! за 400 миль, а то же, что и здѣсь.—Земли всѣ принадлежатъ аристократамъ. Мужикъ, имѣющій 60 стриховъ земли (стрихъ = 800 саговъ, изъ которыхъ въ каждомъ 9 локтей квадратныхъ) есть седлякъ и долженъ работать на господина 3 дни въ недѣлю; если имѣеть менѣе, то работаетъ 1 день въ недѣлю и наз. халоупникъ; если не имѣеть совсѣмъ земли, а только домикъ, то домкръ, и работаетъ 13 дней въ годъ, если и домика не имѣеть, то по другъ (бродяга) и работаетъ также 13 дней въ годъ. Седлякъ лицо почетное, а подругъ чаще всего дѣлается же бракомъ (нищимъ) и ходитъ или съ сумою или съ арфою, или съ коловороткою (органомъ-шарманкою). Поминаютъ Императора Иосифа и не любятъ теперешняго. Господами своими хвастаются. Обрядовъ и сказокъ пересказывать не у мѣста—и спать хочется.

Прага, 1840. 12 Мая.

Вчера мы воротились въ 4-мъ часу послѣ обѣда. Поспѣшили потому что заболѣлъ сыночекъ Станька и теперь ему очень дурно. Станекъ былъ у меня и говорилъ, что жена его и Тонинка не спали цѣлую ночь у постѣли малютки. А прогулка наша была прекрасная. Со счастливаго начала хочу почаще такъ дѣлать. Уже одна есть впереди—къ Винаржицкому ¹⁾ съ Челяковскимъ, и еще одна къ другому священнику за Мельникъ съ Станькомъ.

Завтра приглашенъ на музыкальный вечеръ къ Томашку ²⁾.

Цѣлую вашу ручку и поздравляю съ наступающимъ днемъ Вашего Ангела. Поблонъ всѣмъ и каждому.

Из. Срез.

Слѣдовало бы написать и еще листокъ; но не успѣю, да и не о чемъ ³⁾.

XXVII.

№ 15. Прага, 1840.

14 Мая. Вчера былъ музыкальный вечеръ у Томашка, вечеръ для меня,— и меня тамъ не было! Досада да и только. Въ Вторникъ приходилъ ко мнѣ Ганка съ приглашеніемъ, и, давши письмо Погодина Шафаряку, для передачи ему, сказалъ между прочимъ, что-бы я увѣдомилъ Шафарика и о вечерѣ. Я было

¹⁾ Karel Alois Vinařický—почтенный Чешскій литераторъ и ученый,—фараръ Кованскаго прихода (1802—1869); онъ извѣстенъ какъ переводчикъ Греческихъ и Римскихъ поэтовъ. И. И. Ср—ій въ письмахъ къ Краевскому отъывается о томъ, какъ о замѣчательномъ по стику поэтѣ. См. также Донесеніе И. И. С. изъ Вѣны 8 Февр. 1841 г. (Ж. М. Н. Пр. 1841 г. № 8).

²⁾ Václav Tomášek—извѣстный Чешскій музыкантъ и композиторъ (1774—1850).

³⁾ Приписка на полѣ.

собрался идти къ Шафарику, но пришелъ Станекъ, потащилъ къ Фричовымъ ¹⁾; тамъ меня удержали до вечера — и я у Шаф. не былъ. Вчера — утро просидѣлъ дома, вовсе забывши о вечерѣ, а послѣ обѣда пришелъ Челяковский и просидѣлъ до ¹/₂ шестаго. Проводивши Челяковского, я пошелъ къ Шафарику, совѣстася идти къ Томашку, не сказавши ему о томъ, да и вовсе не предполагая, что вечеръ для меня, слѣдовательно думая, что если неудобно быть на этотъ разъ, то буду въ другой. Съ Шафарикомъ разговори- лись, — и уже въ 8-мъ часу я могъ ему сказать о Томашкѣ. «Вы званы?» — Да. — «Что-же вы не пошли?» — Совѣстно было идти, не сказавши Вамъ. — «Ай, ай, ай! А Ганка вамъ не сказала, для кого этотъ вечеръ?» — Нѣтъ. — «Ну, такъ онъ самъ виноватъ. Томашекъ честолюбивый человекъ: онъ дѣ- лалъ это для васъ. Жаль!» — Я почесалъ въ головѣ, и остался у Шафарика, потому что идти уже было поздно. — Сегодня утромъ приходитъ Станекъ, и говоритъ мнѣ, что меня тамъ долго ждали, что онъ хотѣлъ было взять фьякръ и ѣхать за мною, но что всю вину онъ взялъ на себя, сказавши Томашку, что обѣщаль зайти за мною, и забылъ. Вечеръ былъ прекрасный. Дочь То- машка пѣла пѣсни изъ Краледв. рукописи, Томашекъ много говорилъ о му- зыкѣ народной. Время прошло весело. Послѣ обѣда я пошелъ къ Ганкѣ, и еще разъ досадовалъ вмѣстѣ съ нимъ. Томашекъ хочетъ сдѣлать еще разъ вечеръ, когда пріѣдетъ Докторъ Гай. —

15-е Мая. — Утромъ сегодня былъ у Ганки въ Музеумъ, послѣ обѣда у Челяковского и потомъ въ театрѣ вмѣстѣ съ нимъ, гдѣ давали опять l'Elisige d'Amore, и Подгорская снова восхищала всѣхъ своимъ росеопнымъ голосомъ и умѣньемъ управлять имъ.

16-е Мая. Суббота. Воротившись изъ обѣдни, сажусь въ ожиданіи обѣда за газеты, вдругъ дверь отворяется, и хозяйскій сидѣлецъ подаетъ письмо... Боже мой, изъ Харькова! Да эдакъ я пожалуй и избалуюсь, душенька Маменька! Теперь Вы пишете ко мнѣ чаще, нежели я къ Вамъ. Цѣлую Вамъ ручку за это, милая Маменька. Можетъ быть въ Прагѣ только мнѣ и поба- ловаться, а тамъ... Впрочемъ можетъ быть и нѣтъ. Сколько до сихъ поръ знаю, думаю, что путешествіе мое не будетъ быстробѣгучее. Для избѣжанія лишнихъ издержекъ въ пути, конечно, лучше переселиться изъ города въ городъ, изъ страны въ страну; но такое путешествіе выгодно для того, кто хочетъ лю- боваться, а не изучать чтонибудь. Для меня же гораздо лучше засиживаться въ одномъ городѣ, и изъ него дѣлать вылазки въ окрестныя страны. Въ Прагѣ, я думаю, останусь до осени; а потомъ въ Вѣну... кажется зимовать буду въ Вѣнѣ, гдѣ можно найдти довольно и Чеховъ и Словаковъ, и разнаго рода Иллирійцевъ. — Какъ бы то ни случилось, однако, Вы будете знать,

¹⁾ Вѣроятно семейство Фрича (Josef Frič), адвоката и профес. юридическихъ наукъ.

Маменька, гдѣ я; а пока узнаете, пишите письма въ Прагу, и лучше на имя Ганки или Шафарика. —

Между тѣмъ надобно написать Вамъ нѣсколько словъ и о «славности», которую теперь празднуетъ Прага. Сегодня день св. Іоанна Непомука. Я уже, кажется, писалъ Вамъ, что великолѣпная серебрянная рака его есть одно изъ блестящихъ украшеній Собора св. Вита. Іоаннъ Непомукъ былъ Пражскимъ священникомъ и по повелѣнію короля Вячеслава сверженъ въ Молдаву съ моста. Въ 1729 г. онъ былъ канонизированъ, т. е. причисленъ къ лику святыхъ, и съ тѣхъ поръ сталъ въ числѣ патроновъ Чехіи, наиболѣ чтимыхъ всѣми Чехо-Славянами. Едва ли можно найти въ цѣлой Чехіи домикъ, въ которомъ бы не было его статуи. Въ Прагѣ же не только въ домахъ, но и на домахъ видите эти статуи. Кстати. Прага въ отношеніи религіозномъ похожа на Бенересь; не только множество церквей, часовень и прочихъ молитвенныхъ мѣстъ, но во всякой улицѣ вы найдете передъ чѣмъ стать на колѣна и молиться,—на однихъ изъ домовъ въ самой серединѣ, между окнами бель-этажа, нарисованъ огромный образъ, на другихъ то-же въ серединѣ, въ нишѣ, или на углу статуя какого нибудь святаго, или Божіей Матери, или распятіе; даже на площадяхъ стоятъ всюду такія статуи. Словомъ куда ни оборотитесь—или образъ, или статуя. Изъ статуйъ всего чаще статуи св. Іоанна Непомука. На праздникъ его стекается народъ въ Прагу не только со всѣхъ сторонъ Чехіи, но и изъ Моравіи, изъ Венгріи, Тироля и такъ далѣе. «Венковскій» (=не живущій въ Прагѣ) народъ копить деньги на это странствіе въ Прагу цѣлый годъ, и на 40 миль вокругъ Праги иѣтъ человѣка, который бы хоть однажды не былъ въ Прагѣ въ день св. Іоанна Непомука. И какъ идетъ этотъ народъ въ Прагу. Съ каждаго прихода люди рѣшившіеся идти въ Прагу, собираются вмѣстѣ, и взявши изъ церкви знамя процессіей идутъ, всю дорогу напѣвая пѣсни св. Іоанну. Уже въ Четвергъ, шодши въ Музеумъ, я встрѣтилъ по дорогѣ нѣсколько такихъ процессій. Вчера я также былъ въ Музеумѣ, и ходилъ съ Ганкою въ церковь Вита. Дворы дворца, черезъ которые надобно идти къ церкви, были уже полны. Тутъ и Штѣвниціе Словаки въ костюмахъ Вамъ извѣстныхъ, и Словаки изъ горъ въ бѣлыхъ шляпахъ и плащахъ, и Мораваны въ синихъ шинеляхъ, и Ганакі въ синихъ бурткахъ и малиновыхъ панталонахъ, и Чехи во фракахъ и кожаныхъ штанахъ, и женщины въ раз. костюмахъ, подобныхъ тѣмъ, которые описывалъ въ прошломъ письмѣ. Мостъ, украшенный между прочимъ также бронзовою статуей Іоанна также былъ полонъ. Въ 6 часовъ при громѣ пушекъ было совершено на мосту молебствіе передъ статуей, которая по этому случаю была украшена багдахиномъ въ родѣ алтара, и по захожденіи солнца освѣщена множествомъ цвѣтныхъ фонарей. Такая же статуя стоитъ и на моемъ Конскомъ торгу; и она также

была украшена. Вчера вечеромъ, возвратившись изъ театра, я занимался, а по площади неслись отъ мѣста гдѣ статуя, звуки пѣсни колѣнопреклоненнаго передъ нею народа. Я выглянулъ въ окошко—и заглядѣлся. Среди площади

статуя, украшенная олтаремъ горитъ фонарями, во всѣхъ окнахъ домовъ горятъ свѣчи, мѣсяцъ свѣтитъ изъ за тучъ. Площадь полна народомъ,—и всюду поютъ. Зрѣлище для меня необыкновенное и поразительное.

Сегодня въ 8 часовъ утра я вышелъ изъ дому въ Музеумъ, что бы съ Ганкою вмѣстѣ идти къ обѣднѣ, которую въ 11 часовъ долженъ былъ служить Архіепископъ. Обыкновенно иду я изъ дому до Музеума 20 минутъ или 25; сегодня шель цѣлый часъ; потому въ Іезуитской улицѣ, не доходя до моста, по мосту, и за мостомъ до самаго замка, особенно на сходцахъ должно было, за множествомъ народа, подвигаться шагъ за шагомъ. Все это мѣсто будто одна церковь. Иногда надобно было продираться, особенно тамъ гдѣ народъ стѣснился около лавочки, гдѣ продаютъ молитвенники и образа, слушая пѣсни продавицъ; а такихъ лавочекъ на однихъ сходцахъ и около нихъ около 100. Каноникъ Пешина ¹⁾, съ которымъ я познакомился въ собраніи Музеума, бывшемъ недѣли за двѣ, далъ мнѣ билетъ на хоры, и мы получили съ Ганкою прекрасное мѣсто: видно было и алтарь и народъ. Нѣчего говорить, что церковь была биткомъ набита, и не только церковь—три огромныхъ двора дворца также. Такое стеченіе народа я видѣлъ въ Россіи только тогда, когда, помните, встрѣчали мы въ Харьковѣ Императрицу. Передъ обѣднею Пешина читалъ проповѣдь, и при концѣ ея народъ рыдалъ. Служба шла своимъ чередомъ великолѣпно и въ сопровожденіи музыки и пѣвчихъ. Мы не дождались конца и вышли.—Теперь уже семь часовъ вечера. Еще Конскій торгъ полонъ народа; но уже многіе идутъ изъ Праги. Завтра будетъ все пусто. Различ. процессій описать нельзя. Вотъ для примѣра одно. Часу въ четвертомъ, когда у меня еще сидѣлъ Челябинскій, услышали мы необычайно громкій голосъ пѣсни, и подошли къ окну. Видимъ, что толпа человекъ 500 идетъ и поетъ пѣснь, а впереди несутъ къ олтарю св. Іоанна статую Божіей Матери на носилкахъ такой формы:

¹⁾ Pešina, Václav Michal (1782—1859)—проповѣдникъ и писатель-богословъ.

Кстати сказать: Чехи очень любят духовныя пѣсни и имѣютъ ихъ болѣе нежели обыкновенныхъ пѣсенъ.—Многое мнѣ кажется страннымъ въ католическихъ обрядахъ; но когда вспомнишь о благоговѣніи, съ которыми исполняются они народомъ, чувство овладѣваетъ душою. Нельзя не чтить обряда, исполняемаго по внушенію души, жаждущей молиться.—

Сегодня я былъ опять въ театрѣ. Давали глупую, но простонародную комедію, и хототу было въ театрѣ много. Завтра опять будетъ даваться Чешская пьеса—опера Іесонда. Опять пойду. Не хочу опустить ни одного Чешскаго представленія; а онѣ уже скоро кончатся. Лѣтомъ Чешская сцена закрыта. Остается только пять представлений, какъ сказалъ мнѣ Шафарикъ, съ которыми мы шли изъ театра вмѣстѣ.—

Завтра хотѣли мы съ Челяковскимъ идти на Шарку, верстъ за 7 отъ Праги; но погода непостоянная заставляеть отложить до времени это странствіе. А погода удивительно непостоянна: вчера, шедши въ театръ, нельзя было думать о дождѣ; а, выходя, принуждены были съ Станькомъ взять фіявръ. Сегодня послѣ обѣдни тоже грянулъ дождь, и если бы на мнѣ не было каучуковаго пальтона, который я купилъ вмѣсто плаща, то промокъ бы до костей. Теперь опять свѣтло и сухо.

Прощайте, Маменька.

Из. Срезн.

20-е Мая. Сейчасъ получилъ Ваше письмо съ приписками друзей моихъ и не могъ не заплакать. Съ какою бы радостію прижался я къ груди Вашей. Словами высказать моей благодарности не могу.—

Засвидѣтельствуйте мое почтеніе Марѣ Ивановѣ, Марѣ Фодоровѣ Miss Fanny, Марѣ Андреевѣ, Григорію Григорьевичу ¹⁾.

Мое почтеніе ...²⁾ Петров. и его батюшкѣ, Ивану Петровичу и т. д.

Надинька ³⁾! Ауууууу! — Ну ка въ Прагу. Я бы познакомилъ какъ разъ съ Боженой (дочерью Станька), съ которою мы иногда играемъ въ куклы. —Ахъ, и забылъ, что Наденька не играетъ. А. Божена не меньше.

Добрый Амвр. Лузіановичъ замѣтилъ мнѣ, что я чѣмъ то огорчилъ Васъ въ одномъ изъ писемъ моихъ. Душевно благодарю его,—а у Васъ, душенька Маменька, прошу прощенія, хоть право въ головѣ не было ни малѣйшаго помысла огорчить Васъ.

Пожалуйста не сердитесь, Маменька, на меня за письмо, которое Васъ огорчило.

¹⁾ М. И. Фидлеръ, М. Ф. Питра, Ф. С. Питра, М. А. Аничкова, Г. Г. Фидлеръ.

²⁾ Слово не разобрано.

³⁾ Н. Топчѣва,

XXVIII.

№ 16. Прага. 1840. Мая 28.

Вы не осердитесь, милая Маменька, что я начинаю это письмо на лоскутѣ: скудость! Когда разрѣзывалъ бумагу, задумался, и разрѣзалъ не такъ, какъ надо. Что-жъ, не бросить-же его! Притомъ-же больше этого листка и не придется написать изъ Праги, потому что....завтра въ 12 часовъ ѣду въ Болеславъ (на картѣ Вы найдете Бунцлау на СВ отъ Праги). Винаржицкій, одинъ изъ почетнѣйшихъ литераторовъ Чешскихъ, фараѣмъ (начальникомъ прихода, священниковъ) въ Ковани, недалеко отъ Болеслави, и боленъ очень. Станекъ уже ѣздилъ къ нему, не сказавши мнѣ; теперь ѣдетъ опять, и я не упускаю случая. Можетъ быть уже другаго случая не будетъ мнѣ побывать въ тѣхъ мѣстахъ. Слѣдующій листокъ буду уже конечно писать изъ Ковани или Болеслави.

О чемъ-же писать теперь?—Теперь 9 часовъ. Отрядъ солдатъ переходить черезъ Конскій торгъ съ музыкою—и напоминаетъ мнѣ о музыкальности Праги. Вотъ достоинство, которое ни врагъ у нея не отниметъ. Прага языкомъ можетъ молчать, но инструментомъ и гортанью—не въ силахъ, и нѣтъ минуты ни днемъ ни ночью, когда бы Вы не слышали какой-нибудь мелодіи. На Конскомъ торгу то (обыкновенно утромъ рано) идутъ сотни мальчиковъ и дѣвочекъ изъ школы въ церковь или обратно съ знаменами и крестами и поютъ духовную пѣснь; то везутъ мертваго война (солдата и офицера), и передъ гробомъ идутъ солдаты и музыка играетъ погребальный маршъ; то разводъ; то (обыкновенно вечеромъ) передъ домомъ какойнибудь слесинки (барышни), наканунѣ дня ея рожденія, пѣвцы поютъ ей серенаду, желая ей долголѣтія, здравія и всего; то (обыкновенно) позднимъ вечеромъ вращается съ гулянья стая молодцовъ и поетъ народную пѣсню или арію изъ оперы, или романсъ; а въ промежуткахъ слышите то гармонику, то коловратку (шарманку), то арфу, на которой играетъ какаянибудь слѣпая, то кларнетъ, то скрипку, то фортепиано, то то, то другое. Выходите изъ дому, когда хотите и куда хотите,— и вы музыки не минуete. Коловратки надѣдаютъ, арфѣ не пересчитаешь, пѣвуней сколько домовъ и этажей, а въ садахъ каждое послѣ обѣда концерты, въ церквахъ же каждый день органы, въ шинкахъ, самыхъ худшихъ даже, хоть одноглазый басистъ съ беззубой пѣвицей или слѣпую арфисткой, а все таки потѣшаютъ почтеннѣйшую публику. И замѣтьте—тавьтъ разъ—два, разъ—два чаще всего. Люблю Прагу за ея музыкальность столько же, сколько сожалѣю о ней за мотовство на наряды. Дворянки хотятъ отличиться отъ мѣщанокъ богатствомъ наряда; мѣщанки этого не хотятъ и танутся изъ всѣхъ силъ за ними; — и пошло. Напр. это

идеть вся въ атласѣ и блондахъ, перекинувши черезъ руки богатую шаль, идетъ точно живая модная картинка?, Это мамзель Панна, дочь угольной продавицы табаку, которая сидитъ и спитъ цѣлый и каждый день въ шкафикѣ со стеклушкой, и сивозъ него отпускаетъ проходящимъ трубку за гривну, табакерку за три гроша, и т. п.

Ай! Моя бумага и самъ не знаю какъ склѣилась. Тѣмъ лучше. Не знаю только какъ склѣить съ тѣмъ, что уже написалъ, то, что еще вошло мнѣ въ голову. Вотъ что. Еще особенность Праги: лоторей. Каждую недѣлю розыгрывается казенная лоторей, и объявленія объ этомъ можно читать на каждомъ углу, а билеты доставать почти въ каждой лавочкѣ. Гдѣ вѣчные зрители, гдѣ эти зрители чаще застаиваются? тутъ, у этихъ лавочекъ. Всѣ, всѣ испытали эти горькія неудачи,—и между тѣмъ надежда манитъ, ослѣпляетъ, судорожно сцѣпляетъ руку въ карманъ, судорожно выбрасываетъ ее изъ кармана съ деньгами за билетъ, обманываетъ—и снова манитъ. Я уже не разъ становился въ рядъ этихъ деньголюбцевъ, чтобъ смотрѣть на игру физиогномій, прислушиваться къ шопоту и ворчанью. Бѣдные!.. А правительство знаетъ, что пускаетъ этими лотореями по миру десятки еженедѣльно, не говоря уже о развратѣ сердца,—и между тѣмъ торгуетъ, отдавая содержаніе этихъ лоторей на откупъ Жидамъ. Музыкальность, любовь наряжаться, страсть къ лотореямъ и наконецъ—богомольство (очень вѣстат!): вотъ 4 стороны квадрата, между которыми мечется сердце жителя Праги.—Проиграетъ еще гульдѣнъ, съ горя помолится, развеселится, приодѣнется, заслушается музыки и опять къ лоторей!—

Венеція (по Чешски Бенатки) 29-го Мая.

— Венеція?—спрашиваете Вы, милая Маменька. Да, Венеція... И какъ близко отъ Праги—только 5 миль—35 верстъ! Выѣхавши изъ Праги въ полдень, мы приѣхали сюда въ 6 часовъ. А право Венеція—Бенатки, какъ и въ Адриатическомъ морѣ. Впрочемъ объ этой Венеціи нечего писать. Дрянной геродокъ—да и только. Тѣмъ хуже показался мнѣ онъ, что въ немъ почмейстеръ содралъ съ насъ за пару лошадей до Совинки—2 гульдена серебромъ. До сюда мы ѣхали въ штельвагенѣ, чудномъ экипажѣ, который описывать нѣкогда. Пьемъ молоко и ожидаемъ, что подѣдутъ лошади. Приѣхали.—

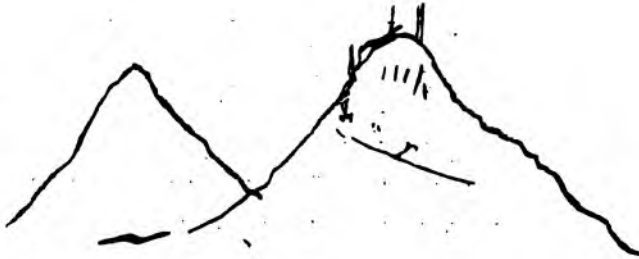
Ковань. 12-й часъ ночи. Послѣ ужина.

Доѣхавши до Совинки на почтовыхъ, мы получили здѣсь отъ управителя дрожки до Ковани, и управитель этотъ былъ такъ добръ, что предложилъ мнѣ пользоваться лошадьми цѣлый завтрашній день для осмотра окрестностей. Насъ приняли у Винаржицкаго какъ родныхъ. Ему лучше; но все еще

лежить. Онъ не ожидалъ меня и обрадовался. Старикъ—отецъ его и дѣвушка—дочь угостили насъ по Славянски.— Ложусь спать, потому что завтра въ 4 часа долженъ ѣхать на гору Бездесъ и далѣе.—

Подъ Бездесомъ. Трактиръ. 30 Мая.

Еще я пьянъ, чуть не помѣшагъ. Видъ, которымъ я наслаждался, былъ для меня такъ новъ, такъ поразителенъ, что я былъ внѣ себя отъ наслажденія, и до сихъ поръ передъ глазами все онъ. Гляжу въ окно и вижу: Эта гора

будетъ можетъ быть въ четверо выше Хорошевской ¹⁾). Можете представить, что съ нее видѣть. Луга лѣса, десятки деревень, сель и городовъ,—и горы—Исполиновы рисуются на границахъ горизонта, выступая все ближе и ближе отдѣльными вершинами, то голыми, то поросшими лѣсомъ, съ замками на высотахъ. Въ ясную погоду можно видѣть до Праги, и за Прагу. И теперь ясно; но рано, туманъ. Надѣюсь Вы скоро будете читать подробное описаніе этой поѣздки моей, и теперь молчу. Надобно похолодѣть.—Ѣду далѣе.

У подошвы Габихштейна.

Вы видали этотъ Габихштейнъ на картинкѣ. Помните—на горѣ гора въ видѣ корабля, и на вершинѣ замокъ, такъ:

У подошвы этой горы въ гостинницѣ сижу я теперь и пишу пока подадутъ кофе. Напьюсь, и на гору. Очень радъ, что могу побывать въ этихъ мѣстахъ такъ, какъ случилось. Винаржицкій далъ мнѣ проводника, который всюду былъ и все знаетъ. Кстати о томъ, какъ приняли меня у него. Не пробило сегодня еще и 4 часа, какъ въ двери стукъ-стукъ. Я былъ уже одѣтъ. Отворяю: сестра Винарж. несетъ кофе. Бѣдненькая, она должна была встать прежде меня, чтобы приготовить. Я благодарилъ какъ умѣлъ; но что значатъ слова благодарности передъ этою гостеприимностію,—и если бы Вы видѣли, съ какимъ радушіемъ было дѣлано это. Нельзя не замѣтить и о житьѣ-бытьѣ его. Если всѣ священники помѣщены такъ, то нельзя не по-

¹⁾ Около Харькова; на ней находится женскій Хорошевскій монастырь.

жалеть, что у нас... отъ этого еще далеко. Прекрасный двухэтажный домъ у церкви, очень мило меблированный,—годился бы для любого города. И всего въ довольствѣ.—Одиннадцать. Пора идти на гору. Бучеръ и проводникъ допиваютъ свой кофе. Маменька, гдѣ вы? Пойдемъ! Взойдти можно, говорить, совершенно безопасно, даже покойно. Пойдемъ!..

Воротившись.

Удивительно. Казалось бы, что такъ создать могла одна фата-моргана и то на нѣсколько минутъ. Вотъ вамъ вѣрный снимокъ одной изъ профилей:

И со всѣхъ сторонъ обходя эту скалу вы идете подъ нею, часто такъ, что если бы и обвалился камень сверху, то и не тронулъ бы васъ. Вверху камень очень крѣпокъ, внизу, въ основаніи этой дивной скалы, мягокъ, такъ что его ломаешь въ рукѣ и ломая растираешь въ песокъ. Морское происхожденіе скалы слишкомъ очевидно; всюду видны отпечатки черепашекъ и рыбьихъ перьевъ. На верху скалы остаются остатки стѣнъ и валяются черепки и угли. Замокъ сгорѣлъ. Въ разныхъ мѣстахъ въ скалѣ прорублены ямы, проходы, цѣлыя залы, былъ и володецъ.—А что съ Вами, душенька Маменька, могли бы мы все видѣть, то это совершенная правда. За два года, когда кто хотѣлъ всходить на скалу, то надобно было представлять лестницу; теперь сдѣлана башня, и въ ней сдѣлана прекрасная витая лестница, которою всходите безъ усталости на первый ярусъ; на самый верхъ тоже безъ усталости всходите по ступенямъ, высѣченнымъ въ скалѣ. Какъ бы прекрасно было, если бы все Курежское наше общество собралось здѣсь и погуляло бы... Я былъ бы проводникомъ. И какой видъ сверху, и какъ всего много, чѣмъ можно любоваться. А то—теперь я одинъ записалъ свое имя въ памятной книгѣ.—Я хотѣлъ было вырѣзать и свое имя на скалѣ, но ножъ не хватилъ, а гвоздя не было.

Ковань. Понедѣльникъ.

Вчера въ половинѣ пятого я былъ уже опять въ Ковани. Станекъ уже уѣхалъ въ Прагу,—и я остался одинъ въ гостяхъ. Посидѣвши съ Винаржичкимъ, я пошелъ съ отцомъ его, добрымъ старичкомъ, и прежнимъ проводникомъ моимъ оглядѣть окрестности Ковани и житье здѣшнихъ седляковъ. Равнина, на которой стоитъ Ковань, заставляетъ думать что глядѣть не на что; но вышедши 20 шаговъ изъ деревни видишь совсѣмъ другое: между Кованью и ближнимъ селомъ Скальскимъ лежитъ долина такъ глубокая, что

ея берега выше Хорошевой горы. Долина извивается разнообразно и дѣлится на отроги. Дикія скалы стѣнами и башнями торчатъ всюду, изъ подъ нихъ бьютъ ключи и журчатъ по долинѣ. Словомъ чудная природа, превосходное гулянье. Мы бродили по горамъ, по долинѣ часа три. Старикъ воротился домой, а я съ проводникомъ въ Подскальское, гдѣ два седяка выстроили недавно два новыя строенія для хозяйства, что стоило посмотреть. Оглядились и потомъ пошли по селенію, заходя въ домики то напиться воды, то спросить гдѣ живетъ тотъ или другой, нѣтъ—подъ какимъ нибудь другимъ предлогомъ. Я замѣтилъ всюду чистоту, опрятность. Нѣтъ ни одной избы не оштукатуренной. Домиковъ еще много деревянныхъ, но теперь уже запрещено ст[р]оить деревянные: камней пропасть, черепица не дорога, и строятся разъ навсегда, безъ боязни пожара.—Но это-ли Славянское Воскресенье—все тихо, никого не видно. Женщины Богъ знаетъ гдѣ, а мужчины у пивовара за пивомъ играютъ въ карты. Только дѣти собрались на площадке и играютъ въ «поцѣлуи».—Сегодня черезъ полчаса иду пѣшкомъ въ Болеславъ и оттуда далѣе ѣду.

Л и б у н ь. Среда, 3-е Мая ¹⁾.

Цѣлыхъ ²⁾двое сутокъ не принимался за перо. Право, времени не было: то то, то се. И вотъ въ нѣсколькихъ словахъ отчетъ, какъ прошли для меня эти два дни. Въ Понедѣльникъ въ началѣ 9-го я простился съ Винаржицкимъ, и въ путь пѣшкомъ изъ Ковани въ Болеславъ, и не прямою дорогою, а ³⁾тропинкой. Болѣе полутора часа шли мы (съ проводникомъ) по долинѣ извивающейся изъ Ковани на югъ къ рѣкѣ Изерѣ; потомъ еще около полутора часа по берегу Изеры вверхъ. Надобно было спѣшить въ Болеславъ чтобы успѣть занять мѣсто въ Болеслав. дилижансѣ; а потому, проходя мимо 7 деревенекъ, заходили то въ тотъ, то въ другой домикъ только на нѣсколько минутъ. Три часа прошли незамѣтно. Въ одиннадцать Болеславъ была передъ глазами; въ половинѣ 12-го я уже былъ на почтѣ. Взявши билетъ, я пошелъ бродить по городу. Болеславъ хоть и Крайскій городъ, но довольно нечистъ и нехорошъ, и притомъ малъ такъ, что въ полчаса я обходилъ все лучшее. Потомъ пообедалъ и въ часъ пополудни поѣхалъ по дорогѣ въ Ичинъ до Сobotки. Это всего три мили. Въ 4 часа мы были въ Сobotкѣ. Оставивши верхній кабадъ и портфель въ гостинницѣ я пошелъ къ Декану Ветешнику ²⁾, самъ не зная, останусь ли въ Сobotкѣ или далѣе поѣду.

¹⁾ Опяка: надо читать 3-е июня (по новому стилю = 22 мая старого стиля).

²⁾ František Vetešník—Чешскій писатель (1784—1850); богословъ по образованію, приходскій священникъ, фараръ и деканъ по служебной дѣятельности, онъ посвятилъ свою дѣятельность главнымъ образомъ распространенію грамотности и книгъ въ средѣ простого народа и былъ однимъ изъ первыхъ дѣятелей извѣстнаго издательскаго общества Матицы Чешской.

Ветешникъ обрадовался прїѣзду Русскаго, какъ роднаго, и упрасивалъ остаться до утра; но между тѣмъ у него уже было взято мѣсто въ дилижансѣ до Ичина. Узнавши это, намъ не трудно было согласиться ѣхать въ Ичинъ вмѣстѣ,—и поѣхали: я также долженъ былъ ѣхать въ Ичинъ, что бы познакомиться съ профессорами Широмъ ¹⁾ и Махачкомъ ²⁾. Въ продолженіе двухъ часовъ мы сѣдали этотъ переѣздъ двухъ миль. По дорогѣ говорили о Россіи и Чехіи. Я любовался видами, а Ветешникъ, почтенный, добрый и умный старикъ, рассказывалъ мнѣ о житѣй-бытѣй Чеховъ и требовалъ отъ меня въ замѣнъ объясненій о Россіи. Онъ любитъ ее какъ родную землю. Въ Ичинѣ мы заходили въ книжную лавку, а потомъ пошли къ проф. Ширу. Ширъ тоже упрасивалъ остаться на ночь въ Ичинѣ, но Ветешникъ расположился такъ: мы съ нимъ двое тотчасъ пойдѣмъ въ Либунь пѣшкомъ тотчасъ, а Ширъ и Махачекъ прїѣдутъ туда на другой день,—и такъ сойдемся вмѣстѣ. Жена Шира поподчивала насъ виномъ: чокнувшись стаканами за здоровье Русскихъ, Чеховъ и всѣхъ Славянъ, шапки на головы, и пошли. Ширъ заохотѣлъ провожать насъ нѣсколько. Отъ Ичина до Либуни будетъ конечно миль около двухъ: потому что вышедши изъ него въ началѣ 8-го, мы пришли въ Либунь въ ¹/₂ одиннадцатаго. Ширъ провожалъ насъ до половины дорога. Деканъ Марекъ ³⁾, къ которому шли мы въ Либунь, уже спалъ; мы разбудили—и на радости сѣдѣли и болтали еще довольно долго. Очень рано утромъ Ветешникъ пошелъ домой въ Сobotку, потому что вспомнилъ, что долженъ былъ вѣнчать; но, прощаясь со мною, обѣщавъ воротиться послѣ обѣда. Этотъ разговоръ я помню сквозь сонъ: солнце еще не всходило, а спать мнѣ очень хотѣлось. Около 7-ми часовъ мы поздоровались съ Маркомъ, и послѣ кофе, пошли на Троски. Вы также видѣли на картинкѣ эти дивныя скалы. На очень возвышенномъ пологомъ холмѣ поднимаются вверхъ двѣ скалы какъ двѣ башни, такъ: довая стѣна замка, дой по башнѣ, Тростакъ что на походо около 4 ¹/₂ часовъ.

между ними сѣдлана человѣкомъ пересзади ихъ много, и на вершинахъ какъки отъ Либуни не много далѣе мила, бу туда и обратно намъ нужно было Подошедши къ Троскамъ, Марекъ (сѣдой, хотъ и свѣжій старикъ) указалъ мнѣ мѣсто, гдѣ взбираться на одну изъ нихъ.—Да это невозможно! сказала я.—Невозможно? Я вамъ покажу, что можно.—Онъ снялъ

¹⁾ Franišek Sir (1796—1867) профессоръ Ишинской гимн., впоследствии директоръ той же гимназій. Посвятивъ себя филологіи, работалъ надъ Чешскимъ яз. и занимался изученіемъ классиковъ; имъ издано много переводовъ съ древнихъ языковъ.

²⁾ Macháček Šimon Karel (1799—1846); извѣстенъ, какъ переводчикъ Нѣмецкихъ поэтовъ.

³⁾ Antonín Marek (1785—1877)—писатель-богословъ; И. И. С.—скій въ письмахъ къ Краевскому отзывается о немъ, какъ о человѣкѣ ученомъ и знатокѣ Русскаго языка. Марекъ занимался въ то время переводами стихотвореній Пушкина и Державина. Его псевдонимъ Болемиръ Изборскій.

сѣргукъ и пошелъ карабкаться на отвѣсную скалу. Я хотѣлъ было послѣдовать его примѣру; но сколько ни желалъ, сколько ни старался,—не могъ. Марекъ сползъ и мы пошли къ другой. Тутъ до половины приставлена къ скалѣ гигант. лестница ступеней во сто. Мы полезли по ней, и сверху лестницы любовались видомъ: не хуже вида съ Бездѣса. Со временемъ сдѣланы будутъ ходы на обѣ скалы.—Не успѣли мы воротиться домой, какъ пришелъ Ветешникъ изъ Сobotки, Ширъ изъ Ичнна. Обѣдали. Послѣ обѣда пріѣхалъ Махачекъ съ Гульманомъ. День прошелъ весело. Вечеромъ, провожая гостей, мы гуляли съ Маркомъ вокругъ Либуни.—Теперь уже половина 7-го; черезъ часъ идемъ пѣшкомъ въ Турновъ, за двѣ мили отъ Либуни.—Такъ то бродить Вашъ сынокъ.

Л и б у н ь. 4-е Мая.

Еще день минулъ, и минулъ оставивши во мнѣ надолго нѣсколько приятныхъ воспоминаній. Съ почтеннымъ Маркомъ мы ѣздили въ Турновъ. Проѣзжая мимо великолѣпныхъ утесовъ Грубой Скалы мы заѣхали къ владѣльцу Грубоскальскаго замка, барону фонъ Эренталю, были приняты имъ очень ласково и радушно, и осмотрѣли сблизн утесы и любовались видами. Видовъ описывать нѣтъ силъ; а что до вида скалъ, то довольно сказать, что большая часть ихъ похожи на окаменѣлые пни пальмъ, въ вышину по крайней мѣрѣ въ четверо выше нежели въ толщину; и дорога къ замку только съ одной стороны, а съ другихъ утесъ:

Очень жаль, что погода вчера какъ и сегодня дождлива и не позволила побродить между скалъ. Въ Турновѣ заходили мы въ два дома, гдѣ все напоминаетъ Русь—портреты и бюсты Государя, виды Петербурга и Москвы, самоваръ, чай, Рус. языкъ хоть немножко. Обѣдали у Девана, гдѣ по случаю визитаціи шволъ благочиннымъ былъ обѣдъ для окольнаго духовенства. Какъ Русскій я и здѣсь принятъ былъ съ почетомъ. Нельзя было не видѣть, что духовенство Чешское и образовано и любитъ Чештину. Я сказалъ Марку, что духовенство Чешское можно считать столбами народа Чешскаго, какъ въ Россіи дворянство. Мое замѣчаніе побѣждало по цѣлому столу,—я обѣдъ кончился тостомъ за здравіе Словянъ. Послѣ обѣда ходили еще кое-куда въ Турновъ, и въ половинѣ 10-го вечеромъ воротились домой.—Сегодня отправлюсь въ Ичинъ и оттуда, кажется, прямо въ Прагу.

Путешествіе это было для меня во всѣхъ отношеніяхъ полезно. Я познакомился съ одною изъ прекраснѣйшихъ и населеннѣйшихъ странъ Чехіи,

говорилъ постоянно по Чешски, узналъ многое объ обычаяхъ Чеховъ, записалъ нѣсколько пѣсень.—

Прага, 6 Мая. Суб.

И дома. 4-го Мая послѣ обѣда мы поѣхали съ Маркомъ въ Ичинъ. У Шира меня оставили на ночь. Заходили къ Махачку, и милая жена его играла мнѣ кое-что Русское на фортопьяно и Мейзедеровы варіаціи на Русскую тему—на скрипкѣ,—на фортопьянѣ порядочно, на скрипкѣ превосходно. Жена и все сѣмейство Шира угощало меня и на другое утро въ 6 часовъ проводило изъ Ичина.—

Въ Сobotкѣ я заходилъ къ Ветешнику проститься. Изъ Сobotки въ Градиште (Мюнхенъ грецъ) гдѣ въ 1833 г. былъ съѣздъ императоровъ Русскаго и Австрійскаго, и гдѣ въ капуцинскомъ храмѣ поклонился я тѣлу Вальштейна. Оттуда въ Болеславъ-Бенатки, Старую Болеславъ и Прагу—въ 9 часовъ вечера.—

Тутъ засталъ Ваше письмо, милая Маменька.—Письмо, котораго Вы не получили, есть вѣроятно то, которое я писалъ черезъ Костомарова.—О чемъ, душенька Маменька, вы плачете? Ужели какое душевное горе? Если же не душевное, то бросьте его и будьте покойны. Братъ не пишетъ по обычаю: запоздалъ отвѣчать да и совѣстится. Очень радъ, что Вамъ нравится Пражскій вальсъ.—Поклонитесь Марфѣ Ивановнѣ, Марьи Ѳедоровнѣ и всѣмъ, кто помнитъ меня.

Прощайте. Цѣлую Вашу ручку.

Изъ Срезневскій.

Простите, что гадко писалъ. Хотѣлъ было переписывать; но спѣшу отправить.

XXIX.

№ 17. Прага. Іюня 9-е или 10-е не знаю ¹⁾. 1840.

Вчера была такая странность со мною, что я вспомнить не могу о ней безъ горя.—Я всталъ очень рано, растворилъ окно, сѣлъ подлѣ него и сталъ читать. Какъ это долго продолжалось не помню; знаю только, что мнѣ наскучило ждать моей панни съ кофе, и я съ горя сталъ зѣвать на площадь, какъ она мало-по-малу оживлялась.... Ёдутъ возъ за возомъ, идутъ корзинки за корзинками; показываются и шляпки... Вдругъ—глядь: на противной сторонѣ идетъ цѣлая партія дамъ. Рядомъ съ ними—лицо знакомое, лондинеръ изъ Золотого Ангела. Всмотриваюсь въ дамъ: ахъ, Господи! да это Фанни ²⁾!

¹⁾ Подъ цифрой 9 карандашемъ приписано: 8-е.

²⁾ Ф. С. Питра.

А это развѣ не Марья Ѳедоровна ¹⁾? А эта... черная шляпка, черное мантеле... Въ минуту я, какъ бѣшеной, кое-какъ одѣлся—и выскочилъ изъ дому. Дамы переходили на площадь къ Хораусу, когда я бѣжалъ къ нимъ. «Маменька, Маменька!» я ничего не помнилъ, и вѣрно повалилъ Нѣмцевъ четырехъ пока добѣжалъ до Маменьки. «Боже мой!» и я цѣлую ручки Маменьки, чувствую, что меня обнимаютъ, нѣжно целуютъ. Да не сонъ-ли это? какой сонъ! я все это чувствую, чувствую, что не сплю, что такъ живу, какъ никогда не жилъ. Вотъ и Фанни, и Марья Ѳедоровна, и Альбертъ ²⁾, и Доля ³⁾. Ахъ, Боже! Вотъ и Марѳа Ивановна, и Марья Андреевна ⁴⁾! Нѣтъ, это сонъ! Этого быть не можетъ. Марья Ѳедоровна съ сѣмействомъ своимъ ѣдетъ, положимъ, къ сестрицѣ ⁵⁾; Маменька ко мнѣ,—а Марѣвъ Ивановичъ... «Маменька!» я спрашиваю: «сонъ-ли это?»—Душа моя!—отвѣчаетъ Маменька, какой сонъ! мы пріѣхали къ тебѣ—вези насъ на Габштейнъ. Я останусь съ тобою. Марѳа Ивановна будетъ жить также въ Прагѣ, пока не возвратится Григорій Григорьевичъ ⁶⁾ изъ Баваріи, идѣ онъ получаетъ наслѣдство огромное. Мы проводили его—и ищемъ тебя! Ну, веди же насъ къ себѣ, и напои чаемъ. Въ Вѣнѣ насъ подчивали чаемъ; но мы посмѣялись, и отдали дѣвушкѣ. «Ахъ, нѣтъ, это сонъ!»—«Ну полно дурачиться. Видишь люди смотрятъ.»—Не я вель, а меня веди. Мнѣ все чудилось, что все это вижу во снѣ, и что не дойду я до мраморныхъ воротъ Харауса, какъ все это разыгрится и я очутюсь на постелѣ. Чтожъ не тутъ-то было. Мы прекрасно пришли въ мою комнату. Пани съ кофе; я ей въ руки самоваръ и Исусомъ, Маріей, Іосифомъ заклинаю, чтобы «удѣл'ял'я рыхлѣйцъ», чтобы «за пудъ годины было готово» ⁷⁾.—Гнетъ, гнетъ, буде готово.—Растворяется флигель. Маменька садится, играетъ польку. Я усаживаю Марѳу Ив. и Мар. Ѳед. на софу, барышни танцуютъ. Я какъ помѣшанный—самъ не знаю, что дѣлать. Надо мной смѣются; а я то за сливками, то за гоусками, то за красной салфеткой къ хозяйкѣ. «Маминка пшіел'я, маминка ма!»... И вдругъ—чортъ надалъ этой панни—разсмѣяться! Видитъ, что я, положивши на окно книгу, а ноги на стулъ—сплю. Я и проснулся. «Звал'я семъ васъ, пане, тни кратъ звал'я! Тотъ е ку подиву!» ⁸⁾—и продолжаетъ хохотать. По неволѣ сѣлъ за кофе въ одиночку, между тѣмъ какъ думалъ подчивать чаемъ. До сихъ поръ такая досада, такое горе. Вспомнить не могу, или лучше забыть не могу.

¹⁾ М. Ѳ. Питра.

²⁾ Альбертъ Самойловичъ Питра, впоследствии проф. Судебной Медицины въ Харьковскомъ унив.

³⁾ Адольфъ Сам. Питра, впоследствии проф. батаники и ректоръ Харьковского унив.

⁴⁾ М. И. Фидлеръ, М. А. Аничкова.

⁵⁾ Къ Генриетѣ Ѳедоровнѣ Юнкертъ, которая въ это время жила въ Брауншвейгѣ.

⁶⁾ Г. Г. Фидлеръ.

⁷⁾ Чтобы поторопилась, чтобы было готово въ полчаса.

⁸⁾ Я васъ звала, сударь, три раза звала! Просто удивительно!

Ужъ полно не предвѣстіе-ли это? Ужъ не отложить-ли мнѣ поѣздки? А я было уже воображалъ, что въ 9-ть отвезу васъ въ Виту и самъ въ Гаянъ и искать квартиру и послѣ обѣда на Заграды и завтра въ театръ. Все лопнуло! Я, Маменька, не одинъ уже разъ жалѣлъ, что мы не поѣхали вмѣстѣ. Прекрасно было-бы! Равно я въ Турціи не поѣду, потому что по Турціи путешествовать нѣтъ никакой возможности; а въ Германіи путешествіе довольно покойно.

Впрочемъ у меня таки были вчера танцы. Вотъ какъ это случилось. Однажды заходилъ ко мнѣ съ Ганкою одинъ фараръ, Крольмусъ ¹⁾, добрый, веселой человѣкъ,—и мы такъ понравились другъ другу, что онъ по моей просьбѣ навѣщаетъ меня довольно часто. Вчера онъ пришелъ въ 9 утромъ, чтобы переписать для меня Чешскія пѣсни ²⁾. Мы писали, пѣли. Я оставилъ его обѣдать. Послѣ обѣда кофе. Услышавши любимую свою пѣсню, вошла хозяйка, за нею хозяйинъ. Кофе пили вмѣстѣ. Къ хозяевамъ пришли гости. въ мою комнату, было и три слечинки. Пришелъ и ко мнѣ Фреиндъ, Русскій учащійся здѣсь техниѣ. Передъ вечеромъ фараръ, охрипши заигралъ польку. Пошли плясать. Хозяйка меня учила, и выучила. Пѣли и плясали до половины 12. Хозяинъ поподчивалъужиномъ; а я послѣ ужина чаемъ. Я такъ бѣсился, что на мнѣ не осталось нитки сухой. Всѣ удивлялись, какъ я могъ быть такимъ шутомъ, когда обыкновенно сижу въ своей комнатѣ цѣлой день одинъ, и голоса не слышно. «Мы было думали—сказала мнѣ одна—что вы монахъ». «Поѣзжайте, да ворочайсь—сказала другая: будемъ танцовать».—Разумѣется будемъ.—Впрочемъ пора въ театръ: даютъ Фауста, и Фауста роль, за моимъ любимцемъ Фишеромъ. Иду.

На другой день.

Въ театрѣ я чуть не заснулъ: кругомъ духота, потому что театръ былъ полонъ, а на сценѣ жалкая посредственность. Одна только роль Мефистофеля, бывшая за Ларошемъ (пріѣзжимъ изъ Вѣны), могла привлекать вниманіе и содержаніемъ, и исполненіемъ. Фаустъ-докторъ и Фаустъ-рыцарь и любовникъ не склѣвились въ одно лицо; Гретхенъ была черезъ чуръ стара, писклива, и передъ смертію гадка; адъ былъ просто грязенъ.—Пусть Амвръ Лукъ перескажетъ Вамъ содержаніе Фауста: поэма Гётева была почти вполнѣ на театрѣ и очень удобно помѣстилась въ 5 дѣйствіяхъ.

¹⁾ Вацлавъ Крольмусъ (1787—1861)—Чешскій патриотъ, священникъ; онъ перевелъ на Чешскій языкъ католич. агенду, по которой рѣшился совершать богослуженіе, за что подвергся гоненію со стороны правительства. Крольмусъ извѣстенъ своими трудами по археологіи и этнографіи: онъ собиралъ древности, производилъ раскопки, наблюдалъ старыя обычаи, записывалъ пѣсни.

²⁾ Эти списки хранятся въ бумагахъ И. И. С—скаго.

10-е Юня. Верона

Пишу карандашемъ, потому что чернила кѣтъ; а написать хочется хоть нѣсколько строчекъ, чтобы сказать Вамъ, Маменька, что я снова на пути— и вотъ уже въ Веронѣ. Былъ въ Венеціи, теперь въ Веронѣ; впрочемъ тоже не въ Италиі, а въ 3-хъ миляхъ отъ Праги. Эта Верона или по Нѣмецки Бероунъ—не много лучше той Венеціи, изъ которой я писалъ Вамъ. Что и ожидать отъ городка, гдѣ жителей не много болѣе 2000. Впрочемъ площадь, занимающая средину города правильна и велика, и обставлена порядочными домами. Половина одинадцатаго. Ужинаю и прислушиваюсь къ разговорамъ вечернихъ собесѣдниковъ всякаго званія, меня окружающихъ. Ёду въ Пильнель т. е. въ Пльзень. Взгляните на карту; вы увидите направленіе моего пути. Это уже четвертая повѣзка изъ Праги—и будетъ больше всѣхъ другихъ. До чернила.

11 Юня. Пльзень.

Ну вотъ и чернило. Не мудрено, что оно есть въ Пльзні, одномъ изъ лучшихъ провинціальныхъ городовъ Чехіи. И въ самомъ дѣлѣ—миленькій городокъ, небольшой, но чистенькій и хорошенькій. 10,000 жителей. 4 армарки. И въ одно утро отъ 8—и до 1 часу я узналъ почти все замѣчательное. Первый визитъ мой былъ къ профессору Сметанѣ ¹⁾. Тотъ меня познакомилъ съ каноникомъ Мейснеромъ и профессоромъ Сикорою ²⁾, — и въ четыремъ пошли мы ходить по Гимназіи, въ Ратгаузъ, въ Соборъ, въ книжную лавку и т. д. Соборъ—прекрасное готическое зданіе. Ратгаузъ хранитъ латы и оружія стараго времени Гуссит. войскъ. Книжныхъ лавокъ 2—дрянныхъ. Домъ Гимназіи очень великъ. Профессора всѣ живутъ въ немъ. Заходили и къ одной старушкѣ, владѣтельницѣ самаго стариннаго дома, строенаго Нѣмецкими рыцарями... Нельзя было не замѣтить сходства въ постройкѣ съ Мариенбургскимъ замкомъ. Ходили и вокругъ города. Кое-гдѣ еще уцѣлѣли старинныя стѣны; кругомъ города бульваръ или лучше каштановая аллея, еще молодая, но довольно тѣнистая. Были и въ «швольѣ», т. е. въ пріютѣ дѣтскомъ, гдѣ дѣти отъ 6 до 8 лѣтъ учатся читать. Когда-то я писалъ Вамъ объ

¹⁾ Jozef Frant. Smetana (1801—1861)—естество-испытатель, математикъ, историкъ и богословъ. Пробывъ нѣсколько лѣтъ капланомъ, онъ въ 1831 г. занялъ катедру физики сначала въ Пльзенскомъ лицей, потомъ въ Пражскомъ унив., гдѣ получалъ степень доктора философіи. Помимо науки занимаясь литературой, онъ былъ въ свое время однимъ изъ видныхъ ея дѣятелей.

²⁾ Jan. Nep. Sýsoga (1780—1845)—Чешскій писатель; онъ былъ учителемъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ Чехіи, между прочимъ въ Главной Пльзенской школѣ. Имъ составлена дѣтская грамматика Чешскаго языка.

Александро-Новскомъ приютѣ въ Петербургѣ: здѣсь то-же; только помѣщеніе бѣднѣе.

О себѣ нѣсколько словъ: и въ Ичинѣ, и здѣсь мнѣ все говорятъ, что я прекрасно говорю по Чешски, что выговоръ имѣю Чешскій. «Прекрасно»: это слишкомъ много, но самъ чувствую, что мнѣ легче говорить по Чешски, нежели по Французски или по Малороссійски. Иное такъ и думаю по Чешски. Удивляются какъ я успѣлъ въ 3¹/₂ мѣсяца. Олибаюсь еще часто; но Богъ дастъ, пройдетъ еще мѣсяца 3, буду порядочно говорить и писать. Благодарю Бога за то, что наломалъ языкъ на Чешскій ладъ.

По части денегъ: Боже избави, милая Маменька, чтобы я обратился къ Вамъ съ просьбою о деньгахъ. Достаетъ на все. Главная издержка — книги, — и я накупилъ уже ихъ довольно. Въ поѣздкахъ издерживаешь, конечно, болѣе нежели сидя на одномъ мѣстѣ; но все имѣю еще денегъ. Именно вчера, передъ отъѣздомъ изъ Праги имѣлъ 740 гульденовъ сереб., т. е., болѣе 1700 руб. на 3 мѣсяца. Въ Сентябрѣ получу вновь. — И вотъ уже 8¹/₂ мѣсяц. какъ я въ дорогѣ. —

12 Іюня.—Пѣльзенъ.

Утро. Окна растворены. Въ воздухѣ свѣжо и ароматно. Послѣ вчерашняго дождя каштаны и акаціи на бульварѣ противъ моихъ оконъ блестятъ и зеленеютъ. Изъ за деревьевъ виднѣются старинное зданіе гимназіи, а изъ за нея шпигъ собора. До 1835 года этотъ шпигъ былъ древній, готическій, какъ и все прекрасное зданіе собора. Въ этомъ году ударилъ громъ, разбилъ шпигъ, — и теперь выстроили новый, крытый красною мѣдью. —

Вчера послѣ обѣда пришелъ ко мнѣ Сметана и Сикора, и пошли за городъ, въ Лахотинъ, садъ съ желѣзными купальнями, заломъ для танцеванья, комнатами для пьющихъ пиво и т. д. Видъ на окрестности и городъ прекрасный.

13 Іюня. Пѣльзенъ.

Чужимъ перомъ, въ чужой комнатѣ—у Виснера. 3 часа пополудни. Вчера утромъ въ 6 часовъ мы выѣхали съ Виснеромъ за 2 мили отъ Пѣльзни къ Марку¹⁾, одному изъ лучшихъ новеллистовъ Чешскихъ, извѣстному подъ именемъ Яна съ Гвѣзды. Подъ дороги ѣхали, потомъ, пошли цѣшкомъ и заблудившись пришли въ Козофды, гдѣ живетъ этотъ Марекъ, уже по полудни. Утомиться было не трудно: тропинки, по которымъ мы шли, идутъ между горъ, на горы и съ горъ, и большею частью по камнямъ, виды чудо, а ногамъ больно. Что я

¹⁾ Jan Jindrich Marek (1801—1853) — священникъ; одинъ изъ лучшихъ Чешскихъ романистовъ, авторъ многихъ историческихъ романовъ и романтическихъ повѣстей.

засталъ у Марка было для меня совершенно ново. Послѣ обѣда, всѣ мы пошли къ бильярдѣ и за нимъ провозились до вечера. Вечеромъ карты—игра незнакомая—«шесть и двадцать» и самыя карты незнакомыя, итальянскія, гдѣ вмѣсто бубенъ, червей, пикъ и трефъ—батаны, спады, копыя и еще что-то, на деньги, какъ въ Чехіи всюду и всѣ. Въ 10 я легъ. Утромъ въ 7-мъ сегодня всталъ—и засталъ играющихъ—еще за картами. Кто-же эти игроки? Почти всѣ, какъ и большая часть вчерашняго общества—фарари. Вы удивляетесь, Маменька?—Я и самъ удивляюсь. Вотъ вамъ и католицизмъ. Если же это въ сторону, то и гости и еще болѣе самъ хозяинъ—добрые люди. Всѣ они радовались, что видятъ Русскаго въ своемъ обществѣ, и за обѣдомъ пили тостъ венгерскаго во славу Русскихъ, и пѣли импровизаціи въ честь Славянъ. Въ 8 часовъ я простился съ Маркомъ и поѣхалъ въ Пльзень: онъ далъ намъ дрожки, и въ полдень пріѣхали мы.

14 Іюня. Пльзень.

Опять карандашомъ, потому что опять нѣтъ чернила; по крайней мѣрѣ никого, у кого-бы попросилъ. Я записался на доставникѣ въ Клатовъ, и ночевалъ на дворѣ, откуда они идутъ. Ёду въ 5, теперь еще 4 ч.—Вчерашнее послѣ-обѣда до половины одинадцатаго провелъ я весело въ обществѣ Чеховъ, большею частію профессоровъ и учителей—«у Ганеса» въ лучшей Пльзеньской гостинницѣ. Погулявши съ Сметаной и Сиворой, мы пошли туда. Многіе хотѣли познакомиться со мною,—и кружокъ нашъ скоро обскѣлъ вокругъ большаго стола. Загуляло по столу пиво, мозги разшевелились. Все, что было въ залѣ, стало вокругъ насъ. Пановалъ одинъ Чешскій языкъ. Въ провинціяхъ Чешскихъ я всюду говорю, что по Нѣмцки говорятъ одни необразованные въ Прагѣ. Въ слѣдствіе сего, кто говорилъ по Нѣмцки, стяхаетъ, и начинаетъ мало-по-малу по Чешски. Такъ было и здѣсь. Легко это говорить въ провинціяхъ; но въ Прагѣ Нѣмецкій языкъ владычествуетъ всюду. По Чешски говорятъ только тотъ, кто не умѣетъ по Нѣмцки и такъ называемые «властенцы». Жалость, какъ подумаешь, до какого уничиженія дошли Чехи. Впрочемъ какъ-бы тамъ ни было, вечеръ прошелъ прекрасно. Всѣ жалѣли, что я въ Пльзени на такое короткое время—и проводили меня до ночлега, прощались, какъ давно знакомые, какъ родные.

Ба! Вы уже конечно знаете, что Прусскій король умре 7-го Іюня. Что изъ этого будетъ, Богъ знаетъ, и можетъ быть что нибудь въ пользу Славянъ, а покамѣстъ вотъ что говорятъ: «Прусскія де корня хранятся отъ Наполеоновской войны въ Петербургѣ,—и наследникъ де престола и хотѣлъ

бы поскорѣе короноваться, да Царь короны не даетъ». Такъ повторяютъ слова одного Прусака, проѣзжавшаго вчера черезъ Богемію. Дѣло, похожее на сказку; но такихъ сказокъ по Германіи бродить ежедневно по сотнѣ. Впиваются съ пивомъ, съ пивомъ и испаряются.

Клатовъ.

Главный городъ Клатовскаго края, и предрянной городъ. И не смотря на то, что сегодня воскресенье и праздникъ, все мертво, все глухо. Къ моему горю ни одного знакомаго и не съ кѣмъ знакомиться; а дилижанса надобно ждать больше 12 часовъ.— Поэтому поброжу по городу и лягу спать.

15-е. Воднянъ. 3 мили отъ Страконницы, 5 отъ Будеювиць (Будвейса).

Ночью въ 3 часа мы выѣхали изъ Клатова, ѣхали 12 часовъ—и проѣхали, какъ бы вы думали,—4 мили до Страконницъ, да 3 до Водняна=7 миль, 49 верстъ. Ночью было очень холодно; а когда потеплѣло такъ стало не въ мочь жарко. Глядя на карту Вы легко отгадаете направленіе моего пути: съ одной стороны дороги на право верхи Богемскаго лѣса, съ другой плодоносныя удолья Волтавы и Молдавы. Дорога вьется около горъ то вправо, то влѣво, между полей, покрытыхъ хлѣбомъ, изъ деревеньки въ деревеньку, то подъ лѣсомъ, то надъ лѣсомъ,—и дорога прекрасная. Жаль, что жарко и что я одинъ, что не съ Вами. Я бы пересказывалъ Вамъ преданія о развалинахъ и озерахъ, которыя выслушиваю отъ кучера,—и любовались бы вмѣстѣ. Глядя же на лица поселянокъ, вы бы не отгадали, что они—не Русскія: одежды тоже напоминаютъ нашихъ Коломенокъ, Бѣлгородокъ и пр. Милыя, добродушныя физіономіи, и такъ привѣтливы; не мало и хорошенькихъ. Нарядите маленькую, полненькую фигурку съ карими глазами и бѣленькую въ сарафанъ безъ пуговиць спереди, синій или розовый, въ бѣлую сорочку съ коротенькими рукавчиками, въ платокъ малиново-пунцоваго цвѣта на головѣ, повязанный такъ, чтобы солнце не чернило лица и шею сзади, въ другой бѣленькій платочекъ на шеѣ,—и вотъ вамъ здѣшняя дѣвушка и бабочка. Разность отъ нашей только въ томъ, что сзади у каждой кошикъ (= корзинка) такой формы отчего каждая идетъ согнувшись. Въ краѣ Пѣльзенскомъ одежда вовсе не такая, и особенно замѣчательна 15 сукнями (юбками), и очень короткими, такъ что красныя пунчохи (чулки) видны чуть не до

колена.—Общество наше безпрестанно мѣняется: то сядетъ мужикъ, то мѣщанка, то жидъ, то служанка. Одинъ кучеръ неизмѣненъ. Онъ кормитъ лошадей, а я пишу,—и вечеромъ буду въ Будейвицахъ на югѣ Чешской земли. Отсюда... но зачѣмъ говорить напередъ? Я и самъ порядочно не знаю.—

Будейвици (Будвейсь).

Навонецъ я и тутъ: доползли въ 8 часовъ вечера. Это одинъ изъ самыхъ большихъ городовъ въ Чехіи послѣ Праги, и лучший изъ провинціальныхъ городовъ. И въ самомъ дѣлѣ прелестный городокъ. Площадь, на которую смотрять окна моей комнаты (въ гостинницѣ Zum Sonne) прелестна, обставлена красивыми домами, изъ коихъ половина въ Итальян. вкусъ; между ними въ одномъ углу колокольня, въ другомъ Ратгаузъ съ 3 куполами. Улицы ровны и не слишкомъ узки. Почти всюду галлерей, какъ подъ домомъ Мотузка или Безхадарнаго ¹⁾. Все по Нѣмцамъ.—

Прощайте, Маменька. И. Срез.

XXX:

№ 18.

Пароходъ Софія. 1840 Іюня 17.

Въ Линцѣ не могъ написать ни строчки. Теперь ѣду по Дунаю въ Вѣну,—и видите—рука трясется, потому что трясется весь пароходъ. Приѣду въ Вѣну—въ 4 часа и опишу хоть въ нѣсколькихъ словахъ путешествіе изъ Будвейса до Линца по желѣзной дорогѣ и отъ Линца до Вѣны по Дунаю. Теперь—наслаждаюсь. Виды за видами; а корабль быстро летитъ. До Вѣны.—

Вѣна. Іюня 18.

И въ самомъ дѣлѣ въ 4 часа или еще ранѣе я приѣхалъ въ Вѣну; но опять до сихъ поръ не имѣлъ минуты свободной. Теперь, улучивъ ее, перескажу Вамъ, милая Маменька, какъ прошли два послѣдніе дня.

Изъ Будвейса въ Линцъ я выѣхалъ третьяго дни въ 5 часовъ утра. По желѣзной дорогѣ, проведенной между этими городами, везутъ товары и пассажировъ не парами, а лошадьми; впрочемъ довольно скоро, немного медленнѣе нашихъ почтовыхъ, и дешево, потому что за мѣсто въ первой каретѣ, прекрасно устроенной, платится за 25 миль только 3 гульд. сереб., т. е. 7 руб. ас. Для надзора надъ дорогою находится на ней 52 сторожа.—Въ первой каретѣ насъ сидѣло четверо вмѣсто 9; я, Адвокатъ изъ Иглау и купецъ изъ Линца съ женою. Купецъ заговорилъ съ женою по Чешски, я

¹⁾ Мотузко и Безхадарный—Харьковскіе домовладѣльцы.

присталъ къ нимъ, Адвокатъ, хотъ и Нѣмецъ, также понатужился по Чешски, и только въ такихъ случаяхъ говорилъ по Нѣмецки, когда не былъ въ состояніи объясниться на Чешскомъ. Мы ѣхали очень весело: Чехъ былъ добрый старикъ, Чешка—миленькая, молоденькая простушка, Нѣмецъ—очень любезный хвастунъ; а виды на окрестныя горы безпрестанно мѣнялись и заставляли насъ выглядывать попеременно то въ то, то въ другое окно кареты. Въ 11 часовъ, послѣ 6 часовъ ѣзды, мы простились съ Богеміей, и еще прежде съ Чехами, потому что со всѣхъ сторонъ по границамъ Богеміи живутъ Нѣмцы или совершенно онѣмчившіеся Чехи. Въ началѣ 2-го мы обѣдали. Въ концѣ 3-го наше каретное положеніе измѣнилось. Во 2-й каретѣ замѣтили, что переднія колеса идутъ переваливаясь. Остановились, сняли карету съ осей, и увидѣли, что передняя ось, какъ ни толста, погнулась. Переднюю ось поставили назадъ, заднюю подъ передъ; но дамы, бывшія въ этой второй каретѣ, боялись ѣхать и просили насъ дать мѣсто. Разумѣется безъ отказа мы дали имъ мѣста и ознакомились. Эти дамы были—Чешка съ малюткой сыномъ и дѣвушкой дочерью и старуха Вѣнка, вѣроятно богатая ихъ родственница, которая тоже понимала нѣсколько по Чешски. Тѣмъ легче было намъ ознакомиться, что Вѣнка могла назваться идеаломъ Вѣнской веселости, болтуны, выдумщица, хохотунья. Я не позволилъ себѣ отстать отъ Вѣнки, и цѣлая карета была полна безумолчнаго хохоту. На слѣдующей станціи при перемѣнѣ лошадей мы ѣли землянику, и Чешка съ дочерью заѣдали ея страхъ, который навелъ на нихъ предыдущій переѣздъ. Между тѣмъ бояться было вовсе нечего: я увѣренъ, что ни..., ни... не сказали бы ни одного «ай»: это правда, что дорога нѣсколько разъ пролегала въ полуаршинѣ отъ обрыва сажень въ 20; но карету отъ обрыва отдѣляла плотная каменная завраина, а видъ съ горы на долину, скалы и рисующіяся вдаль Штирійскія альпы былъ такъ очарователенъ, что не долженъ бы былъ позволить бояться. Прелесть видовъ занимала насъ до самаго Линца. Между тѣмъ собравшіяся надъ головой нашей облака доставили намъ новую потѣху. Вѣнка, не боясь обрывовъ, боялась грозы, а я пугалъ ее и утѣшалъ попеременно. Когда облака набѣжали не въ шутку и сдѣлались лимоннаго цвѣту, тогда для утѣшенія Вѣнки моей встрѣтился новый случай для смѣху. Я сорвалъ для Чешенка вѣтку бузины, которая вздумала на дорогѣ заглянуть въ карету. Вѣнка вспомнила, что изъ нея можно приготовить прекрасный напитокъ, и стала было рассказывать объ этомъ по Нѣмецки. Я упроеилъ ее продолжать по Чешски. Она хохотала, и употребляла всѣ усилія, и чѣмъ менѣе могла объясняться, тѣмъ болѣе хохотала, а мы за нею. Я притворялся непонимающимъ, она еще болѣе усиливалась, —и хохотъ заставлялъ сосѣдовъ толкаться лбами и носами другъ въ друга. А между тѣмъ буря прошла мимо.

Чтожь до напитка, то онъ въ самомъ дѣлѣ долженъ быть хорошъ: на вѣтку бузины по стакану молока или сливокъ, потомъ процѣдить, подсластить сахаромъ и пить. Передъ Линцомъ намъ открылся Дунай, широкій, величественный, и Линць у его береговъ равложился картиночкой. Жаль, что шель дождь и не позволялъ хорошо разсматривать. Карета остановилась въ предмѣстїи, откуда пѣшкомъ мы должны были идти въ городъ за Дунай. За мостомъ полиція осмотрѣла наши вещи, отобрала паспорта, и потомъ уже позволила намъ отправиться въ гостинницу. Мы ваяли съ Адвокатомъ одну комнату въ Золотомъ Орлѣ, именно № 5, окномъ на Дунай, и пошли гулять по городу. Прекрасный, богатый городъ, въ которомъ любитель природы съ удовольствїемъ могъ бы провести нѣсколько дней. Утромъ на другой день въ 6 часовъ я намѣренъ былъ отправиться на пароходъ въ Вѣну, и потому всталъ въ 4. Глядь въ окно — очарованїе. У самага берега въ 30 шагахъ пароходъ «Софія»; за нимъ Дунай, но ни Дуная, ни за Дунаемъ ничего не видно, потому что послѣ вчерашняго дожда всталъ густой туманъ. Озаренный солнцемъ онъ былъ розоваго цвѣта; надъ нимъ голубое небо, а между нимъ и небомъ, посреди тверди—храмъ съ двумя башнями рисовался издали какъ какое-то дивное видѣнїе. (Этотъ храмъ стоитъ на высочайшей изъ окрестныхъ горъ, которой за туманомъ вовсе не было видно). Этотъ видъ былъ въ самомъ дѣлѣ очарователенъ.

Въ пять часовъ я имѣлъ уже билетъ на 1-е мѣсто въ пароходъ (10 гул. сѣреб.), въ 5¹/₂ ударила пушка, въ 5³/₄ я былъ уже на пароходѣ; ровно въ 6 ударила опять пушка, и мы полетѣли. Общество прекрасное, виды очаровательные; а спать между тѣмъ уже очень хочется. И перо очинилъ вновь; но рука не везетъ, глаза слипаются. И потому скажу о переездѣ по Дунаю нѣсколько словъ. Изъ сосѣдей я познакомился съ 2-мя Англичанами, путешествующими по Европѣ, съ одной Француженкой, ѣдущей въ Вѣну къ мужу, съ нѣсколькими Вѣнцами,—и всетаки нашель и своихъ братьевъ Чеховъ, съ которыми говорилъ по Чешски. То съ тѣмъ, то съ другимъ читали мы описанїе мѣстностей, мимо которыхъ мчались, вмѣстѣ бродили по палубѣ, философствовали въ каютѣ, обѣдали. Все это вмѣстѣ было такъ хорошо, что часъ за часомъ летѣли незамѣтно, и въ 1¹/₂ 4-го мы увидѣли колокольню св. Стефана. Больше всего я сблизился съ Чехами и Англичанами, сказавши имъ въ отвѣтъ на ихъ вопросъ, изъ какой я земли, что я изъ земли ихъ антиподовъ. Но право спится.

Вѣна. 19 Іюня. 1840.

Еще хотъ нѣсколько строчекъ о путешествїи по Дунаю. Переездъ изъ Линца въ Вѣну считается самымъ лучшимъ кускомъ путешествїя по Дунаю,

самымъ богатымъ видами.—Особенно очаровательна первая половина его, первые четыре часа ѣзды. Тутъ Дунай то широкъ и покрытъ низменными островами, которые тутъ называются аунами, то сужается между огромными бережными скалами, то голыми, то покрытыми лѣсомъ; деревеньки, городки, замки мелькаютъ передъ глазами: Дунай быстро катитъ свою мутную, ржавую волну; ежеминутно видишь новую картину, и мотаешь головою какъ флюгеромъ, оборачиваясь то въ ту, то въ другую сторону. Въ 10 часу солнце стало порядочно грѣть; тогда надъ нами растянули палатку, и мы ходили по палубѣ какъ по бесѣдкѣ. Общество наше измѣнялось довольно часто, когда убывали старые, и прибавлялись новые пассажиры. Ловля пассажировъ — очень занимательна: по данному съ берега знаку, пароходъ умѣрялъ свой бѣгъ, лодка съ пассажирами перерѣзывала Дунай, какъ могла проворнѣе, съ парохода бросали ей веревку, которою она притягивалась къ пароходу, спускали лапы, для плотнѣйшаго ея удержанія и лестничку для восхода и выхода пассажировъ,—и все это оканчивалось не болѣе какъ въ минуту. Гдѣ ожидали много пассажировъ, тамъ заблаговременно давали знакъ пушкой, а съ берега ружьемъ. Около полудня надобно было проѣзжать подъ мостомъ Кремскимъ: для этого и мачта и труба парохода были опущены. Потомъ обѣдали всѣ за общими столами, table d'hôte. Въ 3-мъ началась переборка багажа: изъ магазина вытаскивали вещи, и каждый искалъ своихъ. Въ 4-мъ увидѣли пристань,—и стали. Вещи надобно было подвергать осмотру. Мой рейзезакъ, незаключавшій въ себѣ ничего кромѣ бѣлья и тому подоб., по странному обстоятельству не былъ подвергнутъ осмотру. Съ 2-мя Чехами наняли мы фіакра и поѣхали въ Вѣну искать комнаты въ гостинницѣ. Здѣсь случилось обстоятельство вовсе не ожидаемое: мы объѣздили весь городъ и предметія, ѣздили два часа, и ни въ одной гостинницѣ не нашли ни одной комнаты: все было всюду полно. Къ счастью у одного изъ Чеховъ былъ знакомый, мы заѣхали къ нему. Оставивши тамъ свои вещи, я отправился къ своимъ старымъ знакомымъ Малейнымъ ¹⁾, искалъ съ ними пристанища для себя, и наконецъ кое-какъ нашелъ въ гостинницѣ у Золотой утки пристанище,—ночлегъ въ комнатѣ хозяина съ тѣмъ, что утромъ будетъ и комната особенная.

Въ тотъ же вечеръ я успѣлъ слышать Страуса. Онъ, Ланнеръ, Морелли и десятки другихъ ежедневно играютъ съ своими оркестрами въ гостинницахъ, то въ томъ, то въ другомъ предметіи. За входъ 32 коп.—и потомъ спрашивай чего хочешь пить, ѣсть, прохладиться. Страусъ съ своимъ оркестромъ игралъ разныя разности и между прочимъ свой послѣдній вальсъ. Публика была очень велика, кушала прилежно, пила прилежно, не забывая и хлопать

¹⁾ См. письмо изъ Берлина.

и кричать браво и фора. Страусъ еще довольно молодой человекъ съ блестящими глазами, искусно управляетъ оркестромъ, умѣетъ забавлять публику фарсами, и любимъ, обожаемъ. Я воротился домой въ половинѣ одиннадцатаго.

Вчера былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ праздниковъ католическихъ и Вѣнскихъ, праздникъ Божьяго тѣла. Я видѣлъ великолѣпную процессію, дѣлающую этотъ праздникъ столь знаменитымъ. Школы, монахи, попы, профессора, придворные, войска, министры, императоръ, императрица, вся ихъ фамилія, гофдамы, фрейлины и т. д. все это участвовало въ процессіи—въ богатѣйшихъ одеждахъ, со знаменами, съ музыкою. Мѣсто случилось хорошее,—и я видѣлъ всѣхъ и каждого очень хорошо. Можно было все рассмотретьъ, потому что процессія двигалась очень медленно. Особенно заняла меня гусарская гвардія: молодцы, въ золотѣ, барсахъ, на чудныхъ коняхъ, было чѣмъ любоваться. Императрица очень недурна собою. Императоръ—низенькій человекъ, безпрестанно улыбающійся.

Послѣ обѣда мы ѣдили съ Маленькими слушать Ланнера. Ланнеръ человекъ въ лѣтахъ, очень незавидной фигуры, но когда управляетъ оркестромъ одушевляется, одушевляетъ, уноситъ въ другой міръ. Жаль, что обстоятельства сдѣлали его только сочинителемъ вальсовъ. Я слышалъ и его послѣдній вальсъ «Лучъ надежды»: удивительное созданіе. Я простоялъ все это время у самаго оркестра, не спуская глазъ съ Ланнера... И кому же этотъ человекъ долженъ играть, и за какія деньги: пріѣзжай онъ въ Петербургъ, въ Москву, его бы носили на рукахъ, его бы осыпали деньгами; а тутъ все шутятъ, ѣсть, пить и только что хлопаютъ, слушая его: я не знаю, какъ можетъ идти въ горло какой-нибудь кусокъ гуся или глотокъ пива, когда дивные звуки летаютъ вокругъ и не могутъ не проникать въ самую черствую душу!—

Іюня 21.

Вотъ уже два дни сряду какъ я наслаждаюсь Итальянской оперой: 19-го давали *Il Giuramento* «Клятву» Меркаданте; вчера Паризину Доницетти. «Клятва» какъ опера не богата красотою: хоры и аріи довольно обыкновенны; речитативы скучны и невыразительны. За то можно было познакомиться со всѣми лучшими актерами: басъ Ронкони, удивительный, теноръ Моріани, альтистъ г-жа Брамбилла и сопрано—г-жа Унгеръ. Меня особенно восхитилъ Моріани: голосъ, полный силы и нѣжности, искусства и чувства, вкусъ и одушевленность игры, наконецъ красота тѣлесная заставляютъ мужчинъ восхищаться, а женщинъ влюбляться въ Моріани. Ронкони умѣетъ владѣть голосомъ, но самый голосъ его болѣе рѣзокъ, нежели силенъ: Ронкони не могъ

меня переувѣрить въ томъ, что лучшихъ басистовъ надобно искать у насъ, въ Россіи. Брамбилла играетъ какъ итальянка въ полномъ смыслѣ: полная огня; жаль, что спала съ голоса. Унгаръ также спала съ голоса, по крайней мѣрѣ ея высокія ноты отзываются скрипкой, струною; впрочемъ объ этомъ забываешь, когда вникаешь въ смыслъ того, что она поетъ: она не рабски повторяетъ диктовку суфлера, она чувствуетъ, что поетъ, безъ усилія, будто инстинктуально выпѣваетъ чувства, рветъ слезы изъ глазъ. Еще болѣе увѣрился я въ этомъ вчера на Паризинѣ. Унгаръ играла Паризину. Я не могъ не заплакать, когда она говорила речитативомъ—«*e in me natura il pianto*—я рождена грустить», и потомъ запѣла пѣсню «*Forte un destin*». Когда же она запѣла «*Non pentirti*»—я уже плавать былъ не въ состояніи. Это пунктъ тяжести всей оперы. Паризина жена Аццо и любитъ съ дѣтства Уго; Уго пріѣзжаетъ, ихъ взаимная любовь возрождается, и Паризина во снѣ повторяетъ имя Уго, не думая, что ихъ можетъ подслушать Аццо. Аццо подслушиваетъ, пылаетъ гнѣвомъ. Паризина просыпается, увѣряетъ его въ своей невинности, напрасно,—и вотъ она поетъ эту дивную пѣсню. Вся эта сцена выше похвалъ—и въ созданіи, и въ исполненіи. Аццо игралъ Ронкони, Уго—Моріани. Что-же касается до вѣнской публики, я никакъ не могу считать ее знающею музыку: она хлопаетъ тогда, когда актеръ слишкомъ горячится, не заботясь кстати или не кстати, и не обращаетъ вниманія, какъ понимаетъ актеръ свою роль, свою партитуру. Когда искусство торжествуетъ—она кушаетъ мороженное.

Іюня 21. Воскресенье. 1840.

Цѣлый день прошлялся. Утромъ ходилъ въ разныя церкви. Былъ въ двухъ Греческихъ, гдѣ все напоминаетъ наше родное богослуженіе, въ Уніатской, гдѣ даже самый языкъ богослуженія нашъ, въ Университетской, Петровской, Доминиканской, два раза въ соборѣ св. Стефана, одномъ изъ великолѣпнѣйшихъ созданій готической архитектуры, огромномъ, мрачномъ—и еще повторю—огромномъ. Послѣ обѣда вмѣстѣ съ Маленными отправился въ Шёнбруннъ. Это увеселительный Императорскій дворецъ съ садами, звѣринцемъ и пр. въ $\frac{3}{4}$ часа отъ центра Вѣны, т. е. отъ Стефанов. площади. Мѣсто въ дилжансѣ—12 кр. сер. или 50 коп. Мы исходили ботаническій садъ, обративши вниманіе на оранжерею паразитныхъ растѣній, гдѣ тепло чуть не такъ какъ въ банѣ, ряды высаженныхъ на свѣжій воздухъ Новоголландскихъ растѣній; потомъ пошли въ главный садъ, и прежде всего къ звѣринцу. Всреднѣ площади павильонъ съ попугаями, вкругомъ вокругъ него дворы для раз. животныхъ и птицъ, особенный для слона, особенный для страусовъ, нѣсколько для разныхъ козлиныхъ и бараньихъ породъ, въ другихъ обширныя

кѣтки для медвѣдей, льва, тагровъ, орловъ и т. д. Многое есть, нѣтъ однако ни ослонъ, ни обезьянъ. По близости дворець, гдѣ живетъ теперь Императоръ съ фамиліей. Передъ дворцомъ превосходная площадь съ дорожками и цвѣтами, окруженная стѣнами подрѣзанныхъ деревьевъ, въ нишахъ между которыми разставлены статуи. Она оканчивается прудомъ съ двумя большими фонтанами. За ними гора; на ней глорьетта ¹⁾, съ которой поразительный видъ на Вѣну во всей ея огромности и на окрестности. На право отсюда другая половина сада, гдѣ искусств. развалины, обелискъ, много фонтановъ и самый источникъ Шёнбруннъ съ нимфой Эгеріей. Аллеи липовыя и каштановыя тѣнисты, широки, длинны. И всюду народъ. Жизнь, разнообразіе, пестрота. Прекрасно. Исходивши садъ, мы пошли въ деревню Гицингъ, гдѣ Страусъ собралъ вокругъ себя обширную публику, піющую и кушающую направо. И мы присоединились къ числу ихъ, выпили по чашкѣ шоколаду и съѣли по порціи мороженнаго. Страуса не слушали: я, по крайней мѣрѣ, не могу его слушать, слышавши Ланнера: что дѣлать съ предубѣжденіемъ! И притомъ Паризина еще не забыта, Унгаръ и Моріани въ ушахъ. Садокъ, гдѣ игралъ Страусъ, битвомъ набить. Крикъ, шумъ, ѣда, питье, табакъ, бѣготня, хлопотня. Съѣли въ дилижансѣ, поѣхали. По дорогѣ до Бургъ-тора или Замковыхъ воротъ мы видѣли по крайней мѣрѣ 30 кофейныхъ и пивныхъ домовъ, передъ которыми сидятъ сотни, между тѣмъ какъ тысячи проходятъ и проѣзжаютъ мимо. Количество народу поразительно. И все дамы да кавалеры, разражены, раздушены на послѣд. потовыя деньги. «Веселись, народъ, о будущемъ не заботься, пройдетъ какъ и настоящее!» — «Слушаю-съ!» и веселится, ни о чемъ не думая. Вѣна—это Сибарисъ.

24 Іюня.

Вчера цѣлый день я былъ за городомъ и воротился только сегодня утромъ. Вчера въ 7 часовъ утра поѣхалъ въ Баденъ, миля за три отъ Вѣны, въ Баденъ, куда на лѣто съѣзжается много народу на воды. Мѣстоположеніе недурно; но съѣздъ еще малъ. Выкупался, побродилъ, пообѣдалъ—и вонъ—въ Лаксенбургъ. Прелестное мѣсто! Два дворца Императорскихъ и за ними огромный садъ, такой огромный, что обойти его можно не менѣе какъ въ 10 часовъ. Я посѣтилъ только лучшіе мѣста. Садъ неправильный, но прелестный. Въ серединѣ длинный прудъ. У пруда рыцарскій замокъ, построенный недавно, но совершенно въ духѣ старины. Я обошелъ всѣ комнаты,

¹⁾ Площадка съ колонной.

корридоры и пр. Небольшой, но прелестный замокъ. На его башнѣ я встрѣтился и познакомился съ Брамбиллой и Ронкони. До 10 часовъ бродилъ я по саду—и ночевалъ въ гостинницѣ у Золотой Звѣзды. Сегодня цѣлый день дождь. Утромъ нигдѣ. Послѣ обѣда тоже. Вечеромъ въ театрѣ. Давали Лукрецію Борджію. Пѣли Ронкони, Брамбилла, Моріани, Унгарь—чудесно, особенно Унгарь.

Остается немного, что хотѣлъ бы видѣть въ Вѣнѣ лѣтомъ. Зимой вөрочусь и займусь.—Прощайте, милая Маменька.—Откуда напишу слѣдующее письмо не знаю; но уже опять изъ Славящины.

XXXI.

№ 19. Вѣна. 26 ¹⁾ Іюня 1840 г.

Только что отправилъ письмо къ Вамъ, милая Маменька, и опять начинаю писать. И прежде всего нѣсколько словъ о Вѣнѣ. — На мелкохолмистой равнинѣ разлегается эта громада, почти со всѣхъ сторонъ окруженная горами. Въ центрѣ ея башня Стефанская. Вокругъ башни городъ собственный, съ кривыми, узкими улицами и улочками, съ огромными въ 5, 6, 7 этажей домами, такъ что на нѣкоторыхъ мѣстахъ лучъ солнца никогда не освѣщаетъ мостовой. Вокругъ этого города бастионы; подъ ними 13 воротъ ведущихъ въ городъ. За ними гласисъ, какъ садъ украшенъ каштановыми, тополевыми, липовыми дорожками и дорогами. За гласисомъ 34 предмѣстья, къ которымъ примыкаютъ села, деревни, деревеньки и всюду зелень, цвѣты, деревья, аллеи, бесѣдки, скамейки, кофейни, гостинницы, кондитерскія и т. д. и т. д. Тутъ въ этой Вѣнѣ, въ слишкомъ 8,200 домахъ помѣщается 350,000 жителей (исключая множество иностранцевъ) народа веселаго, беззаботнаго, умѣющаго пить, ѣсть, веселиться, вынимающаго послѣдній цванцигеръ (двугривенный) на мороженное и забывающаго за нимъ подъ звуки если не Ланнера или Моріани, такъ по крайней мѣрѣ площаднаго музыканта-попрошайки, всякое воспоминаніе о прежнемъ безденежь, всякую думу о завтрашнемъ днѣ. Третъ народонаселенія—Славяне, половина Нѣмцевъ, не мало и Венгровъ, Армянъ, Итальянцевъ и т. д.; но разнообразіе народности исчезаетъ; пожившій въ Вѣнѣ дѣлается очень удобно просто Вѣнцемъ, беззаботнымъ и игривымъ какъ перышко въ вихрѣ. Берлинъ и Вѣна—несравнимыя крайности:

¹⁾ Трудно разобрать: 26 или 27.

въ Берлинѣ каждый кажется статскимъ совѣтникомъ, въ Вѣнѣ нѣтъ ни одного я титулярнаго; въ Берлинѣ каждый смотритъ политикомъ и чуть не шпиономъ, въ Вѣнѣ и самъ шпионъ не узнаетъ своего брата; въ Берлинѣ гулянье между дѣломъ, въ Вѣнѣ дѣло между гуляньемъ. Честность—у Вѣнца, она также легка, какъ и самъ онъ. Любовь къ деньгамъ... какъ не любить ихъ, когда безъ нихъ гулять нельзя! И ихъ такъ любятъ здѣсь, что напримѣръ слуга или служанка въ гостинницѣ не получаетъ ни гроша жалованья, а живы, здоровы, въ шелку, кушаютъ и лакомятся направо за одни подарки посѣщающихъ... Да впрочемъ обо всемъ этомъ не писать, а рассказывать надобно.

Третьяго дня я былъ во Дворцѣ и натуральномъ кабинетѣ; вчера въ Пратерѣ и въ Итальянской оперѣ; сегодня опять въ Итальянскую оперу,—и завтра ѣду изъ Вѣны. Полторы недѣли гулялъ: баста, пора заниматься. Ёду въ Моравію, а по Моравіи пѣшкомъ. Прощайте до Брюнна.

29 Іюня. Брно (= Брюннъ).

Вчера меня разбудили въ 5 часовъ; въ концѣ 6-го я былъ съ своимъ чемоданомъ на Стефановской площади, а въ 6 сидѣлъ въ штельвагенѣ, везущемъ пассажировъ изъ города къ мѣсту, откуда отправляются паровозы, заплативши за себя и багажъ 12 сер. крейцеровъ, т. е. менѣе 50 коп. За мѣсто до Брна (за 21 милю) я заплатилъ 4 гульдена сереб. можно бы заплатить и шесть, но тогда сидишь въ совершенно закрытой каретѣ, и не куришь; можно и 3, но тогда сидишь между всячиною. Малейшъ старшій пришелъ со мною проститься и проводилъ до кареты; спасибо ему; хоть и пора было-бы привыкнуть, но терпѣть не могу—уѣзжать изъ какого-нибудь мѣста—въ одиночку. Въ 12 я былъ уже въ Бриѣ: около 150 верстъ въ 5 часовъ съ небольшимъ,—утѣшительно, когда не къ чему присматриваться. Дорога бѣжать по равнинѣ. Слишкомъ замѣчательнаго нѣтъ на ней почти ничего, кромѣ Ваграмскаго поля: политое кровью, оно теперь можетъ назваться житницею Вѣны. Въ Бриѣ также было трудно сыскать квартиру, какъ въ Вѣнѣ, потому что ярмарка. Хоть не у Чернаго Орла, съ содержателемъ котораго, Захомъ, я познакомился еще въ Прагѣ, хоть и крошечную комнатку, но досталъ. Обѣдалъ у Заха, съ нимъ послѣ обѣда пошелъ къ Огералю¹⁾, издателю

¹⁾ Огераль (I. Ohéral)—литераторъ, издатель журнала «Vaterland Pilger», редакторъ издававшейся въ Бриѣ газеты «Моравія»; въ свое время Огераль былъ извѣстенъ, какъ превосходный знатокъ Моравіи. Въ Отчетѣ Министру Нар. Пр. (Ж. М. Н. Пр., 1841, № 6) И. И. С.—кій пишетъ: Литераторъ Огераль, писавшій болѣе на Нѣмецкомъ языкѣ, занимается этнографіей Моравіи: я обязанъ ему за доставленіе мною многихъ любопытныхъ свѣдѣній въ этомъ отношеніи.

Моравіи, и съ ними обоими гулять по городу. Потомъ въ театрѣ, гдѣ въ моему счастію играла знаменитѣйшая изъ Германскихъ пѣвицъ, Люцеръ, Чешка родомъ. Давали Элексиръ любви, слышанный мною не разъ въ Прагѣ. Люцеръ поетъ мило; но или сама не имѣетъ громкаго голоса, или театръ Брненскій глухъ, такъ что мнѣ показалось, что она хуже Унгаръ и Фрецолини, даже хуже Подгорской. Хлопали ужасно. Она разыгралась, пѣла вмѣсто повторенія что приходило въ голову, хохотала на сценѣ, и тѣмъ болѣе возбуждала всеобщій восторгъ. Она не стара—и мила—пампушка. Еще до театра мы условились съ Огералемъ ѣхать въ Райградскій монастырь, и сегодня ѣздили по желѣзной дорогѣ,—въ $\frac{3}{4}$ седмаго утромъ выѣхали, въ $\frac{3}{4}$ девятаго вечеромъ воротились. Тамъ я былъ принятъ и пріоромъ и прелатомъ радушно, и пошлъ на праздникъ (Петра и Павла), а потому обѣдалъ въ монастырѣ за общимъ столомъ. Обѣдъ былъ очень богатый. Я не много подпилъ, и такъ разболтался о Россіи, что услышалъ наконецъ вокругъ себя: «должно быть въ Россіи не дурно, когда всякій Руссъ, какого ни видѣли, такой горливый властенецъ!»—Я послѣдній изъ нихъ,—отвѣчалъ я на этотъ комплементъ, и произвелъ этимъ театральнй эффектъ. Самъ не знаю откуда брались у меня слова, хоть и говорилъ по Нѣмецки. Теперь я снова у своего Золотого Оленя, и не мудрено, что хочу спать: третьяго дни спалъ отъ 12 до 5, вчера отъ 11 до 5. Покойную ночь и Вамъ, милая Маменька! Что-то вы дѣлаете теперь? Какъ-бы я желалъ хоть на минуту къ Вамъ! Охъ, еще долго ждать!—

Юля 2. Брно.

Брно—городъ небольшой, и рисуется прекраснымъ видомъ извнѣ, внутри представляетъ мало занимательнаго. За то онъ городъ промышленный, фабричный, торговый. Къ сожалѣнію это сдѣлало его совершенно Нѣмецкимъ. Только простой народъ говоритъ по Моравски. Я нашелъ въ немъ, впрочемъ, нѣсколько замѣчательныхъ властенцевъ: Огерала, Сушила¹⁾, издателя Моравскихъ

¹⁾ Франтишекъ Сушилъ (1804—1868)—извѣстный Славянскій патриотъ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей общества св. Кирилла и Мееодія, этнографъ, богословъ, поэтъ. По служебному положенію—священникъ и впоследствии проф. богословія въ Брнѣ; какъ богословъ онъ извѣстенъ переводомъ на Чешскій языкъ Новаго завѣта, какъ этнографъ собраніемъ Моравскихъ пѣсонь, какъ поэтъ переводами изъ Римскихъ поэтовъ и оригинальными стихотвореніями духовнаго характера.

пѣсень, Клацеля—поэта ¹⁾, Иодля ²⁾, Бочка ³⁾ и т. д. Замѣчательна и молодежь, студенты. Вчера они собрались (около 30 человекъ), пили, пѣли—между прочимъ и за Русскаго гостя. Благодарю ихъ за пріемъ и честь; никогда однако не сойду съ ними въ мнѣніяхъ, и не разъ горячо принимался говорить за нашего Государя.

Іюля 5.

Два дни съ половиной былъ не дома; ѣздилъ въ Лунденбургъ, оттуда во владѣнія Лихтенштейна, Эйгрусъ и Фельдсбергъ, богато украшенные садами и садовыми мелочами, оттуда къ Подлужакамъ. Сегодня воротился—и былъ въ театрѣ Чешскомъ. Публики еще менѣе, нежели въ Прагѣ, но публика чище и живѣе. Играли порядочно. Собираюсь опять въ дорогу.

Перо прегадное, бумага тоже, чернило не лучше. Совѣстно писать. Да впрочемъ и нечего. Описывать Эйгрусъ и Подлужаковъ долго. Когда-нибудь прочту изъ дневника моего.

Что будетъ не знаю, а хочется походить пѣшкомъ по Моравіи. Народъ здѣсь сохранилъ болѣе Славянскаго, нежели въ Чехахъ ⁴⁾.

¹⁾ Франтишекъ Клацель (род. 1808 г.)—Чешскій писатель, монахъ Августинскаго мов. въ старомъ Брнѣ—библіотекаръ монастырской библіотеки; съ 1835 г. проф. философіи въ Брнѣ. Въ путевыхъ замѣткахъ о посѣщеніи Августинскаго мон. И. И. С.—кій пишетъ про Клацеля: «Между монахами проф. Клацель, издавшій два томикъ стихотвореній и занимающій одно изъ первыхъ мѣстъ между профессорами философіи въ Австрійской имперіи. Онъ читалъ мнѣ отрывокъ изъ своего перевода (?) старой Нѣмецкой сказки Reineke Fuchs, изв. по разсказу Гёте съ даннымъ ему названіемъ Kulišek. Разсказъ живъ, стихъ легкій, жизнь и поэзія въ цѣломъ. Цензура отиѣтила множество мѣстъ противъ духовенства и церкви и не позволила печатать. Клацель милый человекъ, Славянинъ въ душѣ, ученъ. Съ нимъ мы разсматривали библіотеку монастырскую. Онъ приводитъ ее въ порядокъ. Много никунабуль. Отыскалъ древности Чешскія: жизнь Елисаветы XIV столѣтія, отрывокъ изъ Псалтыря XIII столѣт., еще отрывокъ XIV стол.»—Впослѣдствіи навлекшій неудовольствіе за свой панславизмъ со стороны Австрійскаго правительства, Клацель былъ лишонъ каеэдры, и жилъ на покоѣ въ замкѣ одного Чешскаго патріота Фейта.

²⁾ Ант. Бочекъ (1802—1847)—извѣстный историкъ Моравіи, профессоръ Чешскаго языка въ Оломуцѣ, въ Брнѣ.

³⁾ Иодль Вольный извѣстенъ своими работами по топографіи Моравіи. (Письмо И. И. С.—скаго Краевскому—Отеч. Зап. 1841. 12).

(Слѣдующее за симъ письмо, вѣроятно, отправленное изъ Оломуца (Olmütz) къ сожалѣнію не сохранилось. Чтобы восполнить нѣсколько этотъ пробѣлъ въ разсказѣ о странствованіяхъ по Моравскимъ землямъ, позволимъ себѣ сдѣлать выписку изъ Донесенія П. И. С.—го Министру Народнаго Просв. (Журналъ Мин. Народн. Просвѣщ. 1841, № 8): «Занившись Мораво-Словацкимъ нарѣчіемъ въ Брнѣ и сдѣлавъ небольшое путешествіе пѣшкомъ на Западъ Моравіи, для ознакомленія себя съ чисто-Моравскимъ нарѣчіемъ, я поѣхалъ въ Оломуцъ (Olmütz). Всего пріятнѣе было для меня тамъ знакомство съ профессоромъ Чешской литературы Шемберою. Еще молодой человекъ, онъ отлично дѣлательнъ и даетъ прекрасное направленіе своей дѣятельности: какъ профессоръ, онъ имѣетъ сильное вліяніе на своихъ слушателей, возбуждая ихъ основательно изучать Чеш-

XXXII.

№ 21. Вратиславъ (Бреслау) 1840. Юля 25.

Видите, милая Маменька, гдѣ уже я. Не правда-ли, что вашъ сынокъ хоть-куда молодецъ? шляется, да и только. Одно худо: налѣнился писать къ Маменькѣ, забылъ свою акуратность, которою еще такъ недавно гордился. Впрочемъ, право, я достоинъ прощенья: въ дорогѣ, когда имѣешь при себѣ только бумажникъ съ карандашемъ, да нѣсколько клочковъ бумаги, писать и нѣчемъ и нѣ на чемъ; а воротился къ портфелю и чернилу, такъ спѣшишь записать въ дневникъ, что замѣтилъ на пути. Время же между тѣмъ летить, летить. Забыть, что у меня въ Харьковѣ есть Маменька я не забуду, потерять желаніе писать къ ней я не потеряю,—и только обстоятельства дѣлаютъ меня такимъ, что стоитъ подрать за уши.

И такъ я—во Вратислави, въ Пруссіи, чуть чуть не на границахъ Польши, по крайней мѣрѣ въ землѣ Поляковъ. Какъ мнѣ тутъ живется напишу тотчасъ; но прежде нѣсколько словъ о переѣздѣ сюда изъ незабвеннаго Оломоуца. Простившись въ Оломоуцѣ съ Мораванами (17 Юля), я направилъ свой путь на сѣверъ въ Австрійскую Силезію, къ Опавѣ (Троппау). По дорогѣ изъ Оломоуца до Опавы живутъ большею частію Нѣмцы,—и поэтому я могъ спать очень покойно. Богъ съ ними, съ этими Нѣмцами! Не хотѣлъ бы ихъ ни ненавидѣть, ни презирать; но какъ вспомню о Славянахъ, о ихъ отношеніяхъ къ Нѣмцамъ, сердце надрывается невольно. Сонъ въ этомъ случаѣ лучшее лекарство. За то въ Опавѣ я совершенно проснулся. Распросивши въ господѣ объ окрестностяхъ города, я выбѣжалъ изъ него, и давай шляться, останавливая каждого нищаго, каждого пастуха, каждую дѣвку и дѣвочку, каждого мужика и распрашивая ихъ о чемъ попало, а при случаѣ записывая пословицы и пѣсни, я шелъ до Големовицъ, деревни отстоящей отъ Опавы не болѣе какъ въ 3 верстахъ, болѣе 3 часовъ; часа три пробылъ тамъ, на возвратномъ пути повернулъ въ другую тропинку, попалъ цѣлое стадо пастуховъ, пѣвшихъ пѣсню, предложилъ имъ за каждую пѣсню по крэйцеру,

скій языкъ, и самъ обращаетъ неуслынное вниманіе на изученіе Моравскихъ народностей. Съ нимъ вмѣстѣ мы обошли Гану, благословенную родину оригинальныхъ Ганавъ, «Моравскую Палестину», какъ они называютъ ее, выкапывали въ ихъ нарѣчіе, собирали пѣсни, пословицы и преданія, и доходили до мѣстъ, гдѣ живутъ не менѣе оригинальные Валахи. Далѣе я поѣхалъ въ Опаву (Торрау); впрочемъ въ самомъ городѣ я не нашелъ для себя ничего особеннаго важнаго. Директоръ Музеума Энсъ написалъ нѣсколько любопытныхъ сочиненій объ Австрійской Силезіи; но ни Чешскаго языка, ни о Славянахъ Силезскихъ не знаетъ. Изъ Опавы я сдѣлалъ нѣсколько прогулокъ по Австрійской Силезіи, гдѣ живутъ Славяне, для ознакомленія себя съ ихъ нарѣчіемъ». См. въ Приложеніяхъ къ письмамъ отрывки изъ Путевыхъ Записокъ.

и солнце еще не зашло, а у меня весь запасъ бумаги былъ истощенъ. На другой день (а это было воскресенье) я поднялся рано и вышелъ изъ города въ другую сторону съ намѣреніемъ цѣлый день бродить. Гдѣ я былъ, право не знаю, знаю, что недалеко отъ Прусскихъ границъ, и видѣлъ съ одной горы Опаву такъ, какъ видѣтъ Харьковъ съ Хорошевой горы. Мѣста прекрасныя, народъ какъ народъ, небогатый, но веселый и радушный, въ господахъ хорошее пиво и ни полу-слова Нѣмецкаго. Въ этотъ день я издержалъ болѣе 4 рублей, но за то знаю Слезаконъ довольно порядочно, и пѣсенъ, какъ обрашковъ ихъ нарѣчія, имѣю, кажется, не менѣе 50. О Русскихъ тутъ имѣютъ понятіе, какъ о какихъ-нибудь великанахъ и о богатствѣ ихъ рассказываютъ чудеса. На третій день утромъ я осматривалъ музей, а послѣ обѣда поѣхалъ далѣе. Вечеромъ былъ уже въ Пруссіи, въ Нейштадтѣ, а на другой день въ 5 часовъ послѣ обѣда во Вратислави. Отъ Опавы до Нейштадта 7¹/₂ миль, отъ Нейштадта до Вратислави 14³/₄, и того 22¹/₄. До Нейштадта ѣдешь между горами, и еще болѣе видишь ихъ на лѣво къ западу; отъ Нейштадта равнина безконечно ровная и безконечно однообразная, и по обѣимъ сторонамъ дороги фруктовыя деревья, обыкновенно отдаваемые казною въ аренду.

Пріѣзжаю во Вратиславъ, занимаю № 15 въ «Силезіи», развертываю записную книгу, гдѣ каждый пріѣзжій долженъ записать свое имя и прочее, заглядываю въ предъидущую строку.—«Свиридовъ».—Онъ здѣсь? Въ какомъ номерѣ?—«№ 19».—Дома-ли?—«Кажется, дома. Позвольте я узнаю... дома».—Я къ нему и какъ старые знакомцы поцѣловались, засѣли, заболтались¹⁾. У каждого было о чемъ говорить: скоро полгода какъ мы простились другъ съ другомъ въ Берлинѣ. Теперь уже ворочается онъ въ Россію и къ половинѣ Августа надѣется быть въ Харьковѣ. Счастливецъ! Съ нимъ ходили мы купаться, съ нимъ въ Вейсгартенъ ужинать.

На другое утро я пошелъ къ профессору Шуркинѣ²⁾, къ которому былъ рекомендованъ Шафарикомъ и Ганкою. Онъ Чехъ и, какъ Чехъ, одинокъ, да и какъ Славянинъ не много имѣетъ знакомыхъ, потому что и Поляки тутъ все болѣе и болѣе нѣмечатся. Лишь только услышалъ отъ меня нѣсколько словъ по Чешски, какъ обнялъ меня по-отцовски... «Ну, вотъ такой гость, какъ ты—дорогой гость. Вонъ, вонъ изъ твоей Силезіи,—и ко мнѣ. Видишь

¹⁾ Ив. Алекс. Свиридовъ, впоследствии проф. Харьковскаго университета по кафедрѣ судебной медицины и медицинской полиціи. См. о немъ въ письмѣ XIV.

²⁾ Rurkuné, Jan (1867—1869 г.)—докторъ медицины, проф. физиологій сначала въ Бреславльскомъ, потомъ въ Пражскомъ университетѣ (съ 1849 г.). Кроме сочиненій по своей спеціальности извѣстенъ произведеніями литературными, именно переводами изъ Шиллера и Тасса.

(онъ повелъ меня по комнатамъ и привелъ въ уютную отдѣльную комнату)! Если только нравится, такъ вещи твои немедленно сюда. А будетъ, право, хорошо и покойно. Мацѣвскій, когда былъ во Вратислави, былъ тутъ-же: ему было не дурно. Тебѣ тоже не будетъ. Я—тихой старикъ. Дѣти мои (два маленькихъ мальчика) послушны. Будемъ себѣ жить хорошо». И старикъ (ему 54 года) опять обнялъ меня. Отказываться было бы тоже что обидѣть.— Пришелъ Свиридовъ. Послѣ обѣда мы пошли въ «Силезію», гдѣ я расплатился, отправивши вещи домой, оттуда въ театръ, а изъ театра и самъ пошелъ домой.—Вчера цѣлый день не выходилъ изъ дому: было о чемъ и говорить, что и читать. Свиридовъ опять обѣдалъ вмѣстѣ съ нами, а вечеромъ пилъ чай. Сегодня въ 6 часовъ утра онъ долженъ былъ уѣхать изъ Вратиславы въ Варшаву и Петербургъ. Я остаюсь—и самъ не знаю какъ на долго.—Время проходитъ такъ:—Утромъ въ 6 часовъ Эрнестина (одна изъ двухъ служанокъ) приноситъ мнѣ воду на умыванье. Въ половинѣ 7-го Пуркина приходитъ самъ звать меня кофе пить. До 7-ми пьемъ кофе. Въ 7 Пуркина идетъ въ Университетъ на лекцію, а я въ свою комнату заниматься. Воротившись изъ Университета, Пуркина прямо ко мнѣ; болтаемъ, читаемъ. Потомъ расходимся и работаемъ до часу. Въ часъ иду въ кабинетъ его обѣдать. Послѣ обѣда кофе и болтовня до 4-хъ часовъ. Потомъ опять по угламъ. Вечеромъ, какъ придется, а чаще читаемъ что-нибудь вмѣстѣ. Въ 9 закусываемъ остатками отъ обѣда, еще нѣсколько читаемъ и расходимся спать. Доброму старику нравится мой домашній образъ жизни, а мнѣ его. Дѣти премилые: сначала кажутся избалованными, но только сначала. Отецъ умѣлъ въ нихъ развить и умъ и нравственное чувство такъ, что они и умны и благородны не по лѣтамъ, и любятъ другъ друга по-ангельски. Въ старшемъ (ему уже около 9 лѣтъ) есть уже не мало и Славянскаго чувства и любви къ Чешскому языку¹⁾). Меньшой въ этомъ отношеніи смѣшонъ: говоритъ по Нѣмцѣи, знаетъ по Чешски только одно слово «ано» (да) и увѣряетъ, что этого довольно.

28 Іюля. Вторникъ.

Время идетъ прекрасно. Въ воскресенье однако иначе нежели въ будни: ни Пуркина, ни я, ничѣмъ не занимались, а пересматривали новости, которыхъ набралось довольно много; а послѣ обѣда сѣли на лодку всей сѣмьей и поѣхали вверхъ по Одру въ одинъ изъ садовъ, пили тамъ кофе, гуляли, веселились. Вечеромъ, воротившись домой, пѣли пѣсни.—

¹⁾ Вѣроятно Emanuel Purkinѣ, послѣдній докторъ философіи, ботаникъ, профессоръ въ Брѣ.

30-е Іюля.

Ай! Уже тридцатое. Подлинно, время летить! Ну много ли я настраивался,—Плзень, Клатовъ, Будейовицы, Линць, Дунай, Вѣна, желѣзная дорога до Брна, Брно и южная Моравія, Оломоуць и восточная Моравія, Опава и Силезія, Вратиславъ — и только; а между тѣмъ вотъ уже скоро два мѣсяца, какъ я въ дорогѣ. Въ Прагѣ уже меня ждуть, потому что я обѣщался воротиться черезъ два мѣсяца, а между тѣмъ впереди еще остается порядочный кусокъ пути. Кусокъ пути—*kausek cesty*—Чехизмъ! Не по-русски! Да этого мало, Маменька. Иногда выбѣжить изъ памяти самое обыкновенное русское слово. Однажды напримѣръ я чуть не бился лбомъ о стѣну, что бы вспомнить слово «жестъ». Мучился, мучился и не вспомнилъ.

Между тѣмъ надобно же сказать хоть нѣсколько словъ о Вратислави. Правда, я мало знаю ее, потому что сижу цѣлый день дома и только вечеромъ выхожу изъ дому гулять вмѣстѣ съ Пуркиннею; впрочемъ на нѣсколько строкъ фактовъ наберется. Вратиславъ стоитъ на Одерѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ него впадаетъ Олава. Воды много, мѣсто ровное. Церквей чуть-ли не больше нежели воды, и все старыя, величавыя, съ башнями, почернѣвшія. Есть и между домами много напоминающихъ о прошедшихъ вѣкахъ: но тѣмъ страннѣе видѣть ихъ тутъ во Вратислави, гдѣ, наперекоръ обычаю, улицы довольно широки, ровны и пересѣкаютъ одна другую подъ прямыми углами, и гдѣ, рядомъ со стариной и скоро постарѣвшей, полуразвалившейся молодостію стоятъ дома, построенные въ современномъ вкусѣ, бѣленькіе, чистые, словомъ—красивые. Вокругъ нихъ (разумѣется не всюду) тополи и березы, липы и каштаны, а сами они подернуты кисеею винограда, вьющагося по стѣнамъ. Виноградъ вьется впрочемъ лучше по старымъ домамъ и рисуется на нихъ красивѣе; его ярко-темная зелень рисуется по бурнымъ закоптѣлымъ стѣнамъ чудно и роскошно, вплетается въ рѣшетки оконъ, бѣжитъ къ кровлѣ, увивается вокругъ шпицовъ... Вокругъ Вратислави на мѣстѣ прежнихъ укрѣпленій, разрушенныхъ Наполеономъ, идутъ аллеи для прогулокъ; подъ ними вода; за нею предмѣстія. Жаль что мѣсто ровное: любоваться Вратиславью нѣ отъ куда—все кусочки да кусочки. Третьяго дни мы обошли съ Пуркиннею кругомъ всего города по аллеямъ. Вчера ходили въ ботанической садъ: не великъ, но богатъ и прекрасенъ.

Приготовляюсь къ путешествію по землѣ Горныхъ и Дольнихъ Виндовъ, и надѣюсь изъ Вратислави сдѣлать нѣсколько путешествій пѣшкомъ по Силезіи Прусской между Поляковъ. Долго ли пробуду во Вратислави—не знаю. А вы, Маменька, пишите по прежнему въ Прагу.

Пуркина приказывает Вамъ кланяться. Я сижу на софѣ, онъ противъ меня на креслѣ, и читаетъ. Большую частію сидитъ у меня. Прекрасный старикъ.

Цѣлую Вашу ручку. Поклонъ и почтеніе всѣмъ.

Срезневскій.

Какъ бы хорошо было, Маменька, если бы Вы написали Пуркинѣ письмо и поблагодарили бы въ немъ за приемъ меня. Пришлите ко мнѣ, а я перешлю.

31 Іюля. Вчера вечеромъ ходили мы гулять въ Маргаритен-ау, здѣшній Пратеръ; и ворячаясь видѣлъ прелестное зрѣлище: партія гулякъ ѣздила за городъ по Одеру и ворячалась, освѣтивъ глав. лодку разноцвѣтными огнями, а изъ другой пуская фейерверки. Народу звѣвшаго были десятки тысячъ, а на водѣ множество лодокъ, и все это при свѣтѣ искусств. огня составляло чудную картину ¹⁾.)

Для Амвросія ²⁾).

Мораво-Силезскія пѣсни.

1.

дорожку ¹⁾).

Og wjm gá cestičku, wjm, wjm!

Kole nj rŕže kwětli, kole nj lipy rostli
Wjm, wjm.

Po nj chodžila ma miła-ła,

Když mne kochała, když miłowała
Ma miła-ła.

Na nj rozmarganky sadžila

Pjsničku spjwage, pro mne dumage
Ma miła-ła.

Rozmarganky wyrosili-li

да да
Ene zawadli, ene opadli
Opadli!

Rozmarganky opadli

леглазъ
Kdo bude sadžič, miłowně chowač?
Opadli!

Oj wjm ga cestičku wjm, wjm!

Kole nj trnečky rostú, kole nj badgaky kwětú.
Bjda má!

¹⁾ Преписка на полѣ.

²⁾ А. Л. Метлинскаго.

³⁾ Напечатанныя надъ нѣкоторыми словами переводы принадлежать И. И. С-коу; они написаны въ подлинникѣ письма карандашемъ.

Wydź gešče gednů, ma mi ,la
Na mne pohledni, a mne poslučeg
Ma miła-la!

Guž ne słyši ma miła-la,

утѣшить
W hrobečku leži! Kdo mne učeši!
Bjda má!

Wogaci gedů, na mně wołagů
Šawličku dawagů, mně počešagů,
To ge los můg!

Wogakem budu ga, budu
Na wognu půgdu, we wogně umru!
To ge loš můg

Og wjm ga cestičku, wjm, wjm!
Po nj wogacy gedů, Towariša wezů
Mne, mne! ¹⁾.

2.

Štyri koně we dwore—

ни одинъ
Žaden s nima ne oře.

Oře s nima synáček,

гвоздика
Čerwený gak řebiček.

Gedže s nima do rolě

Zaorowač kukole.

Dyž kukolě doorał,

Na swů milu zawołał:

«Podž, ma milá, počkeg mne,

Powjm ga ci co ge mně.

¹⁾ Ой знаю я дорожку, знаю, знаю!
Около нея цвѣли розы и росла липа.
Знаю, знаю.

По ней ходила моя милая,
Когда меня любила, когда меловала—
Моя милая

На ней сажала она розмарини,
Распѣвая пѣсни, про меня думая
Моя милая

Розмарини выросли
Да завяли, да осыпались
Осыпались!

Осыпались розмарини...
Кто жь будеть ихъ сажать, делѣть?...
Осыпались!

Ой, знаю я дорожку, знаю, знаю!
Около нея ростеть репейникъ, около нея
цвѣтеть будякъ.
Горе мое

Видь еще разошь, моя милая,
Погляди на меня, меня послушай,
Моя милая!

Не слышать больше моя милая,
Лежить она въ гробу! Кто-жь меня утѣшить
Бѣда миѣ!

Бдуть солдаты, меня зовуть;
Саблю дають миѣ, меня утѣшаютъ
Вотъ моя судьба!

Стану солдатомъ
Пойду на войну, на войнѣ умру
Вотъ моя судьба

Ой знаю я дорожку знаю, знаю
По ней солдаты бдуть, везуть товарища—
Меня, меня!

Boli mně ma bławička.
Pobila mne mačička;
Pobila mne pro tebe,
By ně milował tebe».
«Nechč če pro mne bige,
Ty možeš gidě ku gíné».
«Ga ku gíné ně púgdu,
Radšeg se dam na wognu».
«Na wognu se ně daweg,
Trudž rodžičům ně džetag.
«Na wognu se radšeg dám,
Trudž rodžičim udětam.
Když ga budu wogakem,
красивымъ
Budu šwarnym gonakem,
одежду
Dostanu šaty zeleny,
выпуски
A wyložky čerweny,
Wyložky čerweny...
To pro me potěšenj.
A konjčka wraného,
Wyskočim ga na něho.
Na konička wy-kočim
завѣю или какъ иначе?
Bělym šatkem zatočjm
въживо
Pěkne se ti, ma miła,
прощусь, скажу adieu
Poručjm, poručjm ¹⁾.

Poručjm se pěkně.
Twůg Sr. ²⁾.

¹⁾ Четыре коня во дворѣ—
Никто на нихъ не пашеть.
Одинъ на нихъ пашеть молодчикъ,
Румяный, какъ гвоздика.
Ѣдетъ онъ съ ними на пашню
Запахивать куколь.
Когда куколь допахалъ,
Крикнулъ своей милой:
«Пойди, милая, подожди меня
Разскажу тебѣ, что со мной случилось.
Болезнь моя головушка,
Побила меня матушка,
Побила меня изъ за тебя,
Чтобъ не ухаживать я за тобой».
«Не хочешь, чтобъ изъ за меня тебя били
Такъ ступай къ другой».
«Я не пойду къ другой,

Лучше пойду на войну».
«Ты на войну не ходи,
Не огорчай родителей»
«Лучше я пойду на войну
Огорчу отца и мать.
Когда стану солдатомъ,
Буду я статнымъ молодцомъ;
Будетъ у меня зеленая куртка
Съ красными отворотами;
Красные отвороты—
Вотъ что меня утѣшитъ.
Будетъ у меня конь вороной—
Вскочу на него.
Вскочу я на коня
Махну бѣлымъ платкомъ
Въживо прошусь съ тобой,
Прощусь съ тобой, моя милая».

²⁾ Досвиданья. Твой Ср.

XXXIII.

№ 22. Вратиславъ. 6 Августа 1840.

6-е Августа! Охъ и ахъ и ухъ! 6-е Августа! За 6-мъ и 7-е, а тамъ и послѣднее, а тамъ и Сентябрь — и годъ, какъ я выѣхалъ изъ Харькова. Вздумалъ было однажды ловить время за хвостъ и потомъ заставлять стоять тамъ, гдѣ я стою; а какъ одумался, такъ напрасно хотѣлъ: время всегда въ рукахъ, только не совладѣешь съ нимъ,—обманываетъ, отуманиваетъ, не движется и быстро летитъ, не даетъ и замѣтить, какъ поставить вверхъ ногами. Вотъ уже и двѣ недѣли какъ я во Вратислави, и скоро два мѣсяца, какъ я выѣхалъ изъ Праги; гулять не гуляю, то и дѣло пишу да читаю, иногда недосыпаю,—времени ушло много—а въ итогѣ пріобрѣтеній мало, и въ будущемъ работы, работы, а что всего хуже—времени ушло много.

Что-же до моихъ работъ, такъ вотъ онѣ каковы: переписалъ одну старую и рѣдкую грамматику Дольно-Лужицкаго нарѣчія, переписываю собраніе Дольно-Лужицкихъ пѣсенъ, обозрѣваю замѣчательности Библіотеки и Музеума древностей, по вечерамъ хожу на берегъ Одры болтать со сплавщиками дѣса изъ Ратибора по Слезски и т. п.

Гулялъ очень немного, и то вмѣстѣ съ Пуркиней. Перваго Августа—что-ли—ходили смотрѣть на красивый фейерверкъ; въ Воскресенье ходили въ Освицъ и Попловицъ (деревни близъ Вратислави), гдѣ я нашелъ остатки двухъ старыхъ городищъ. Два раза ходили слушать Люцерову, о которой уже писалъ изъ Брна; опять видѣлъ ее въ *Elisire d'amore* и въ Свадьбѣ Фигаро: голосъ очень мягкой, нѣжный, пріемъ же ее здѣшнею публикою былъ еще нѣжнѣе,—ее осыпали цвѣтами. Вчера ходили смотрѣть Лира, котораго игралъ Вѣнскаго актеръ Аншюцъ, знаменитый въ цѣлой Германіи трагикъ. Правда, что не легко понять актера; впрочемъ думаю, что нашъ Каратыгинъ выше сравненія съ Аншюцомъ. По городу ходилъ мало: заблудиться не заблужусь, лучшія строенія и улицы знаю; но тутъ и все.

Сегодня въ 10 часовъ ѣду въ Ополе (Опельнъ) на Юго-Востокъ отъ Вратислави, на Одеръ, къ Слезавкамъ; а теперь (7-го половина) иду завтракать. Пуркиня уже ждетъ.

Ополе. 6-е Августа. 9-ть вечера.

Вотъ я и въ Ополь: 11^{1/2} миль отъ Вратислави; въ 10 выѣхалъ, въ 7^{1/2} пріѣхалъ. *Personenpost* идетъ каждый день, и между тѣмъ я получилъ 19-й №омеръ. Въ главномъ экипажѣ только 8 мѣстъ; слѣдовательно всѣ другіе помѣщены были въ бейвагенахъ, перемѣняющихся на каждой стан-

ціи. Это впрочемъ было для меня хорошо: почти на каждой станціи новыя сосѣди, новый разговоръ. Для занимательности я принималъ на себя то ролю Чеха, то ролю Лапландца, то ролю Француза, и подъ разными формами разспрашивалъ о Слезакѣхъ, объ ихъ отношеніяхъ къ Нѣмцамъ, а иногда и о Россіи, которая тутъ всюду какъ бревно въ глазу, такъ что и полчаса разговора не пройдетъ безъ воспоминаній, безъ толковъ, безъ споровъ о ней. Велемудрая политика Нѣмецкихъ глубокомысленниковъ уже рѣшила, что Франція получить Египетъ, Англія—Сирію, а Россія—Константинополь,—и занялась уже рѣшеніемъ вопроса, что послѣдуетъ за онымъ вышепомянутымъ дѣленіемъ Турціи. Удивительные, или, просто, удивительно-глупые люди эти Нѣмцы. Не безъ добрыхъ, не безъ ученыхъ людей между ними; но что глупость просвѣчиваетъ всюду, это и слѣпой увидить. Я говорю о Нѣмецкихъ Нѣмцахъ.

Теперь сижу и пишу; а за минуту проводилъ отъ себя — двухъ дѣвушекъ: одна—штубен-мѣдхенъ=горничная, повшая меня чаемъ и славшая постель — Нѣмка съ кисловатой харѣнкой, другая вѣльнерка, господствующая внизу при столѣ и въ буфетѣ—Полячка и премиленькая—въ родѣ Саши Робушевой, только съ карими глазами. Я изволилъ съ ними болтать и смѣшивать ихъ своимъ неумѣньемъ говорить ни по Нѣмцки, ни по Польски. Обѣщались придти опять. Полька клялась душою, что придетъ и будетъ пѣть пѣсни. Едва-ли впрочемъ я буду ждать ихъ: мнѣ очень хочется спать.—

О полье. 7-е Авг. Пятница.

День злосчастный, настоящая пятница Чешская (= Русскій понедѣльникъ). Ходилъ столько, что ноги устали, ходилъ и утромъ, и послѣ обѣда, и вечеромъ, и на Сѣверъ, и на Востокъ, и на Югъ, и на Западъ, и по «дрогѣ», и по «ходнику»; а домой принесъ очень мало. Причиною отчасти я самъ: и я худо понимаю, и меня худо понимаютъ,—меня потому что мѣшаю Чешскій съ Польскимъ, а я потому что Слезакъ безбожно скоро говорить, такъ скоро, что случалось изъ цѣлой рѣчи не понять, т. е. не слышать ни полусловечка. Другая причина моихъ неудачъ—работы полевныя: все жнетъ и сгребаетъ, не до болтанья съ такимъ даребакомъ, какъ я. Попалъ было ницаго, такъ—шепелявой, беззубой, и ничего не знаетъ; далъ ему грешель ($\frac{1}{180}$ талера) да и пошелъ прочь. Иду далѣе,—сидятъ дѣвки подъ липой,—я къ нимъ; заговорилъ, сѣлъ, сталъ закуривать трубку,—а они отъ меня; я упрасиваю ихъ остаться, а они бѣжать. Плюнулъ, да и далѣе. Иду далѣе... ну вотъ, думаю, наконецъ! Сидитъ мужикъ и пьетъ водку, и пьетъ, и разговариваетъ самъ съ собою, выдѣлывая какіе-то гіерог-

лифы и руками и глазами. Къ нему:—«Помгай понѣ бугъ!»—Га-га, поне! Дженкуіемъ!—и вдругъ съ водкой ко мнѣ, упраниваетъ и Іезусомъ, и маткой Мареей и всѣми швентыми, что бы и пилъ. Отказывался, отказывался; наконецъ попробовалъ эту Нѣмецкую, гадкую, вонючую, картофельную водку,—чуть тутъ же не освободился отъ бремени. До сихъ поръ еще головой кручу. Великодушіе мое однако не помогло мнѣ. Слезакъ увидѣлъ, что я пью и приталъ, что бы и пилъ какъ надлежитъ. Человѣкъ, думаю себѣ, веселой. Лишь-бы опустѣла бутылка, а тамъ и хорошо пойдетъ; а чтобы опустѣла безъ моего пособія, надобно подняться на хитрости. Ага! Вотъ камень; объ него эту канальскую бутылку, такъ и дѣлу конецъ. Взялъ, притворился пьющимъ,—и потомъ, какъ будто въ восторгѣ съ размаха руку въ сторону отъ себя—и хлопъ. Разумѣется, я долженъ былъ изумиться такой неожиданной нечаянности и приговорить: «Зля, же јохъ ни вшецко допилъ»: Что-же!—«То-жъ то зля, поне: шкода фляжки; алѣ гдо рѣдъ піе горжаўку, про того момъ еще»¹⁾—и вслѣдъ за тѣмъ вытащилъ изъ кармана еще одну фляжку, такую же только полную. Не бѣдовщина ли? Оставалось заплатить за бутылку—и далѣе.—Словомъ, всѣ мои покушенія о чемъ-нибудь распросить, подслушать какую нибудь пословицу или новое слово, записать пѣсню—остались какъ раки на днѣ—у сѣти были, въ сѣть не попали. Уже вечеромъ только, зашедши къ какому то портному въ какой-то деревенькѣ, записалъ кое-что. Было бы и болѣе, да портной шелъ въ другую деревеньку на пиръ, и я долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что проводилъ его до той деревни. Хотѣлъ было вмѣстѣ съ портнымъ на пиръ; да вспомнилъ о водкѣ—и домой. Былъ 9-й часъ; усталые крестьяне ложились спать.

Вотъ и дома—и скучно. Хотъ бы съ кѣльнеркой поговорить; такъ у нея дѣла много, развѣ позже придетъ. А вчера, бестія, не приходила, заставивши меня не гасить свѣчъ до 11 часовъ. Сегодня утромъ пришла и извинялась: работы было по уши. Кстати, по случаю хорошенькой кѣльнерки: и въ Опольи и кругомъ народъ очень красивъ—особенно женщины. Прекрасныя, правильныя, нѣжныя и полныя огня лица, и станъ стройный, какъ у Ганачекъ²⁾. Дѣти настоящіе ангельчики. Былъ-бы я живописецъ, такъ написалъ бы одну видѣнную мною дѣвочку: поднявши рубашонку, хлопочется ногами въ лужѣ и улыбается, а каріе глазки изъ подъ разбросанныхъ бѣлыхъ волосъ такъ и сверкаютъ; въ двухъ шагахъ свинья спитъ въ грязи, а за нею мальчишка, лежа на травѣ, перебираетъ щетины ея хвоста Силезская аркадія!—

¹⁾ Экое горе: не допилъ всего.—Что?за горе, поне; жаль бутылки; а кто любитъ выпить водки, про того есть у меня и еще.

²⁾ О нихъ въ томъ писемѣ, которое пропало; Ганакі—одно изъ племенъ Моравскихъ.

10-ть вечера.

Наконецъ я утѣшенъ: кѣльнерка приходила съ другою дѣвушкой, прачкой,—и я записалъ 8 пѣсень. Двѣ изъ нихъ прелесть. И я—влюбился—только ни въ кѣльнерку, ни въ прачку, а—въ Силезское нарѣчіе. Когда имъ говорить такой голосъ, какъ прачкинъ, такъ это—музыка.—

Посылаю пѣсенку, сочиненную Ганкою, имъ и писанную: содержаніе ея таково, что лучше всего не ворочаться съ нею въ Австрію. Сберегите ее, Маменька!

XXXIV.

№ 23.

Ополье, 10-е Авг.

Два дни не былъ въ Опольи и вчера къ вечеру воротился опять сюда. Завтра буду во Вратислави и отправлю это письмо съ письмомъ къ брату; а потому и напишу немного.

Сначала о поѣздкѣ изъ Ополья: изъ Ополья въ Крапицъ въ дилижансѣ; оттуда въ Стрѣленъ пѣшкомъ верстъ 20, если не болѣе, съ проводникомъ за 5 сереб. грошей = 55 коп. асс.; изъ Стрелена съ фурманомъ въ Ополье. И утѣшенъ, веселъ, доволенъ самъ собою, даже не сержусь на того почтового приказнаго, который... впрочемъ объ этомъ послѣ. Кромѣ листка, на которомъ пишу, вся бумага исписана: тутъ и пѣсни, и пословицы, и сказки, и загадки, и описанія костюмовъ, и обычаи. Крапицъ преглушій городишка, въ которомъ говорятъ полу-Нѣмецкимъ языкомъ; но всетаки не по Слезки. вмѣсто того чтобы идти въ гостинницу, я обѣгалъ городъ, и между тѣмъ спрашивалъ проводника до Стрелена. «Да тутъ дороги нѣтъ; заплатите дорого». —Проводника-фусгентера—понимаете?— «Гаа!» И Нѣмецъ развѣсилъ уши и разставилъ носъ. «Да какого вамъ?»—Да простого мужика.—«До Стрелена?» отозвался какой то мужикъ. «Я изъ Стрелена пойдемъ-те со мною». —Ты Слезакъ?—«А то-жъ!»—Ну, такъ идемъ. Ночевать въ дорогѣ, гдѣ хочешь? «У зятя». —И пошли. Дорогою, пока стемнѣло, я то и дѣло садился и записывалъ, что мнѣ Слезакъ говорилъ. Въ девять пришли къ зятю. Изабушка на курьихъ лапкахъ, передомъ на дворъ, коморкой на улицу, маленькая. Я расположился спать на соломѣ, на дворѣ, подлѣ коровы. Впрочемъ прежде нежели расположился, поужиналъ молока и хлѣба съ солью, за что зять ни крейцера не захотѣлъ взять, а очень радъ былъ, что принимаетъ дорогого гостя—„Чеха“ (я игралъ роль Чеха) и видно, учнаго. «Пишите, пишите, поше, да не забудьте написать, что молятся велять

а читать не учать. Дали намъ какого-то „затраченного Нѣмца“ учителемъ: мы его не разумѣемъ, а онъ насъ. Вотъ мой сынишка и твердитъ Фатеръ узеръ вмѣсто Ойче нашъ. Ну что это за моленье. Этакъ больше согрѣшишь Ну что это Фатеръ узеръ?» До одиннадцати мы проболтали. Юзефа, жена зятя, легла спать, оставивши намъ огарокъ плошки, и подъ слабый свѣтъ ея я записалъ прекрасную думку о семилѣтней войнѣ и многое другое. Потомъ—въ сосѣди въ коровѣ. Выспался славно, всталъ рано. Стаканъ воды, стаканъ молока—сливокъ, кусокъ хлѣба—и въ путь. Черезъ три часа былъ въ Стреленѣ. Тутъ тоже нечего было дѣлать. Проводникъ отыскалъ мнѣ повозку съ кучеромъ Слезаконъ, который тоже дорогою пересказалъ мнѣ кое-что, особенно, когда останавливались кормить лошадей, и когда въ гостинницѣ онъ нашелъ себѣ соперниковъ. Разболтался, распѣлся такъ, что про лошадей забылъ.

Теперь о почтовомъ приказномъ. Мнѣ хотѣлось ѣхать въ Гуттентагъ, и я взялъ билетъ, гдѣ ясно стоитъ, что почта отходить въ 9^{1/2} вечера. Прихожу въ 9^{1/4}, прямо въ Passagier-Stube, жду. Бьетъ половина. Жду. Потомъ выхожу, спрашиваю; отвѣчаютъ: Personenproost давно ушла.—Да я трубы не слышалъ; мнѣ никто не приходилъ сказать, что бы я садился. — «Да мы этого не знаемъ».—Дѣло въ томъ, что кондуктору не хотѣлось ѣхать, и онъ отправилъ экипажъ съ одними письмами и посылками и съ кучеромъ—не въ ¹/₂ десятого, а въ 9. А моихъ три рубля пропало. И къ тому же еще день въ Опольи.

Впрочемъ все къ лучшему. Сегодня цѣлый день сидѣлъ въ комнатѣ, переписывалъ на чисто дорожныя замѣтки, написалъ письмо Пассеку, которому еще не писалъ изъ за границы,—и не замѣтилъ какъ день прошолъ. Въ Гуттентагъ ужъ не поѣду; а прямо во Вратиславъ. Довольно пошлялся по Силезіи. Что бы узнать подробно, надобно остаться хоть на мѣсяцъ и болѣе; а этого не могу. Лучше далѣе.

Цѣлую вашу ручку, милая Маменька!—Ба, кельнерка съ пѣсенію...

Какія прекрасныя пѣсни знаетъ эта кельнерка: не даромъ плачу по 11 коп. за номеръ. Очень спасибо ей.

Темнѣетъ. Скоро 8. Въ 10 ѣду,—и цѣлую ночь въ дорогѣ, а въ 8 утра у Шуркина.

Прощайте, Маменька. Кланяйтесь всѣмъ, кто помнить странствующаго старика Вашего.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Троичина,

Кадниковскаго уѣзда.

Бытовой очеркъ.

(Продолженіе).

2. Семейный бытъ.

Экономическая теорія, въ принципѣ отвергающая, во имя общаго благосостоянія, праздность отдѣльныхъ лицъ общества, и заставляющая каждаго человѣка трудиться, по мѣрѣ своихъ силъ, и создавать болѣе или менѣе полезные предметы — едва-ли гдѣ либо имѣеть столько послѣдователей-практиковъ, какъ здѣсь. Здѣсь каждый трудится, и трудится съ ранняго утра до глухой ночи, не исключая и дѣтей, а о женщинахъ и говорить нечего — они прилежаніемъ и терпѣніемъ во многомъ перещеголяютъ мужчинъ, уступая первенство послѣднимъ только въ физической силѣ. Ребенокъ лѣтъ 6-ти, какого пола безразлично, уже нянька; съ утра до ночи онъ возится съ болѣе меньшими. Дѣвочка лѣтъ 8-ми уже помогаетъ матери въ домашнемъ обиходѣ и ее приучаютъ пряхъ; на долю мальчика этихъ лѣтъ выпадаетъ также не мало работы, онъ пасетъ скотъ и находится, слѣдовательно, съ ранней весны и до поздней осени (если деревней не наняли общественнаго пастуха), въ каждый почти день съ утра до ночи, въ лѣсу, претерпѣвая при этомъ всевозможныя перемѣны погоды. 10—12 лѣтъ такой мальчикъ уже помощникъ отцу — онъ рубить жерди, городить изгородь, ѣздитъ за чѣмъ нибудь въ лѣсъ, косить траву и жнетъ хлѣбъ.

Женщины въ каждый день съ 4-хъ часовъ утра уже на ногахъ: носятъ дрова, топятъ печь и готовятъ обѣдъ своей семьѣ, за всѣмъ этимъ, нужно подоить коровъ, напоить и накормить ихъ, дать сѣна лошадямъ, напоить и накормить овецъ. Кормъ для коровъ еще требуетъ приготовленія, заключающагося въ мятьѣ соломы и смѣшенія ея, на половину, съ сѣномъ; подобная смѣсь получаетъ названіе «трясаницы». Весною на обязанности женщины, кромѣ домашняго обихода, лежитъ еще жечь новинки подъ лень, нерѣдко и подъ рожь, посѣять лень, сборонить полосу и посѣять хлѣбъ, посадить въ огородъ рѣдьку, картофель, лукъ и т. п. Лѣтомъ до наступленія сѣнокосной

поры женщины и дѣти занимаются сдиркою березовой коры, въ сѣнокосъ женщина, послѣ домашняго обихода, бѣжитъ на пожню, иногда верстъ за 10, косить или сгребать сѣно, проработавши съ утра до вечера—бѣжить домой, гдѣ нужно подoitъ коровъ, прибрать въ избѣ, накормить и приласкать ребятшекъ, оставшихся дома.

Осенью она треплетъ и чешетъ ленъ, починаетъ и шьетъ за ново одежду, жнетъ и молотитъ хлѣбъ, убираетъ и очищаетъ изъ огорода овощи; зимою же кромѣ обычнаго домашняго обихода, прядетъ ленъ, тветъ холстъ, однимъ словомъ исполняетъ всевозможныя работы. И надо удивляться, какъ это «воздушное созданье», — какъ выразился какой-то поэтъ, — такъ трудолюбиво здѣсь, и еще болѣе тому, что оно (по видимому, конечно), нисколько не тяготится своимъ положеніемъ. Посмотришь, какъ, въ какой нибудь праздникъ, женщины вырядятся въ свои цвѣтныя наряды да съ пѣснями и веселымъ здоровымъ смѣхомъ пройдутъ по деревнѣ, такъ и не повѣришь, что они только ночью, быть можетъ, вернулись съ пожни въ потѣ лица и исполнили за-день такую работу, которая и мужчинамъ еле «вмоготу», т. е. едва по силамъ.

Что касается мужчинъ, то они положительно завалены работами во весь годъ, отдыхомъ имъ служатъ дни большихъ праздниковъ—и только. Изъ нежесѣдующаго уже видно, что они дѣлаютъ въ продолженіи года.

Зимою крестьянинъ рубитъ лѣсъ, живя постоянно въ немъ, въ истопѣ, верѣдко 10 — 20 верстъ отъ деревни, или коптитъ на дегтекурномъ или смолокурномъ заводѣ, возитъ для дому дрова, воду, сѣно и т. п. Весною онъ плавить лѣсъ, суда, дрова и т. п. Пришедши съ устья Кубены домой, онъ тотчасъ же принимается за соху и топоръ, пашетъ землю, обноситъ поля и полянки изгородью за-ново, или починаетъ старую, рубитъ новины, корчитъ или для смолы, сдираетъ береста, чиститъ сѣновосныя полосы, лѣтомъ косить и сгребаетъ сѣно, огораживаетъ стоги, называемыя здѣсь «зародами»; осенью жнетъ хлѣбъ, убираетъ его въ гумно, молотитъ и мелетъ его, ремонтируетъ или за-ново строятъ разныя хозяйственныя постройки и т. д. Дома здѣсь строятся большіе (благодаря, конечно, изобилію лѣсовъ)—передъ отъ 4 до 6 саж. въ длину и ширину; на столькихъ же саженьяхъ строится сарай, съ дворомъ для скота и клѣтами. Рядомъ съ домомъ помѣщаются разнородныя постройки: хлѣвы, амбаръ, погребъ для овощей и т. п. Дома строятся большею частію одноэтажныя, съ подвалами внизу, двухъ-этажныя только у зажиточныхъ. Внутренность домовъ незатѣйлива: кирпичная или глиняная печь, рядомъ съ ней голбець (куратникъ), полати, лавки, скамейки, столъ, божница (мѣсто въ переднемъ углу, гдѣ ставятся иконы), вотъ и все. Окна въ домахъ вырубаются маленькія, — чтобы держалось зимою тепло въ избѣ, — отчего и днемъ царить

въ вей полутьма. Чистота и опрятность въ домахъ отсутствуютъ, такъ какъ всѣ способные къ труду члены семейства, съ утра до вечера каждаго дня, бываютъ заняты работой, а потому соблюдать имъ гигиеническія условія не приходится. Всѣ работы исполняются по приказу старшаго въ семействѣ; по таковой старшій никогда не злоупотребляетъ (въ большинствѣ случаевъ) данною ему властію; онъ въ особо-важныхъ дѣлахъ всегда совѣтуется со всѣми младшими членами семейства и если замѣчаетъ, что кто либо изъ младшихъ умѣе, или, какъ говорятъ здѣсь, «смышлениѣе» его, то безропотно передаетъ первенство тому. Бываетъ, что такимъ первенствомъ пользуется даже женщина, хозяйка, если не *de jure*, то *de facto*. Эгоизмъ и властолюбіе здѣсь не играютъ такой роли, какъ у людей интеллигентныхъ.

Таковъ семейный бытъ, сохранившійся въ данной мѣстности по завѣтамъ стариковъ! Но мы были бы неправы, не упомянувъ о томъ печальномъ явленіи, что все это годъ отъ году стало измѣняться. Примѣромъ этихъ печальныхъ явленій пока служить Ембская волость, гдѣ всѣ старыя устои распатаны, гдѣ отецъ калѣчитъ сына, малолѣтка, за то, что послѣдній испортилъ его трубку, гдѣ и наоборотъ, сынъ отца своего убиваетъ на-смерть за полштофъ вина, поставленный для того сосѣдомъ, врагомъ отца, и идетъ въ Сибирь и т. п.

Но о такихъ печальныхъ явленіяхъ въ народной жизни данной мѣстности мы когда нибудь поговоримъ особо. Вообще же, должно замѣтить, что семейный бытъ въ Троичинѣ пока еще держится старинки, дѣдовскихъ завѣтовъ.

3. Духъ населенія въ религіозномъ и политическомъ отношеніяхъ и общественное управленіе.

Въ общемъ—населеніе очень религіозно, т. е. вѣрить, какъ и подобаетъ, въ существованіе Бога, соблюдаетъ посты, ходитъ усердно въ церковь и тамъ не менѣе усердно молится, что же касается до пониманія религіи въ частности, то, какъ и вездѣ, въ необразованной средѣ, оно довольно невѣжественно: едва ли найдется хотя одинъ человѣкъ во всей мѣстности — изъ крестьянъ, конечно, — который бы зналъ Св. Евангеліе; большею частію не знаютъ даже заповѣдей и не умѣютъ прочесть наизусть самой краткой какой нибудь молитвы. Иконы хотя имѣются въ каждомъ домѣ, но отъ пыли и дыма въ такомъ находятъ видѣ, что нужна большая спеціальность, — узнать какаго святого на доскѣ было нѣкогда изображеніе. О существованіи праздниковъ знаютъ, но кромѣ Рождества Христова, Св. Пасхи и тѣхъ, въ которые варится, по обычаю, пиво или бываетъ гуляніе, — не празднуютъ, и въ дни ихъ занимаютъ

работами. Варится же пиво наиболѣе къ праздникамъ: Рождества Пресвятой Богородицы, Покрова Пресвятой Богородицы, днямъ Николая Чудотворца— 6-го декабря и 9-го мая — и въ день муч. Луппы, 23-го августа. Этотъ послѣдній день носить названіе «Николы на-рожденье», хотя ни въ святцахъ, ни въ календаряхъ мы не могли найти такого праздника, между тѣмъ онъ весьма распространенъ между мѣстными крестьянами.

Въ политическомъ отношеніи населеніе довольно невѣжественно. Страхъ передъ начальствомъ, хотя бы даже и воображаемымъ, доходитъ до сумасбродства. Пріѣздъ въ деревню станового пристава, или даже урядника производитъ такой переполохъ, что и представить себѣ трудно. Хозяинъ дома, гдѣ остановится начальственное лицо, дрожитъ какъ осиновый листъ осенью, твердя въ душѣ какія нибудь молитвенныя слова и тихонько приговаривая: «быть бѣдѣ», хотя бы такое лицо и не имѣло къ нему непосредственнаго отношенія. На душѣ у женщинъ еще тяжелѣе—они боятся за себя и за мужчинъ, чтобы и съ ними чего не приключилось,—«иначе, говорятъ они между собою,—зачѣмъ бы онъ (начальникъ) пріѣхалъ къ намъ? видно бѣда какая нибудь стряслась»,... а ребятишки залезутъ куда нибудь въ темный уголокъ, пока не уѣдетъ начальникъ, боясь даже шевельнуться. Различенія начальства отъ не начальства здѣсь, можно сказать, не знаютъ. Каждый человѣкъ, одѣтый въ нѣмецкое платье, къ тому же не знакомый, — уже начальникъ, а если при этомъ обладаетъ еще на фуражкѣ кокардой, то большой начальникъ, всѣ приказанія котораго, какъ бы они нелѣпы не были, должны быть исполнены безпрекословно. Прежде чѣмъ исполнить приказанія таковаго лица, спросить у него права давать приказанія—никому и въ умъ не приходитъ. Неудивительно, что какой нибудь «бра» поступить сюда въ становые пристава или въ урядники и такихъ дѣлъ натворить, столько приведетъ убытка населенію своими глупыми распоряженіями, что во всякомъ другомъ мѣстѣ его давно бы предали суду и ужъ, конечно, осудили бы, а у насъ даже не пожалуются, лишь скажутъ: «суди его Богъ»!...

Общественное управленіе волостью находится въ рукахъ волостныхъ старшинъ и писарей. Волостной старшина всегда пользуется большею властію и почетомъ, а потому на эту должность, за немногими исключеніями, избираются всегда тѣ изъ крестьянъ, которые и до выбора ихъ на должность волостнаго старшины пользовались въ своей средѣ нѣкотораго рода авторитетностію и которые, кромѣ того, умѣли бы какъ обходиться съ начальствомъ, чтобы послѣднее ихъ, крестьянъ, не притѣсняло. Къ сожалѣнію, такіе люди, т. е. пользующіеся въ своей средѣ авторитетностію, всѣми силами стараются въ послѣдніе годы «отнѣживаться» отъ принятія на себя должности старшины, верѣдко ставя «міру» за избавленіе отъ этой обязанности по ведру и по два

водки. Такое печальное явление объясняется тѣмъ, что должность эта не даетъ достаточныхъ средствъ къ существованію, а обязанностей же и отвѣтственности у старшины—цѣлая масса.

Всякія жалобы, прошенія, заявленія и т. п. подаются большею частію лично старшинѣ, который, разсмотрѣвъ прошеніе, или на словахъ выслушавъ просителя, созываетъ волостныхъ судей, игца и отвѣтчика, и начинаетъ судить. Судьи въ большинствѣ случаевъ люди малограмотные, а потому дѣла рѣшаются почти всегда такъ, какъ угодно старшинѣ или писарю.

Волостные писаря тоже играютъ не маловажную роль въ общественномъ управленіи, хотя это явленіе только самаго послѣдняго времени, ранѣе же они никакой роли въ этомъ дѣлѣ не играли, такъ какъ и вся обязанность волостнаго писаря заключается здѣсь только въ слѣдующемъ: вести исправно «входящую» и «исходящую» книги, писать старостамъ различнаго рода «приказы», составлять требуемыя высшимъ начальствомъ вѣдомости объ урожаѣ хлѣбовъ, о количествѣ скота и т. п. и, наконецъ, принятіе и отправка по земской почтѣ корреспонденціи. Тяжелыхъ дѣлъ здѣсь очень не много приходится разбирать волостнымъ судомъ, по причинѣ нахождения въ мѣстности, а именно въ с. Троицко-Енальскомъ, 4-го мирового участка. Всѣ дѣла объ оскорбленіяхъ рѣшаются мировымъ судьей, чѣмъ много облегченъ трудъ волостныхъ судей, а равно и писарей, на обязанности которыхъ лежало записывать въ книгу каждое рѣшеніе волостнаго суда въ подлинности.

Сельскіе старосты, они же и сборщики податей не пользуются почти ни какимъ почтеніемъ въ своей средѣ: «это свой братъ (хотя и старшина тоже свой братъ), можно и поругать—не осердится», говорятъ крестьяне; понятно и выбираются на такую должность всегда люди такъ-себѣ, надо же когонибудь выбрать! Жалованья получаютъ волостныя старшины около 100 руб. въ годъ, волостные писаря — 120 руб., старосты — 10—15 руб., сельскіе писаря—3—5 руб. Понятно, за такія мизерныя жалованія стали избѣгать этихъ должностей, какъ нами уже говорено выше, всѣ зажиточные и пользующіеся авторитетностью крестьяне; платить же болѣе этого населеніе не имѣетъ возможности, такъ какъ по случаю малаго состава волостей (наибольшая волость въ мѣстности имѣетъ только 1685 рев. м. п. душъ, а есть и такія, гдѣ только 500—600 душъ всего) волостные и сельскіе расходы и безъ того ложатся тяжкимъ бременемъ на крестьянъ — отъ 80 коп. до 1 руб. на душу.

Что касается повинностей, то онѣ, благодаря чрезмѣрному трудолюбію населенія, выплачиваются довольно исправно; недоимокъ почти не копится.

Исправленіе проселочныхъ дорогъ, ремонтъ мостовъ и т. п. исполняется натурою, по приказу полицейскихъ урядниковъ, волостныхъ старшинъ и подѣ

личнымъ наблюдениемъ сельскихъ старостъ, за исключеніемъ только Архангельскаго тракта, который ремонтируется и исправляется земствомъ.

Перевозы чрезъ рр. Кубену и Ембу—тоже земскіе, отдаются такіе перевозки земствомъ съ торговъ, срокомъ на три года, частнымъ лицамъ, за что послѣдніе и получаютъ отъ земства по 100 руб. и болѣе въ годъ. На каждомъ перевозѣ имѣется доска, на обонхъ берегахъ рѣки, съ надписью: «перевозъ бесплатный», съ обозначеніемъ лодокъ и поромовъ, на немъ находящихся, или по крайней мѣрѣ должныхъ по кондиціямъ находиться. Крестьяне деревни Хмѣлевской (Бережокъ-тожъ), Нижеслободской волости, чрезъ р. Кубену, кромѣ земскаго перевоза, устраиваютъ еще для пѣшеходовъ бесплатно лаву, т. е. плотъ чрезъ всю рѣку, въ 6—7 бревенъ въ рядъ, съ перилами по бокамъ.

Обывательскія почтовые станціи содержатся тоже земствомъ и также отдаются съ торговъ, какъ и перевозки, срокомъ на три года; средняя плата за содержаніе ихъ приблизительно 150 руб. въ годъ за каждую лошадь, сколько опредѣляется земскими кондиціями содержать ихъ на той или другой станціи.

4. Обычаи и нравы.

Въ лѣтнее время въ каждомъ приходѣ, вблизи приходской церкви, происходитъ по одному, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и по два раза въ годъ торжки, куда народу изъ окрестныхъ деревень приходитъ множество; люди пожилыхъ лѣтъ приходятъ туда для хозяйственныхъ покупокъ, привозимыхъ торговцами, какъ-то: косъ, серповъ и т. п., а молодые люди—ихъ большинство—приходятъ просто себя показать и другихъ (конечно, въ большинствѣ случаевъ невѣсть) посмотреть, встать и «кутнуть».

Такія сборища носятъ наименованіе «гуляній» и бываютъ они большею частью въ Троицынъ день, въ день св. Тихона, что 16-го іюня, въ первое воскресенье послѣ дня Петра и Павла «молебное» и даже въ самый этотъ день, какъ напр. въ Вальгской волости, наконецъ въ день Ильи Пророка, 20-го іюля. Въ Нижеслободской волости день Ильи Пророка празднуется по очереди, наприимѣръ въ одинъ годъ въ деревнѣ П., въ другой—ближайшей къ ней О. и т. д. Крестьяне той деревни, по очереди въ которой должно быть празднество, варятъ въ этому дню пиво, на солодъ котораго рожь собираютъ по-душно со всѣхъ деревень, но хмѣль долженъ быть купленъ и варка пива произведена тою деревней, гдѣ назначено празднество. Въ самый день праздника приносится въ ту деревню изъ сосѣдней (гдѣ было ранѣе это празднество) общественная икона—образъ Ильи Пророка (который и остается опять въ этой деревнѣ въ теченіи года) и служатся молебны, почему и самое это празднество носитъ названіе «мольбы».

По окончаніи молебновъ, всѣ присутствующіе, кто и откуда бы не былъ, начинаютъ пить пиво, выставленное на улицѣ на большихъ длинныхъ скамейкахъ. Носить пиво домой не позволено никому, а пить его на мѣстѣ каждый имѣетъ право «сколько влѣзетъ», такъ какъ оно «мирское».

На сколько древенъ такой обычай, можно судить уже потому, что ежегодно принято, по окончаніи молебновъ, прилѣплять по одной свѣчкѣ, копѣечнаго достоинства, къ одному мѣсту, къ прежде прилѣпленнымъ, и такимъ образомъ изъ этихъ копѣчныхъ свѣчекъ въ настоящее время составился восковой подсвѣчникъ вѣсомъ не менѣе 20 фунтовъ! Этотъ подсвѣчникъ ставится во время молебновъ предъ образомъ Ильи Пророка.

Празднованіе этого дня въ дер. Хмѣлевской, той же волости, происходитъ нѣсколько иначе, а именно; въ ней празднуется не по очереди, а ежегодно, и пива не варится, а варится только сусло. Различается здѣсь празднованіе этого дня еще и тѣмъ, что образа Ильи Пророка не приносятъ сюда, хотя бывають иконы, но изъ мѣстной церкви, и аккуратно служатся молебны въ каждый годъ. Образа Ильи Пророка не приносятъ вотъ по какому случаю. Лѣтъ 50, а можетъ и 100 тому назадъ, этотъ образъ былъ принесенъ туда впервые, но тотчасъ же поднялась такая буря, громъ, что никто и никогда подобнаго по силѣ раскатовъ грома не слышалъ; это принято за желаніе Ильи Пророка, чтобы его образъ никогда не былъ въ этой деревнѣ, и съ тѣхъ поръ не приносятъ.

Въ зимнее время молодые парни и дѣвицы въ каждый день, по вечерамъ, собираются въ какой нибудь домъ (большую часть по-очередно), гдѣ дѣвицы занимаются пряжею льна, а парни ухаживаніемъ за ними. Такія собранія называются «бесѣдами». На нихъ бываетъ 10—20 дѣвицъ и почти такое же количество парней. Лучшія изъ дѣвицъ сидятъ на почетныхъ мѣстахъ—въ переднемъ углу, третья часть изъ нихъ поетъ пѣсни, такая же часть, если не большая, находится въ объятіяхъ парней, возлюбленныхъ ими, а остальные, болѣе худшія, занимаются между собою сплетнями, руганью и эхидно подсмѣиваются надъ лучшими сотоварями, завидуя ихъ счастію выслушивать любовныя изліянія; такая же зависть обураваетъ душу и тѣхъ парней, которые не обладаютъ пригожестью лица и ухарствомъ, а потому и менѣе любимы дѣвицами. Такія бесѣды начинаются съ октября, а иногда и съ сентября мѣсяцевъ, и кончаются съ наступленіемъ Великаго поста. Обнятіе дѣвицы парнемъ на бесѣдѣ въ глазахъ населенія ничего предосудительнаго не имѣетъ, но обнятіе дѣвицею парня—считается верхомъ безнравственности.

Танцы или вѣрнѣе пляски, сходныя по тѣлодвиженіямъ пляшущихъ съ пляскою святого Витта, бывають только въ пивные праздники или въ дни гулянія. Пляска совершается подъ игру на гармоникѣ молодыхъ парней или же подъ пѣсни вообще, какъ парней, такъ и дѣвицъ.

За два дня до Рождества Христова дѣвицы сообща пекутъ пироги. Матеріалы для этого, какъ-то: мука, соль, рыба или что либо иное, приносятся каждой, участвующей въ печеніи пироговъ. Пироги эти ѣдятъ частію сами, частью ребята изъ наиболѣе уважаемыхъ дѣвицами.

Въ ночь на Новый годъ дѣти, въ возрастѣ 10—15 лѣтъ, имѣютъ обыкновеніе красть разные экипажи мѣстной деревни, какъ-то: сани, пошовни, соху, борону, телѣгу и т. п., и все это утаскиваютъ куда нибудь подъ гору, около деревни, и складываютъ ихъ въ одну кучу. Кража эта сопровождается сильнымъ крикомъ, хохотомъ и потому зачастую хозяинъ слышитъ это и поступаетъ въ данномъ случаѣ согласно своему нраву: если смиренный, то не выходитъ на улицу, чтобы разогнать ребятшекъ, а только скажетъ: «ну, пусть потѣшатся», если не смиренный, то—горе тогда маленькимъ воршкамъ! Онъ выскакиваетъ на улицу и бьетъ ихъ, но не смотря на получаемые иногда побои, обычай этотъ никогда не прекращался и не прекращается до сихъ поръ. Получивши «потасовку», ребятшки не покидаютъ своего дѣла и всю ночь просидятъ гдѣ нибудь вблизи «сердитаго», а дождутся таки того, что послѣдній уснетъ, и тогда они съ удвоенною смѣтливостью и энергіей утащатъ у него все, что будетъ можно. То-то будетъ у нихъ веселье, когда удастся утащить сани у «сердитаго»! Эти сани непременно постараются разбить въ дребезги, чего съ другими не дѣлаютъ. На другой день вся эта куча разбирается хозяевами, и ребятшки уже ничего не трогаютъ болѣе.

Въ святки здѣсь по обычаю ходятъ ряжеными. По неизмѣннѣю масокъ, рядятся въ свои домашніе костюмы и неизмѣнно дѣвица мужчиною, а парень женщиною. Ряженныхъ сопровождаетъ толпа ребятшекъ. Парни большею частью разыгрываютъ роль старика горбатаго, хромага, цыгана или начальника; для роли послѣдняго служитъ солдатскій мундиръ,

Въ масляную недѣлю бываетъ катаніе съ горъ. Катаются на «корѣжкахъ» и «чункахъ». Катаніе съ горъ въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ по близости есть гора, бываетъ во всю зиму, но съ тою разницею, что тогда катаются одни только ребятшки, а въ масляницу—парни, дѣвицы, нерѣдко и пожилые люди, особенно женщины, катаніе которыхъ, впрочемъ, сопряжено еще, кромѣ удовольствія, съ повѣріемъ, а именно: если женщина скатится съ горы удачно, т. е. не упадетъ съ корѣжки и не уѣдетъ въ сторону, это считается за признакъ того, что у ней въ этотъ годъ вырастетъ ленъ длинный и прямой, вообще хорошій.

Тамъ же, гдѣ нѣтъ естественной горы, дѣлается въ масляницу искусственная. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ катаніе бываетъ на лошадяхъ, причемъ лошади украшаются лентами, обвѣшиваются бубенчиками, и запрягаются непре-

мѣнно въ «пошовни», какъ наиболѣе почетный экипажъ. Въ пошовняхъ въ большинствѣ случаевъ бываютъ два парня, двѣ или три дѣвицы. Одинъ изъ парней играетъ на гармоникѣ, а дѣвицы поддѣваютъ, а второй ямщикаетъ, т. е. исполняетъ должность ямщика. Въ с. Троицко-Енальскомъ устраивается для катанія на лошадяхъ кругъ на манеръ городскихъ. Въ деревнѣ Хмѣлевской, Нежеслободской волости, катаніе съ горы въ масляницу заканчивается сожженіемъ на рѣкѣ Кубенѣ дегтарной бочки, гдѣ разбиваются объ ледъ и корезки.

Въ Великій постъ по деревнямъ всего уѣзда, особенно въ данной мѣстности, пекутся калачи и ступки. Калачи бываютъ изъ крупчатки второго сорта, а ступки изъ гороховой муки и имѣютъ формы пирамиды. Всѣ эти яства покупаются молодыми парнями, которые по вечерамъ, за неимѣніемъ бесѣды, собираются къ пекарю и тамъ играютъ въ карты, ставя эти предметы вмѣсто денегъ. Кромѣ картъ, игръ въ «калачи» много, наиболѣе принятыми являются слѣдующія: рубка къ стулу, рубка на стулѣ, бросаніе черезъ воронецъ и ѣда. а) Рубка къ стулу: Кладется калачъ на полъ вертикально и такъ, чтобы онъ плотно прилегалъ къ стулу, который бываетъ просто деревянный обрубокъ, затѣмъ его требуется перерубить однимъ ударомъ топора. Вся трудность въ подобной игрѣ заключается въ правильности удара: на $\frac{1}{4}$ дюйма ударить пониже, то топоръ уйдетъ въ полъ и калачъ будетъ цѣлъ, на то же разстояніе взять повыше, то нижняя часть калача останется непрорубленною. б) Рубка на стулѣ. Игра эта состоитъ въ томъ, что кладется на стулъ 3—4 калача, и нужно ихъ тоже однимъ ударомъ топора перерубить всѣ. Калачи дѣлаются большіе, еле обнимаетъ ихъ остріе топора, такъ что нужна замѣчательная правильность удара, чтобы всѣ перерубить. Какъ въ первой игрѣ, такъ во второй и въ слѣдующихъ наградою выигравшему служитъ отдача безвозмездно перерубленныхъ калачей. в) Бросаніе черезъ воронецъ. Бросаніе черезъ воронецъ калачей совершается такъ: изъявившій желаніе бросить, садится на лавку, лицомъ къ стѣнѣ, беретъ въ руки условленное количество калачей и бросаетъ черезъ голову; если ему удастся перебросить ихъ всѣ черезъ воронецъ, то калачи, какъ сказано, поступаютъ въ его пользу, въ противномъ случаѣ онъ долженъ уплатить за эти калачи деньги пекарю и калачи къ тому же отдать тому, съ кѣмъ былъ спортъ. Бросають еще и такъ: бросающій садится на лавку и прижимаетъ головою къ стѣнѣ монету (обыкновенно копѣйку) и затѣмъ тоже бросаетъ черезъ воронецъ условленное количество калачей, и если всѣ ихъ перебросить, и копѣйка не выпадетъ изъ-подъ головы, то игра удалась. г) Ёда. Берутся съѣсть условленное количество калачей и если съѣдятъ, то не платятъ ничего, а въ противномъ случаѣ уплачиваютъ за нихъ вдвое противъ стоимости.

Въ Великомъ жо посту варится кисель изъ гороховой муки, который ѣдятъ съ постнымъ (льнянымъ) масломъ, и тоже бываетъ спортъ на «ѣду». При этомъ наѣдаются иногда такъ, что требуется медицинская помощь.

Вошло въ обычай при продажѣ и покупкѣ лошадей слѣдующее: продавецъ долженъ держать подъ узду свою лошадь полой своей одежи, передавая ее покупателю, который въ свою очередь принимаетъ ее тоже полой одежи и кромѣ того трижды обводитъ вокругъ себя.

Въ Великій четвергъ вся семья «окуривается», т. е. шагаетъ черезъ горящій на сковородкѣ вересъ. Это дѣлается во-первыхъ для того, чтобъ очиститься отъ грѣховъ, а во-вторыхъ для того, чтобы во весь годъ не знать болѣзней.

Въ тотъ же день умываются съ серебра, т. е. кладутъ въ умывальникъ нѣсколько серебрянныхъ монетъ и водою съ нихъ умываются. Это дѣлается для того, чтобъ не знать болѣзней глазъ.

25-го марта не чешутъ головъ, дабы не болѣла голова.

Съ зимы въ первый разъ выгоняютъ скотъ на пастьбу вербами, нарочно оставляемыми для этого въ Вербное воскресенье.

5. Преданія.

Въ старину было нашествіе въ Кадниковскій уѣздъ какого-то воинственнаго народа, который на пути своемъ дѣлалъ страшныя опустошенія и звѣрства; когда дѣйствительно было нашествіе—достоверно неизвѣстно: одни говорятъ, лѣтъ 100 тому назадъ, другіе—200; также неизвѣстно и то какой это былъ народъ: по однимъ преданіямъ это были разбойники съ Волги, по другимъ—народъ, извѣстный подъ именемъ чуди; а, быть можетъ, это были бѣглецы Новгородцы или Поляки. Г. Мерцаловъ въ своей статьѣ: «Панскій наѣздъ» ¹⁾ говоритъ, что «въ Вологодской лѣтописи встрѣчается извѣстіе, что въ Сентябрѣ 1612 года польскіе и литовскіе люди съ черкасами и казаками пришли на Вологду безвѣстно, «изгономъ», города и посады выжгли и подъ предводительствомъ пана Голневскаго, гетмана Шелковецкаго и атамана Баловня воевали села и деревни и многихъ людей мучили и убивали. Шайки ихъ разсыпались по всему сѣверному краю и доходили даже до Холмогоръ»...

Быть можетъ такія шайки этихъ рыцарей безъ чести заходили и сюда, потому что по всѣмъ преданіямъ они извѣстны подъ именемъ пановъ. Паны прибыли въ Кадниковскій уѣздъ по однимъ преданіямъ съ низовья рѣки

¹⁾ Вологодскій Статистическій Сборникъ, издаваемый губ. стат. Комитетомъ, т. 5-й.

Кубены, по другимъ—изъ Вельскаго уѣзда, и было ихъ очень много, и жили нѣкоторые изъ нихъ долго, устраивали даже поселки свои, какъ это мы увидимъ ниже. По прибытіи своемъ навели на мѣстныхъ жителей сильнѣйшій страхъ, такой, что и теперь еще ихъ именемъ пугаютъ ребяташекъ, когда они расплачутся. Паны занимались грабежомъ, и ограбленные деревни нѣрѣдко сожигали, какъ это, на примѣръ, случилось съ деревней Куненской, Нижеслободской волости. Бывали случаи и сожиганія ими людей; вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ, какъ говоритъ преданіе. Когда паны прибыли въ деревню Хмѣлевскую, той же волости, то жители этой деревни отъ страха всѣ разбѣжались по лѣсамъ, остался въ деревнѣ одинъ только крестьянинъ, по имени Иванъ, которому и поручено было разбѣжавшимися жителями хранить ихъ имущества, зарытыя въ землю. Иванъ залѣзъ у себя въ домъ въ стогъ соломы, думая тѣмъ спастись отъ пановъ, но ошибся—паны открыли его убѣжище и потребовали показать имущества, будучи увѣрены, что онъ знаетъ ихъ, коли не убѣжалъ самъ. Иванъ отвѣтилъ имъ, что «знать не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ» ни о какомъ имуществѣ. Паны сильно озлились на него и стали пытаться: рвать жилы, ногти, но все было безуспѣшно; тогда они разложили у ручья,—что близъ деревни—огонь, на который, т. е. на огонь и положили Ивана и начали медленно жечь, не переставая спрашивать, гдѣ находится имущество, но Иванъ былъ мужикъ непреклоннаго характера и постоянно твердилъ одно и то же: «знать не знаю и вѣдать не вѣдаю»,—съ тѣмъ и умеръ. Послѣ этого событія и ручей сталъ называться Ивановскимъ и до сихъ поръ носить это названіе. Это событіе было такъ давно, что деревня Хмѣлевская тогда состояла изъ 3—4-хъ домовъ, а теперь въ ней около 70-ти. Но паны были и послѣ того въ этой, или, по крайней мѣрѣ, по преданію, вблизи этой деревни. Вотъ какъ говоритъ преданіе: Въ трехъ верстахъ отъ сказанной деревни, на берегу р. Кубены, при сліяніи ея съ Ембою, была битва «нашихъ» съ «панами». Паны приплыли туда въ лодкахъ, съ низовья Кубены, и хотѣли устроить тутъ городъ (вѣроятно, только поселокъ), но наши имъ не позволили, отчего и произошла битва, продолжавшаяся очень долго и которая была тяжела для обѣихъ сторонъ, но наши, въ концѣ концовъ все-таки побѣдили, главному начальнику ихъ выкололи лѣвый глазъ, а имущество ихъ отняли и раздѣляли между собою. Много было убитыхъ особенно пановъ; но однако нѣкоторые изъ нихъ спаслись—тѣмъ, что побросались въ свои лодки и поплыли опять въ низъ по теченію Кубены, откуда и прибыли. Наши тогда ничего подѣлать не могли, такъ какъ не имѣли лодокъ. Доказательствомъ вѣроятности происшедшаго, пожалуй, можетъ служить найденная на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, происходила битва, сѣкира (родъ топора), которая находится у пишущаго сіи строки.

Паны ходили всюду, нерѣдко и по одиночѣ; такъ, напримѣръ, одинъ крестьянинъ деревни Якуненской, той же волости, по прозванію «Олень», разъ встрѣтилъ въ своей поскотинѣ пана, который, впрочемъ, задолго до этого добивался встрѣчи съ Оленемъ, у котораго по слухамъ хранилось имущество и деньги всей деревни, и паны это знали (вѣроятно, этотъ былъ ихъ лазутчикъ). Олень, встрѣтивши пана, видитъ невозможность для себя защититься отъ него, такъ какъ панъ былъ вооруженъ копьемъ, а у Оленя не было даже и палки; видя это, онъ пустился на хитрость. Онъ началъ быстро удирать отъ пана по направленію ближайшей изгороди, перепрыгнувъ черезъ нее, тутъ же засѣлъ подъ елкой, вслѣдъ за нимъ прибѣжалъ и панъ и, чтобъ скорѣе перепрыгнуть черезъ изгородь, онъ сперва перебросилъ черезъ нея копье, что и нужно было Оленю; онъ тогда выскакиваетъ съ быстротою настоящего оленя и, схвативши панское копье, тутъ и приколотъ послѣдняго. Копье это долго хранилось въ деревнѣ, какъ трофей побѣды, но, къ сожалѣнію, въ послѣднее время одинъ кузнецъ исковалъ его на ножи: «сталь-то ужъ очень хороша»!... объяснилъ намъ кузнецъ. Одежда пановъ была черная, длинная, на манеръ монашеской.

По преданіямъ, въ Ембской волости паны были ни кто иной, какъ разбойники съ Волги. На счетъ одежды преданія сходны съ преданіями Нижеслободской волости.

Изъ пребыванія пановъ въ Ембской волости сохранилось слѣдующее преданіе: Пріѣхавши въ Ембу, паны вознамѣрились убить Антона, крестьянина дер. Агафоновской, слышшаго за богатыря, но это не удалось имъ: Антонъ всюду оказывался побѣдителемъ, однажды даже уздечкой одному повстрѣчавшемуся пану выбилъ всѣ зубы. Беззубаго пана, уже старикомъ послѣ того, кто-то выдалъ въ Пошехоньѣ, гдѣ онъ занимался уже хлѣбопашествомъ.

Послѣ нашествія пановъ, въ Ембской волости найдены были во многихъ мѣстахъ копыя и проч.

У пишущаго сіи строки, между прочимъ, была глинянная фляжка, изящной работы и древней конструкціи, съ гербами по бокамъ ея, пріобрѣтенная имъ въ дер. Исаковской, Ембской волости; эта фляжка въ настоящее время находится въ Вологдѣ, въ вологодскомъ музеѣ древностей, что при домикѣ Петра Великаго. По преданію, фляжка эта была подарена однимъ паномъ одной старухѣ, отъ которой происходитъ то семейство, гдѣ до сихъ поръ хранилась эта фляжка. Вотъ что говоритъ преданіе объ этомъ подаркѣ: Когда паны пріѣхали изъ Вельскаго уѣзда въ эту деревню, т. е. Исаковскую, состоявшую тогда изъ трехъ дворовъ (а нынѣ ихъ 50), то жители этой деревни, по примѣру другихъ, разбѣжались въ лѣса; въ деревнѣ осталась одна лишь старуха, которая не испугалась (быть можетъ не могла отъ

старости убѣжать) пановъ и встрѣтила ихъ по русскому обычаю съ хлѣбомъ и солью. Это очень понравилось главному изъ пановъ и онъ убѣжая подарилъ ей эту фляжку, говоря: «на, старуха, это тебѣ на память».—На вопросъ старухи, что они за люди? панъ отвѣтилъ, что «вольные, съ Волги, ѣздимъ по Руси народъ въ свою шайку забирать, главный же нашъ начальникъ живетъ на Волгѣ». Были ли эти дѣйствительно «вольные люди» съ Волги, Стеьнки ли Разина отряды или Пугачева, или просто Поляки съ Литовцами, нагавшіе старухѣ, не желая открыть ей своего имени и ремесла,—преданіе объ этомъ умалчиваетъ.

Въ Митюковской волости, въ лѣсныхъ пустошахъ подъ названіемъ:—Фоминская, Родіониха, Слюниха, Матрениха и Лѣсная,—не далеко одна отъ другой отстоящихъ, жили въ старину тоже какіе-то люди, которыхъ по преданію народъ тоже называетъ панами; но эти паны занимались мирнымъ ремесломъ—хлѣбопашествомъ и охотой. Какой тутъ жилъ народъ? Откуда онъ пришелъ, куда и почему скрылся?—преданіе тоже умалчиваетъ, но что люди тутъ жилали—это удостовѣряется сохранившимися до сего времени на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, какъ указываетъ преданіе, они жилали, обломками кирпичей, отъ нѣкогда существовавшихъ печекъ, а также замѣтны борозды-слѣды пашни, не смотря на то, что на такихъ мѣстахъ выросъ уже строевой лѣсъ.

Въ Азлецкой волости есть пустошь Ивониха (Иваниха-тожь), гдѣ прежде была деревня Иваниха, въ этой деревнѣ встарь долго жили паны, занимавшіеся набѣгами съ цѣлю грабежа въ сосѣднія деревни. До настоящаго времени еще сохранились слѣды этой деревни: отброски отъ желѣза, гдѣ находилась тогда кузница и множество кирпичей. Тутъ же, неподалеку, есть холмъ, имѣющій видъ насыпи и около его—остатки какого-то строея іа.

Паны жили и въ Троицко-Енальской волости, гдѣ, по преданію, они и окончили свою разбойническую дѣятельность: часть ихъ была взята нашими войсками, неизвѣстно откуда пришедшими, а часть—разбѣжалась. Они разграбили деревню Родіоновскую и награбленное имущество зарывали въ землю въ своемъ поселкѣ, который гдѣ-то недалеко отъ этой деревни находился. Изъ этого поселка они дѣлали набѣги на сосѣднія деревни; особенно часто они производили грабежъ въ Ухтомской волости; во время гулянія тамъ 16 Іюня они производили страшный переполохъ своимъ неожиданнымъ появленіемъ. Стоило только появиться на это гуляніе 20—30 панамъ, какъ вся масса народа бросалась бѣжать куда кому попало, оставляя даже и имущество свое, чтѣ конечно было панамъ на руку.

Награбленные деньги паны зарывали въ землю; о такихъ кладахъ много бывало и записей, по которымъ нерѣдко и находили ихъ. Вотъ преданіе объ одномъ изъ такихъ кладовъ: въ Троицко-Енальской волости была прежде церковь

деревянная, отъ того мѣста, гдѣ она находилась, нужно взять прямую линію на гору, гдѣ находился панскій поселокъ, и вотъ тамъ, при скрещиваніи этой линіи съ прямою же линіею отъ ближайшей деревни (Вакланово), зарыть въ землю пивной котелъ, наполненный серебромъ и золотомъ: котелъ этотъ, какъ говоритъ преданіе, находится подъ громаднымъ камнемъ.

Въ той же волости, если ѣхать на Вотчу, то на пути будетъ мѣстечко, называемое «Большая осина», гдѣ зарыть въ землю панами цѣлый котелъ денегъ, исключительно золотой монеты; но, чтобы найти его, нужно спѣть 40 пѣсень, не упоминая ни друга, ни подружки, и кромѣ того во время пѣнія надо находиться на осинѣ вверху ногами. Много было попытокъ къ отысканію этого вклада, но всё онѣ кончались безуспѣшно, такъ какъ никто не могъ найти во 1-хъ 40 пѣсень безъ друга или подруженьки, а во 2-хъ—никто не въ состояніи столь долго находиться въ висячемъ положеніи на воздухѣ, къ тому-же внизъ головой; такъ кладъ и не открытъ.

Близъ деревни Заозерья, Нижеслободской волости, есть тоже кладъ — корчага золота. Кладъ этотъ находится въ 100 саж. въ южную сторону отъ озера. Попытокъ отыскать этотъ кладъ было дѣлано много, но все безуспѣшно,—кладъ и по сіе время находится не открытымъ.

Въ другихъ мѣстахъ такія попытки будто бы увѣнчивались успѣхомъ. Такъ разсказываютъ, что крестьянинъ деревни Засухинской, Нижеслободской же волости, по имени Панкратъ, умершій лѣтъ 50 тому назадъ, разъ въ своей жизни нашелъ кладъ: корчагу золота и серебра. Кладъ этотъ найденъ Панкратомъ единственно по указанію преданія: гдѣ онъ по преданію долженъ быть, тутъ дѣйствительно и оказался. Отыскалъ онъ этотъ кладъ съ другимъ крестьяниномъ, но деньги получилъ одинъ всё, обманувъ своего товарища.

Объ этой находкѣ говорятъ слѣдующее: Панкратъ, дорывшись до корчаги, вдругъ бросилъ свой заступъ, и, быстро выскочивъ изъ ямы, побѣжалъ и крикнулъ: «пугаетъ! бѣжи и ты—задавить!» и товарищъ его тоже побѣжалъ, отступившись отъ вклада. (Въ ту пору, вслѣдствіе невѣжества, слово «пугаетъ» производило паническій страхъ у слышавшихъ его, да и теперь еще недалеко ушли крестьяне данной мѣстности отъ подобныхъ суевѣрій). Когда они прибѣжали домой, то Панкратъ тайно отъ товарища сходилъ туда и досталъ эту корчагу и съ тѣхъ поръ зажилъ богато. Потомки его и теперь еще въ своей деревнѣ слывуть за богачей. Было-ли это правда или ложь—рѣшить не беремся, но думается, что правда, такъ какъ намъ лично известны два случая находженія кладовъ въ Кадниковскомъ уѣздѣ, а именно: Одинъ крестьянинъ вблизи самаго г. Кадникова, копавшій глину, отрылъ корчагу серебра, вѣсомъ около 1 пуда; всё монеты были копѣчнаго достоинства и треугольной формы. Это было въ 1877 году. Затѣмъ, одна крестьянка Маныловской волости, дер. Докукинской, жавши въ

полѣ рожь нашла глиняную кубышку, наполненную серебряной монетою, тоже копѣчнаго достоинства, съ надписями на нихъ: «Великій князь Иванъ». Нѣсколько штукъ такихъ монетъ приобрѣтено отъ послѣдней и пишущимъ сіи строки, остальные же она распродала по коммерчески — 15 коп. за штуку. Кладъ этотъ открытъ въ 1887 году.

6. Повѣрья, суевѣрія, ворожба и заговоры.

По мѣстнымъ вѣрованіямъ, умершій человѣкъ, въ 40-й день послѣ своей смерти, приходитъ невидимо домой, чтобы посмотрѣть и узнать, какъ живутъ его семейные и сожалѣютъ-ли о его кончинѣ, а потому въ этотъ день некутятся шаньги (родъ блиновъ) и ставятся они подѣ иконы, на почетное мѣсто, чтобы было чего умершему покушать, когда онъ придетъ. Въ этотъ день вся семья находится въ слезахъ, желая увѣрить тѣмъ умершаго, что онъ имъ дорогъ, и что безъ него стало жить плохо. Къ вечеру, видя шаньги нетронутыми, конечно, — женщины начинаютъ «причитать», горько жалѣя и о томъ, между прочимъ, что онъ (умершій-ая) «не изволилъ ничего покушать».

Есть такое повѣрье, что кто желаетъ быть невидимымъ, то долженъ, во время пасхальной утрени или обѣдни придти въ баню и найти тамъ «баника» (нечистый духъ, завѣдующій банями), который въ это время обыкновенно спитъ, снять съ него шапку и съ такой шапкой бѣжать какъ можно скорѣе въ церковь, — если успѣешь добѣжать до церкви, прежде чѣмъ баникъ догадается о томъ, то желаніе смѣльчака будетъ исполнено: въ этой шапкѣ онъ будетъ невидимъ, въ противномъ случаѣ ему угрожаетъ смерть — баникъ ни за что не проститъ такой дерзости, догонитъ его и убьетъ. Но разъ человѣкъ добѣжалъ до церкви съ такою шапкою, — сила баника парализована; онъ уже никакого вреда сдѣлать смѣльчаку не можетъ.

Въ Троичинѣ вѣрятъ также и въ слѣдующее врачебное средство: Если нарвать на канунѣ Иванова дня — 23-го іюня — пучъ разныхъ травъ и цвѣтотъ (особенно папоротника) и такимъ пучкомъ въ банѣ, — которую слѣдуетъ истопить въ тотъ день какъ можно жарче, — обтереть свое тѣло, то въ продолженіи цѣлаго года не познаешь никакой болѣзни.

Отъ свирѣпствующей въ деревнѣ эпидеміи, по мнѣнію мѣстныхъ крестьянъ, можно избавиться слѣдующимъ образомъ: Если заболѣваніе еще не коснулось дома, то вбиваютъ въ косякъ дверей лошадиную подкову, черезъ которую болѣзнь не можетъ перейти. Когда заболѣлъ кто нибудь изъ семейства, то для предупрежденія распространенія болѣзни, остальные члены семьи шагаютъ черезъ горящій на сковородкѣ вересъ, что называется, какъ уже сказано, «окуриваются». Окурившіеся — виѣ опасности. Когда же случается, что и

окурившійся, не смотря на это, заболѣваетъ, то это объясняется тѣмъ, что въ числѣ окуривавшихся былъ человекъ «нечистый», «поганый», и горе тому, на кого падеть подозрѣніе!

Если же эпидемія появилась гдѣ нибудь по близости, но не въ самомъ селеніи, то, чтобъ не допустить ея въ селеніе, вокругъ него обѣзжаютъ съ сохой и бороной вверхъ зубьями; бабы при этомъ, взявши по вѣнику-голику, идя за сохой, съ распущенными косами, неистово кричатъ и машутъ голиками, желая тѣмъ «напугать» болѣзнь. Но это суевѣріе осталось еще въ самыхъ отдаленныхъ отъ врачебныхъ пунктовъ деревняхъ, въ ближайшихъ же къ нимъ—оно уже не существуетъ.

Отъ чесотки лѣчатся слѣдующимъ образомъ: натапливаютъ жарко баню и тамъ по окончаніи хвостанья (стеганія себя вѣникомъ), натираютъ больное мѣсто золой изъ каменцы (банной печи).

Ребенка, только-что родившагося, прежде всего приносятъ къ отцу, который долженъ его поддержать на рукахъ своихъ и поцѣловать еще не обмытаго. Это дѣлается для того, чтобъ отецъ любилъ своего ребенка не переставая.—Для этой же цѣли, новорожденного, при крещеніи, одѣваютъ въ грязную отцовскую рубаху, нерѣдко даже въ подштанники, и не смотря на увѣщеванія священниковъ, что грубо и не человѣчно одѣвать или вѣрнѣе—обвертывать ребенка въ какое нибудь дегтярное или пропотѣвшее отцовское рубище,—все-таки обычай этотъ существуетъ. Даже вымыть такое рубище не полагается, ибо тогда смоеся «отцовская любовь».

При началѣ косьбы, натачивая косу, говорятъ:

«Коси коса гладко,
Люби коса лопатку,
Лопатка песокъ,
Косецъ пирожокъ»,

и не ѣдятъ соломать (любимая крестьянами ѣда, приготовляемая изъ толокна, смѣшаннаго съ водою, солью и масломъ) до тѣхъ поръ, пока не поставятъ первый зародъ сѣна. Такъ поступаютъ для того, чтобъ не сгнило сѣно и не было черно.

Когда городятъ осѣкъ, т. е. изгородь вокругъ скотскаго выгона, то во весь этотъ день, какъ и въ послѣдующіе, не берутъ съ собою пища, а работаютъ голодные. Въ эти дни не борются, не сдираютъ съ деревъ коры и начинаютъ это дѣло непременно въ скоромный день. Не ѣдятъ въ этотъ день для того, чтобъ не съѣлъ медвѣдь коровы, не борются,—чтобъ не было борьбы коровы съ медвѣдемъ, не дерутъ коры, чтобы медвѣдь не содралъ съ коровъ кожи; въ скоромный же день начинаютъ работу для того, чтобъ не убилъ медвѣдь коровъ, вслѣдствіе чего пришлось бы остаться на постной пищѣ.

Если коровы не пришли къ ночи домой, то хозяинъ ихъ идетъ на то мѣсто, гдѣ они ночевали, беретъ съ него немного земли, которую и разсыпаетъ по двору. Послѣ этого скотъ долженъ приходить въ каждый день аккуратно во дворъ.

Чтобъ уберечь скотъ отъ истребленія медвѣдемъ, нужно найти медвѣжью голову и зарыть ее въ воротахъ двора.

Привораживаютъ, т. е. приучаютъ собаку нового хозяева такъ: берутъ кусокъ хлѣба и обкладываютъ имъ вокругъ себя и собаки трижды, и этотъ хлѣбъ отдаютъ собакѣ съѣсть; послѣ этого собака не должна убѣжать къ своему прежнему хозяину.

Отстриженные ногти не бросаются, а складываются въ одно мѣсто, такъ какъ они пригодятся въ будущей жизни. По повѣрью, послѣ смерти на тотъ свѣтъ придется лѣзть въ гору, на что необходимы хорошіе ногти. Не стригутся ногти и въ чужомъ домѣ, изъ-за боязни поссориться съ хозяиномъ дома.

При колотья рыбы «съ лучемъ», первую заколотую рыбу должно зарыть въ землю, какъ-бы она не была велика, что дѣлается для того, чтобъ во всю осень былъ удаченъ ловъ ея.—Когда ставятся кражи для зайцевъ, то перваго зайца не берутъ по той же причинѣ.

Когда весною плывутъ на баркахъ или плотахъ, и на берегу увидятъ зайца, то говорить объ этомъ нельзя, потому что упомянувъ слово «заяць» — вызовешь несчастье (вѣроятно потому, что зайца считаютъ самымъ несчастнымъ изъ животныхъ, такъ какъ его даже птица и та обидитъ): разобьетъ барку или плотъ, или то-ли другое посадишь на мель. Свистать во время сплава тоже не полагается.

Если въ какую-либо осень появилось много той или другой дичи или звѣря, то говорятъ, что «нашъ лѣшій выигралъ это у другаго», если мало — значитъ, проигралъ.

Земляной медвѣдь (кротъ), по понятію крестьянъ, очень полезенъ тѣмъ, что будучи высушенъ и положенъ въ воротахъ двора, ограждаетъ скотъ отъ истребленія звѣрьми.

При закладкѣ амбара, надъ четырьмя угловыми камнями, идущими подъ закладныя бревна, говорятъ: «святы Боже, святы крѣпки, святы безсмертны помилуй насъ!», и затѣмъ плюнувъ по три раза на каждый камень ограждаютъ этимъ отъ пребыванія въ немъ мышей.

При началѣ жатвы, первая горсть хлѣба затыкается жноцами за поясъ и съ него жнутъ до обѣда. Это дѣлаютъ для того, чтобы ве уставала спина. По окончаніи жатвы овса, оставляется на послѣдней полосѣ часть, съ однимъ снопомъ не болѣе, несжатую и къ концу жнитва вся семья приходитъ дожидать эту полосу, храня гробовое молчаніе, и оставляя недожатыми нѣсколько

волоконъ, которыя беретъ наибольшій изъ семьи и закручивая ихъ, не срывая, говорить: «Вотъ тебѣ, Илья (Илья пророкъ, который считается у крестьянъ главнымъ кормильцемъ и поильцемъ людей и скота, такъ, какъ по ихъ понятію, онъ производитъ дождь и громъ), борода, а ты пой и корми моего добраго коня!» Затѣмъ сжатое связывается въ одинъ снопъ и снопъ, этотъ приносится домой, гдѣ и станится въ переднемъ углу. Простоявъ тамъ нѣсколько дней, уносится въ сѣнникъ (клѣтъ), гдѣ и лежитъ до Покрова дня, когда его отдаютъ скоту, чтобъ онъ не околѣлъ съ голоду и холоду во время зимовки.

При закладкѣ новаго дома, кладется подъ закладныя бревна нѣсколько звонкихъ монетъ, дабы жилось богаче. При переходѣ же, послѣ раздѣла, въ новый домъ соблюдается слѣдующее: переходать въ «глухое время» — полночь — и такъ, чтобъ никто изъ семейниковъ не зналъ. Напримѣръ, если мужикъ съ женой и дѣтьми переходитъ отъ брата, то сначала онъ одинъ перейдетъ, а затѣмъ уже на 2-й переходитъ и жена его съ дѣтьми. Прежде чѣмъ войти въ избу, впускаютъ туда цѣтуха и ждуть, не запоетъ ли скоро, если запоетъ, то значить въ новомъ домѣ заживется весело, а если не запоетъ, то на оборотъ.

При настилкѣ потолка въ новомъ домѣ, къ одному брусу, называемому «матыца», привязывается коровай хлѣба и соли, дабы жилось сытѣе.

Тѣ угли, которые быстро выскакиваютъ изъ печи, во время ея топки, убираются женщинами, и во время родовъ съ этихъ углей пьютъ воду, чтобъ родить также скоро, какъ тѣ угли высочили изъ печи. Съ этою же цѣлью пьютъ настой изъ травы, называемой здѣсь «прострѣль».

При посѣвѣ озимаго, не ѣдятъ въ полѣ ничего, дабы не съѣлъ озимь червь, а яровое сѣется, положивши въ сѣмена просфору.

Большаго кумухой (лихорадкою) лѣчатъ такъ: пишутъ на доскуткѣ бумажки начальныя и конечныя буквы каждаго слова молитвы, начинающейся словами: «Иже за всякое время, на всякій часъ»...

При воспаленіи какого бы то ни было мѣста, прикладываютъ къ воспаленному мѣсту глину, размѣшанную въ квасѣ.

Застарѣлыя раны лѣчатъ творогомъ, прикладываемымъ къ ночи; свѣжія же раны — настоемъ водки съ березовыми почками.

Бѣльмо на глазахъ спогяютъ виномъ, настояннымъ съ камфорою: приемъ такъ: утромъ и вечеромъ спускать по 1 каплѣ.

Чтобы спорился хлѣбъ, кладутъ въ амбаръ какую-нибудь глиняную фляшку или горшокъ, наполненный всякимъ житою.

Когда отелится корова, то ее доятъ 8 сутокъ въ нечистую посуду и молоко это отдаютъ теленку, затѣмъ уже доятъ въ чистую, но передъ этимъ хозяйка вливаетъ въ эту посудину воды, приготовляетъ горячихъ угиле, ладану

и мѣшокъ, потомъ начинаетъ молиться Богу. Засимъ беретъ все приготовленное, встаетъ къ печному столбу и говоритъ: «Матушка, коровушка, стой также крѣпко, какъ вотъ этотъ столбъ», потомъ обмываетъ и обтираетъ мѣшкомъ корову, приговаривая: «косточки, суставчики, собирайтесь въ одно мѣстечко», и «какъ скоро насыпается въ мѣшокъ зерно, такъ скоро наливайся у коровушки молочко», и наконецъ окуриваетъ корову ладаномъ на горячихъ угляхъ. Теленка же держать отъ 1 до 2-хъ недѣль въ избѣ. Приносятъ его въ избу къ мѣшкѣ и тотчасъ же прикладываютъ къ печной заслонкѣ, приговаривая: «Какъ эта заслоночка держится печки, также крѣпко держись и ты своего двора».

О томъ, сколько человѣкъ будетъ въ томъ семействѣ, въ которомъ дѣвущкѣ придется жить по выходѣ замужъ, гадаютъ, или по мѣстному выраженію—«ворожатъ», слѣдующимъ образомъ: берутъ въ руки столько соломенокъ (понятно не мятыхъ), сколько можно захватить и бросаютъ ихъ въ нетесанный потолокъ, изъ круглыхъ бревень; число застрявшихъ въ щеляхъ потолка соломенокъ обозначаетъ число членовъ того семейства, въ которомъ будетъ жить гадальщица.

Чтобъ узнать, съ которой стороны пріѣдетъ женихъ или въ которой сторонѣ онъ живетъ, дѣвицы выходятъ въ святки на то мѣсто, гдѣ скрещивается нѣсколько дорогъ, и на этомъ мѣстѣ кружатся до тѣхъ поръ, пока не упадутъ. Куда, т. е. въ которую сторону упадетъ та или другая дѣвица головою, оттуда и должно ждать собѣ жениха.

О пригожести или уродствѣ жениха узнаютъ слѣдующимъ образомъ: прибѣгаютъ къ полѣнницѣ съ дровами; закрывши глаза берутъ на угадъ первое попавшееся подъ руку полѣно, и съ нимъ каждая дѣвица бѣжитъ на бесѣду, гдѣ эти полѣнья тщательно разсматриваются: у которой оно окажется прямымъ и гладкимъ, то выйдетъ за красавца, а у которыхъ полѣнья окажутся кривыми или шаршавыми, будутъ имѣть жениха криваго, хромаго или испещреннаго оспою.

Во время рекрутскаго набора, родители рекрута, желая узнать, будетъ-ли ихъ сынъ принятъ въ солдаты, ворожатъ такъ: на ночь кладутъ во дворъ сапоги его и на утро осматриваютъ ихъ, если они пошевелены и лежатъ на другомъ мѣстѣ, то сынъ будетъ принятъ—и на оборотъ. По повѣрью, если сынъ будетъ принятъ въ солдаты, то «дворовушко» перевернетъ сапоги, или «поплачетъ», или же другимъ какимъ-либо движеніемъ, но непременно дастъ знать о томъ съ напряженіемъ, слѣдящимъ за этимъ въ послѣднюю ночь передъ наборомъ родителямъ...

О смерти гадаютъ слѣдующими способами: а) когда дожавши послѣднюю полосу, семья собирается уже домой, тогда бросаютъ черезъ голову серпы,

и чей серпъ воткнется въ землю, тотъ и умретъ, не доживши до слѣдующей жатвы; б) когда въ день имянинъ неудачно испекутся пироги, то это считается тоже за признакъ того, что имянинникъ въ этомъ году умретъ; в) въ ночь на Новый годъ всѣ члены семьи берутъ по ложкѣ и, зачерпнувъ ими воду, выносятъ ихъ въ холодное мѣсто, а на утро осматриваютъ: у кого въ ложкѣ вода застыла съ небольшимъ хотя углубленіемъ въ срединѣ, тотъ умретъ въ этомъ году, а у кого она застыла ровно или даже съ бугоркомъ, тотъ будетъ жить; г) въ эту же ночь ставятся гдѣ-нибудь около дома полѣнья дровъ въ сѣвѣгъ и на утро тоже осматриваютъ—чье полѣно упало, тотъ и умретъ.

Чтобы найти потерянную вещь, нужно завязать на полотенцѣ узелокъ и не развязывать до тѣхъ поръ, пока утерянная вещь не найдется.

Сѣверное сіяніе означаетъ войну.

Солнечное затмѣніе обозначаетъ бѣду, случившуюся надъ кѣмъ-нибудь изъ царствующаго дома.

О томъ, любятъ-ли такіе-то (парень и дѣвица) другъ друга, дѣвицы въ святки ворожатъ слѣдующимъ образомъ: Берутъ сковородку, наполняютъ ее водою, спускаютъ туда два нитяныя шнура къ краямъ сковородки и такъ, чтобы они находились одинъ противъ другаго и, раскручиваясь, сходились бы на срединѣ ея, должны закрутиться въ одну веревку. Закрутились—значитъ загаданныя особы любятъ другъ друга и скоро повѣнчаются. Вывадетъ иногда и такъ, что одинъ изъ шнуровъ (напр., долженствовавшій показать отношеніе парня къ дѣвицѣ), отходитъ отъ другаго, а тотъ, дѣвичинъ, напротивъ, стремится къ нему; это объясняютъ такимъ образомъ, что парень не любитъ загаданной дѣвицы, сватаетъ другую, а дѣвица его любитъ всѣмъ сердцемъ и упрасиваетъ не жениться на другой. Присутствующая тутъ же дѣвица сильно печалится этимъ, и на глазахъ ея навертываются слезы, до того сильна вѣра въ это гаданіе.

Чтобы узнать, богато-ли будетъ житься въ замужествѣ, въ святки же дѣвицы бѣгаютъ, около полуночи, къ хлѣбнымъ амбарамъ слушать, затаивъ дыханіе, у замка: если въ амбарѣ чувствуется шорохъ, похожій на то, какъ бы рожь въ сусѣвѣ пересыпалась, то значитъ, будетъ житься богато; если почувется, что грызутъ дерево мыши,—бѣдно.

Чтобы узнать, которая изъ дѣвицъ выйдетъ всѣхъ скорѣе замужъ, ворожатъ слѣдующимъ образомъ: берутъ нѣсколько овса и раскладываютъ его на полу въ кучки, по числу участвующихъ дѣвицъ, затѣмъ выпускаютъ изъ голбца пѣтуха, и вотъ онъ, которую кучку начнетъ скорѣе клевать, та дѣвица и выйдетъ всѣхъ скорѣе замужъ.

У того, кто ѣстъ не снимая шапки, по повѣрью, теща будетъ глухая
Чешется вдоль по носу—быть въ семьѣ покойнику.

Если лошадь или другое какое-нибудь домашнее животное, купленное на сторонѣ, будетъ сытымъ, гладкимъ, вообще удачно оклиматизируется, — это значитъ, что пришлось «по двору», «дворовушко полюбилъ». Любовь дворовушка выражается по отношенію къ лошадямъ въ сплетеніи (въ скручиваніи) ихъ гривы въ веревку, что, по повѣрью, является положительнымъ признакомъ любви. Вѣра въ подобное очень глубока у жителей.

Теперь перейдемъ къ заговорамъ. Вѣра мѣстнаго населенія въ силу заговоровъ, какъ, впрочемъ, и въ силу повѣрій и гаданій, вслѣдствіе слабой степени умственного развитія, не преборима и, вѣроятно, останется таковою до тѣхъ поръ, пока невѣжество не будетъ вытѣснено знаніемъ. Заговоры, какъ и всякое суевѣріе, бесспорно языческаго происхожденія и, тамъ, гдѣ цивилизація давно уже существуетъ и глубоко пустила свои корни, если можно такъ выразиться, тамъ, конечно, заговорамъ нѣтъ мѣста, но въ данной же мѣстности ихъ такъ много, что приводить ихъ въ настоящемъ очеркѣ всѣ не считаемъ возможнымъ, тѣмъ болѣе, что въ числѣ ихъ много даже не удобныхъ для печати, а ограничимся только нѣсколькими.

а) Заговоръ охотника отъ злаго человѣка ¹⁾.

Встану я, рабъ Божій (имя рекъ),	Зайца, лисицу,
Благословясь,	Полениковъ и рябей,
Пойду перекрестясь:	Волковъ и медвѣдей,
Изъ избы въ двери,	На синихъ моряхъ,
Изъ дверей въ ворота,	Озерахъ и рѣкахъ
Во чистое поле,	Буду я бить:
За овраги — темные,	Гусей, лебедей,
Во лѣса — дремучіе,	Стрыхъ утиць.
На тихія болота,	Кто злой человѣкъ
На веретище (древне-поле),	На меня, раба Божія (имя рекъ),
На горы высокія.	Иль на собаку мою,
Буду я въ лѣсахъ	Иль на ружье мое
Добраго звѣря бить:	Пойметъ злобу.—
Вѣлку, куницу,	

то въ тотъ день никого не убить, сколько не стрѣлай, а если взглянетъ на собаку, то ей никакой дичи не найти. Но эта преграда не существуетъ, если охотникъ, собираясь на охоту, проговорить приводимый здѣсь заговоръ.

Тому бы злomu человѣку:	Воду выпить,
Съ берега синя моря	Въ лѣсу — лѣсъ перечеть,
Песокъ вызыбать,	Суцье сосновое и еловое
Изъ синя моря	И ячменную мякину

¹⁾ Крестьяне вѣрятъ, что если, идя на охоту, повстрѣчается имъ злой человѣкъ и впервые взглянетъ на ружье, то въ тотъ день никого не убить, сколько не стрѣлай, а если взглянетъ на собаку, то ей никакой дичи не найти. Но эта преграда не существуетъ, если охотникъ, собираясь на охоту, проговорить приводимый здѣсь заговоръ.

Въ глазахъ износить,
Дресвянной камень
Зубамъ перегрызть.
Не кому моего промысла
Не оговорить и не озавидовать
Какъ Божья милость возстасть—
Въ бурѣ и падерѣ
Ломить темные лѣса,
Сухіе сырые коренья—
Вотъ такъ бы у того

Лихаго, влаго человѣка,
Сердце, кости и суставы бы ломило.
И такъ по Божьей милости
Громъ гремитъ
И стрѣла, летаетъ за дьяволомъ.—
Такъ бы такая же стрѣла
Пала на того влаго человѣка.
Будьте мои слова и крѣпки и мѣтки!
Аминь! (повторяется трижды).

б) Заговоръ о томъ, какъ приворожить въ себѣ дѣвицу:

Встану я, рабъ Божій (имя рекъ),
Благословясь и перекрестясь,
И пойду я, рабъ Божій (имя рекъ)
Изъ избы въ двери,
Изъ дверей въ ворота,
Во чистое поле,
Въ восточную сторону.
На восточной сторонѣ
Есть бѣлополотнянное шатрище,
Въ бѣлополотнянномъ шатрищѣ,
Сидитъ храбръ Вихоръ—Иванычъ,
У храбра Вихря Иваныча
Есть двѣнадцать братцевъ,
Двѣнадцать разсылщичковъ;
Разсылаетъ, посылаетъ
По всеѣмъ сторонамъ...
Пошли мои слова,
Храбръ Вихрь-Ивановичъ,

Рабъ Божіей (имя рекъ),
Гдѣ бы эти слова
Ея рабу Божію (имя рекъ)
Не захватили:
Въ пути-ли дорогѣ,
Сидящую-ли спящую,
Такъ бы ударили ея
Въ ротъ и животъ,
И въ горячую кровь!
Не могла-бъ безъ меня
Она не жить не быть,
Не день дневать,
Не ночь ночевать,
Не часъ часовать...
Будьте мои слова
И крѣпки и лѣпки,
И заперты они
Ключами, замками!...

Заговоръ этотъ нужно проговорить парясь въ банѣ и когда выйдешь изъ бани, то вѣникъ нужно бросить черезъ голову на-отмашь. Весьма полезно, говорятъ вѣрующіе въ силу заговора—для этой цѣли обтереть въ банѣ свое тѣло сахаромъ, солью и т. п. и сохраняя это, скормить съ какими нибудь сладостями дѣвицѣ, но чтобъ послѣдняя не догадалась объ этомъ, тогда цѣль будетъ достигнута.

в) Остановить кровотеченіе въ ранѣ:

Встану я, рабъ Божій (имя рекъ),
Благословясь и перекрестясь,
Пойду на восточную сторону,
Къ Океанъ—морю.
На Океанъ—морѣ
Стоитъ плита бѣлая,

На этой плитѣ бѣлой
Сидитъ красна дѣвица;
У красной дѣвицы
Въ рукахъ тарелочка
На тарелочкѣ иголочка
Со шелковою ниточкой.

Она той иголочкой
Шьетъ и ушиваетъ
И тоску унимаетъ

У раба Божія (имя рекъ)
Руду заклиняетъ....

Этотъ заговоръ нужно проговорить трижды и трижды же плюнуть въ рану.

г) На стоянку рыбы. (Этотъ заговоръ произносится при ловлѣ рыбы «съ лучемъ». Прежде всего требуется, по словамъ нашихъ кудесниковъ, чтобы рыболовъ воткнулъ свою острогу въ какуюнибудь колодину).

Встану я, рабъ Божій (имя рекъ),
Благословясь и перекрестясь,
И пойду изъ дверей въ ворота
На восточную сторону,
Помолюсь и покорюсь
Петру и Павлу,
Святымъ апостоламъ.
Петръ и Павелъ
Выносили ключи золотые,
Отпирали моря
Озера и рѣки глубокия,
И выгоняли рыбу

Изъ-подъ тины, колодины,
Изъ-подъ горячаго камня;
Чтобъ не боялась она
Ни стуканья, ни будьянья,
Ни луча моего огненнаго,
А бѣжала-бъ на него,
Что на красное солнышко..
Будь въ моей статѣ
Ключъ и замокъ
Въ вѣкъ по вѣку
Отнынѣ до вѣку!..
Аминь! Аминь! Аминь!

д) Отъ чесотки на дѣтяхъ. Встану я, рабъ Божій (имя рекъ врачавателя),
и. т. д.

Въ чистомъ полѣ
Стоитъ баня,
Въ этой банѣ
Сидитъ чистая баба—
Она схвастываетъ,
Она споласкиваетъ
Уроки и призоры,
Завидости и переговоры,
Со чистаго лица,

Со ясныхъ очей,
Со буйной головы
И съ черныхъ бровей
Раба Божія (имя рекъ ребенка).
Не будь не уроковъ,
Не будь не призоровъ,
Не будь и завидости.
Не будь и переговоровъ!..
Аминь! (трижды).

е) Отъ падежа скота во дворѣ ¹⁾).

На стояломъ дворѣ
У раба Божія (имя рекъ хозяина)

Стану я выгонять
Скорби и болѣзни

¹⁾ Во время зимы, отъ холоду и голоду, нерѣдко скотъ падаетъ, т. е. околѣваетъ во дворѣ, но крестьяне убѣждены, что это случается не иначе, какъ отъ злаго глаза какогонибудь «лиходѣя», и потому достаютъ воддуна, знахаря, который, придя во дворъ, вбиваетъ тутъ въ разныхъ мѣстахъ 90 штукъ осиновыхъ кольевъ и приговариваетъ этотъ заговоръ.

Изъ разнаго скота:
Лошадей и телатъ,
Коровъ и жеребятъ,
Овецъ и свиней.
Полетите вы
Скорби и болѣзни
Во дремучіе лѣса
И на долгіе моха,
Во толстую дуплю,
Въ землю, коренье!...
Тамъ вы боляте,
Тамъ вы щемите
И тамъ вы палите,

ж) Отъ «порчи» на свадьбѣ.

Встану я, рабъ Божій,
Дружка княжая,
Благословясь и перекрестясь,
Со княземъ молодымъ
И княгиней молодой,
И со всѣмъ княжимъ поѣздомъ,
И пойду я изъ дверей въ двери,
Изъ воротъ въ ворота,
На широкую улицу,
И поставлю я тамъ,
Дружка княжая,
Желѣзный тынъ
Отъ земли до неба,
Отъ востока до запада,
Для оговорщицъ,
Для оговорщиковъ,
Отъ колдуновъ и колдуній.

з) Отъ зубной боли

Встану я, рабъ Божій (имя рекъ),
Благословясь и перекрестясь,
Пойду изъ дверей въ двери,
Изъ воротъ въ ворота,
Во чистое поле,

А у раба Божія (имя рекъ)
Ни какого скота:
Ни рогатаго,
Ни комалаго,
Ни пестраго,
Ни пѣгаго—
Не щемите и не палите...
Будьте мои слова
И крѣпки и лѣпки,
Въ вѣкъ по вѣку,
Отнынѣ до вѣку!
Аминь! (повторяется трижды).

Стану я запирать
Желѣзной этотъ тынъ
Двѣнадцатью замками,
Двѣнадцатью булатными ключами,
И брошу я эти ключи
По середѣ синя моря.
Какъ изъ синя моря
Портодѣямъ и портодѣйкамъ
Ключей не достать,
Такъ и у меня, раба Божія,
Дружки княжіе,
Ни князя молодого,
Ни княгини молодой
Не испортить, не довести,
Ни въ дверяхъ, ни въ воротахъ,
Ни во всѣхъ двѣнадцати вѣтрахъ! ¹⁾

Подъ красное солнце.
Выйду въ зеленыя луга,
Во зеленыхъ лугахъ
Стоитъ желѣзная баба,
На этой бабѣ

¹⁾ Проговариваеъ этотъ заговоръ дружка надъ головою жениха, отправляя его къ вѣнцу. Крестьяне вѣрятъ, что на свѣтѣ есть такіе колдуны,—мало того, что могутъ испортить жениха въ своемъ присутствіи и весь свадебный поѣздъ пустить волками (оборотнями) но даже не присутствуя—могутъ спустить порчу по вѣтру, и эта порча возмѣняетъ такое же дѣйствіе, что и лично. Вотъ почему въ этомъ заговорѣ и упоминается о 12-ти вѣтрахъ.

Стоять милостивый Ной.
Помолюсь и покорюсь
Милостивому Нюю:
Милостивый Ной!
Сходи на тотъ свѣтъ:
Не болятъ-ли тамъ зубы,
Не ноютъ-ли скулы,
Не пухнуть-ли десны?
Сходилъ Ной туда—
Не болятъ тамъ зубы,

Не ноютъ тамъ скулы,
Не пухнуть тамъ десны..
Вотъ такъ бы у раба Божія (имя рекъ).
Не болѣли бы зубы,
Не ныли бы скулы,
Не пухли бы десны..
Будь въ моей статьѣ
Ключи и замки
Въ вѣкъ по вѣку,
Отнынѣ до вѣку!..

и) Чтобъ не обожгла оса, слѣдуетъ трижды проговорить:

Осы, вы, осы,
Бумажные носы!
Есть у меня

Ножъ въ ножнахъ,
.....
Топоръ за поясомъ!

Послѣ этого, по повѣрью, осы теряютъ силу своего жала.

і) Приводъ медвѣдя:

Встану я, рабъ Божій (имя рекъ)
Благословясь и перекрестясь,
И пойду я на то мѣсто,
Гдѣ ушибъ медвѣдя.
Какъ мурашъ (муравей),
Жилища своего держится,
Такъ бы держался и медвѣдь
Своей ушибы,

И какъ мурашъ не страшится
И никого онъ не боится,
Посѣщая свое жилище,
Такъ бы и черный медвѣдь
Не боялся меня и не страшился
И также бы часто посѣщалъ
Свою ушибину!

Сидя на лабазѣ и проговоривъ трижды этотъ заговоръ, охотникъ вполне увѣренъ, что медвѣдь къ нему придетъ, но этого мало,—надо, чтобы онъ, медвѣдь, не задралъ его, однимъ словомъ надо его «сократить», обезоружить; для этого тоже народный умъ создалъ особый заговоръ, который мы приводимъ ниже:

к) Сократить медвѣдя.

Встану я, рабъ Божій (имя рекъ)
Благо ловясь и перекрестясь,
И пойду я по слѣдамъ
Егорія храбраго
На восточную сторону;
И попрошу Егорія храбраго:

«Сократи лѣснаго звѣра
Чернаго медвѣдя
По зубамъ и по лапамъ
И по ретивому сердцу!»
Чтобы онъ не злился,
Чтобы онъ не гордился...

Послѣ этого послѣдняго заговора охотникъ вполне увѣренъ, что не только медвѣдь придетъ, но что онъ и обезоруженъ; если случится, что предположенія его не оправдались, то приписывается это «злому глазу», повстрѣчающемуся ему на дорогѣ.

7. С в а д ь б ы.

Женятся молодые люди большею частью въ периодѣ отъ 18 до 25 лѣтняго возраста, а равно и дѣвицы выходятъ замужъ въ эти же годы. Выборъ жены дѣлается всегда, за немногими исключеніями въ послѣднее время, родителями и родственниками жениха. Невѣста, болѣе или менѣе слышущая въ своемъ кругу за «богачку», если къ тому же она «не бадованная»,—идеаль всѣхъ молодыхъ людей и ихъ родителей. Лучшей невѣсты и искать нечего, по ихъ понятію, прочія качества невѣсты, а равно и жениха, играютъ второстепенную роль при заключеніи брачнаго союза. «Не любятъ,—слюбятся», говорятъ, напр., родители той и другой стороны.

Сватовство происходитъ такимъ образомъ: двое изъ родственниковъ жениха, обыкновенно мужчина и женщина (сватъ и сваха), разодѣвшись въ праздничныя одежды, отправляются въ домъ невѣсты и садятся тамъ на лавкѣ такъ, чтобъ приходилось имъ смотрѣть какъ разъ «вдоль половицъ», т. е. вдоль того тесу, изъ котораго сколоченъ полъ;—это значить, что они пришли «сватомъ». Затѣмъ, они съ родителями невѣсты заводятъ довольно витіеватый разговоръ, изъ котораго въ концѣ концовъ оказывается, что они желаютъ взять за своего родственника ихъ дочь и на такихъ-то условіяхъ (условіе о приданомъ). Послѣ того какъ сторговавшись, т. е. условившись о приданомъ,—начинается обоюдное угощеніе. Сваты посылаютъ за водкой (а если они за-ранѣе были увѣрены, что отказа не послѣдуетъ, то и водку принесли съ собой) и угощаютъ родню невѣсты; тѣ, въ свою очередь, угощаютъ сватовъ чаемъ, пирогами и т. п. и подносятъ имъ на блюдѣ, для отдачи жениху, полотенце, называемое, «ширинка», концы котораго имѣютъ разныя причудливыя вышивки; такое полотенце за-ранѣе готовится каждою дѣвицею для этой цѣли. Послѣ этого невѣста считается «запорученною», т. е. запросватанною.

Если какая либо сторона мало знаетъ другую (по отдаленности, напри-мѣръ), то прежде чѣмъ «засватывать» или отдавать дочь, происходятъ бесѣды родителей со своими ближайшими родственниками и знакомыми, и на такихъ бесѣдахъ рѣшается это дѣло такъ или иначе.

Бываютъ и у жениха иногда «смотрины» со стороны родственниковъ невѣсты, заключающіяся въ обзорѣваніи—достаточно-ли богатъ женихъ, чтобы могъ прокормить свою жену и будущую семью? Конечно, при такихъ осмотрахъ не обходится и безъ обмана со стороны жениха; если онъ не обладаетъ зажиточностью, то ко дню «смотринъ» такой женихъ беретъ у сосѣда для показу, подъ видомъ своего,—всевозможнаго имущества: одежду различнаго рода, хлѣба, домашняго скота и проч. Подобные обманы, конечно, на другой же день свадьбы и обнаруживаются, но что сдѣлано уже, того не вернуть

родители невесты, немного «потужа», великодушно прощают это жениху, и онъ по прежнему пользуется гостеприимствомъ у нихъ, какъ «любезный зятюшка».

Послѣ запросватыванія, невеста шьетъ «дары», т. е. подарки жениху, его семейнымъ и близкимъ родственникамъ, заключающіеся въ кумачныхъ, ситцевыхъ и полотняныхъ рубашкахъ, полотенцахъ и платкахъ, нерѣдко и «суконную пару» жениху. Такіе дары роздаются на 2-й или на 3-й день послѣ свадьбы, и невеста (тогда уже «молодица»), раздавая ихъ, обязана каждому, принимающему подарокъ, кланяться въ ноги.

Во время запоручиванія, во все время до вѣнчанія, у невесты неотступно находятся ея подружки, которыя помогаютъ ей шить «дары», а по вечерамъ, вмѣстѣ съ ней, «причитаютъ», т. е. громко-прегромко оплакиваютъ потерю дѣвичьей жизни, «волюшки», хотя на самомъ-то дѣлѣ такое оплакиваніе почти всегда бываетъ искусственное, не искреннее, и совершается оно только, какъ обычай старины. Въ послѣдніе годы многія уже дѣвицы, не желая лицемерить, стали выходить замужъ безъ такого причитанія, «по новому въ тихомольбу», какъ замѣчаютъ старушки, вспоминая свое прежнее золотое времячко когда они съ такими «причетами» ходили въ каждый вечеръ по всей деревнѣ.

За нѣсколько дней до вѣнчанія у невесты бываетъ вечеръ, или такъ называемый «дѣвичникъ», на который является женихъ съ пряниками, конфетами и прочими сладостями, которыми онъ и угощаетъ невесту и ея подружекъ. На такомъ дѣвичникѣ подружки невесты поютъ пѣсни, въ которыхъ восхваляется она, и стараются провести этотъ вечеръ какъ можно веселѣе, дабы не скучала невеста; равно и женихъ долженъ не ударить себя лицомъ въ грязь. На его обязанности лежитъ вести съ невестою пріятный разговоръ.

На канунъ свадьбы, т. е. вѣнчанія, жениха, равно и невесту водятъ въ баню; жениха—молодые ребята, его товарищи,—невесту-же дѣвицы. На Митюковскомъ стеклянномъ заводѣ установился обычай, когда ведутъ жениха или невесту въ баню, то сопровождается это шествіе ружейными залпами публики, и придя въ баню женихъ долженъ угостить своихъ товарищей водкою, невеста въ данномъ случаѣ угощаетъ своихъ товарокъ пряниками, орѣхами и т. п. Кромѣ того, должно упомянуть, что отправляясь въ баню, товарищи жениха или товарки невесты, несутъ надъ головою того или другаго вѣнчикъ (которымъ предназначается париться), увѣшанный лентами, лоскутками ситца, кумача и т. п. украшениями.

Утромъ, въ день свадьбы, до прибытія жениха, къ невестѣ собираются всѣ ея подружки, и невеста начнетъ «красоту красить», т. е. причитать, нося на тарелкѣ или блюдѣ ленты, бусы, зеркальцо и т. п., и вызываетъ своими причетами (въ которыхъ принимаютъ участіе и подружки) попеременно то одного, то другаго родственника своего, которые находятся тутъ-же.

Красота начинается такъ:

Отшатнусь я, сиротиночка,
Отъ стѣны бѣлокаменной,
Встану я со лавочки
На свои-то рѣзвы ноженьки:
Пораздайтесь, люди добрые,
На всѣ четыре стороны!
Дайте мнѣ, сиротиночкѣ,
Въ бѣлой новой горницѣ
Походить, покрасоваться,
Да подумать, покрасоваться,

Вольной волюшкѣ
Да дѣвичей красотѣ!..
Погляди-ка, моя матушка,
Да родимые брателка,
На меня-ль на сиротиночку:
Каково я срядилася?
Каково я нарядилася?
Во все-ли платьѣ цвѣтное?
Во всю-ли дѣвью красоту?..

Затѣмъ, невѣста смотрится въ находящееся на тарелкѣ зеркальцо и спрашиваетъ себя: «куда дѣвать» ей «красоту»? вызываетъ сначала мать и, низко кланаясь, подавая тарелку, просить ее «похранить дѣвью эту красоту», но тутъ оказывается красотѣ «не мѣсто-мѣстечко». Отдается эта красота всѣмъ, по-очередно, родственникамъ невѣсты и наконецъ своимъ подружкамъ, но мѣста ей нигдѣ не находится. Послѣ этого невѣста, какъ бы раздѣваясь, скидываетъ съ себя бусы, платокъ. и начинаетъ причитать:

Отходила я, отгуляла,
Открасовалася,
Отжила дѣвицею,
Отжила невѣстою!..
Да на это времячко
Родимая матушка
И родимой мой братушко!
Вы снимите съ сиротиночки
Меня—платьѣ цвѣтное,
Да снесите вы его
На торги, на ярмарки,
Да продайте платьѣ цвѣтное.
На чужой сторонущѣ
Мнѣ ничто не надобно,

Только надо сиротиночкѣ
Трои лапти ковыряны.
Да сермягу сѣрую,
Да рукавицы-вачеги,
Да фату печатную
Во вьюги—мятелицы
Ходить мнѣ за овсеницей..
Погляди-ка, матушка,
На меня на сиротиночку!..
То не яблонька шатается,
Не шелковый клубъ катается,
А твое чадо убивается,
Съ дѣввѣй красотой
Разстается!..

Слушая эти причеты, всѣ родственники, не говоря о родителяхъ, горько плачутъ; нерѣдко даже и публика плачетъ, особенно если отдають невѣсту далеко, или за «неровню», т. е. за старика или вдовца.

Въ то же утро, т. е. въ день свадьбы, къ жениху, по его приглашенію, являются всѣ его родственники, гдѣ ихъ угощаетъ женихъ и, получивъ отъ родителей благословеніе на вступленіе въ бракъ, онъ вмѣстѣ съ родственниками отправляется въ невѣстѣ. (Прежде было, да и теперь еще отчасти сохранился обычай, что женихъ, отправляясь къ невѣстѣ, владеть нѣсколько штукъ серебряныхъ монетъ въ свой правый сапогъ и, придя къ ней, велитъ розуть его, та исполняетъ желаніе жениха, и найденныя деньги въ сапогѣ поступаютъ въ пользу ея. Такое шествіе называется «поѣздъ», которымъ управляетъ «тысячкой» (бо-

торами бываютъ обыкновенно крестные отцы жениха) или «дружка», т. е. знахарь. Если невѣста живетъ далеко, то поѣздъ отправляется на лошадяхъ; женихъ ѣдетъ на парѣ, а иногда и на тройкѣ («знай, нашихъ!»), а прочіе поѣзжане большею частью ѣдутъ на одиночкахъ. На каждой подводѣ подвезано подъ дугу по нѣскольку колокольчиковъ. (Колокольчики берутся съ собой даже и въ томъ случаѣ, когда къ невѣстѣ отправляются не на коняхъ, а пѣшкомъ; въ этомъ случаѣ обязанность несущаго колокольчикъ — непрерывно бряцать имъ до прихода къ невѣстѣ). У дома невѣсты, поѣзжанъ оставливаютъ молодые ребята и дѣвицы, не пускаютъ въ домъ, прося выкупа, который заключается въ подарокъ дѣвицамъ приниковъ, а ребятамъ—денегъ «на мячъ», или вѣрнѣе сказать на водку, такъ какъ мячей почти никогда на эти деньги не шьютъ. Просьба эта выражается тѣмъ, что одинъ изъ бойкихъ парней, загоразивая поѣзжанамъ входъ въ домъ невѣсты, говоритъ слѣдующее:

«Князь молодой,
Тысячкой—баринъ второй
И всѣ поѣзжане!
Мнѣ заказано
Къ вашему княжескому поѣзду
Подойти поближе,
Поклониться пониже,
Съ вами поздороваться:

Здравствуйте, господа сенаторы!
Я самъ не изъ конторы,
Живу богато:
Полна пазуха блохъ,
Да и въ головѣ довольно...
Гребешкомъ не покупаемъ,
Только пальчикомъковыряемъ...
и т. д. въ этомъ родѣ.

Затѣмъ, уполномоченный отъ парней, обращается къ жениху и восклицаетъ его.

«Не бѣла заря занимается,
Не красно солнце выкатается,
(Имя рекъ) жениться собирается:
Съ постели вставаешь,
На рѣзвыя ноженьки
Сафьяновы сапоженьки
(Имя рекъ) надѣваешь;

У батюшки и матушки
Благословія просить.
Батюшка съ матушкой
Его благословили,
А мы—народъ не дураки,
Услышали версты за полторы» и т. д.

И кончается эта рѣчь тѣмъ, что велѣно ему, парню, «съ васъ попросить на кожу да на шерсть рубликовъ шесть», при этомъ присовокупляется, шутки ради, что «для новой родни—беремъ и серебрянны рубли»...

Когда выкупъ учиненъ—входъ въ домъ свободенъ. Размѣстившись въ домѣ такъ, чтобъ женихъ и его самые близкіе родственники заняли самыя почетныя мѣста, а менѣе близкіе—менѣе почетныя, весь поѣздъ принимается за истребленіе приготовленныхъ закусокъ и питій. Въ это время является невѣста со своими подружками и, послѣ долгихъ причитаній, усаживается рядомъ съ женихомъ. Въ тотъ моментъ, когда она садится къ жениху, какойнибудь изъ родственниковъ ея, для пуцаго торжества, дѣлаетъ въ избѣ ру-

жейный выстрѣлъ ¹⁾ и даже не одинъ, а когда послѣдуетъ выстрѣлъ, то съ улицы послѣдуетъ тоже неистовый стукъ въ стѣну. Послѣдній производятъ мальчишки, отъ 8 до 15-ти лѣтнаго возраста включительно, собравшіеся у дома и ждущіе подачки пироговъ со свадебнаго стола, что имъ и выбрасывается. Затѣмъ дѣвицы поютъ разные хвалебныя пѣсни, за этими пѣснями (также съ пѣснями въ своемъ родѣ) подносятъ на тарелкѣ каждому изъ «поѣзжанъ» «зайчика», который дѣлается изъ платка и увѣшивается кольцами, сѣрками, лентами и прочими бездѣлушками. Каждый изъ поѣзжанъ обязанъ посмотреть этого «зайчика» и вмѣстѣ съ нимъ положить на тарелку сколько нибудь денегъ (смотря по средствамъ). Деньги, собранныя такимъ образомъ, идутъ въ пользу дѣвицъ и дѣлятся ими по ровну. Затѣмъ поѣзжанамъ, — кромѣ того семейства, въ которое выходитъ невѣста, — подносятся родителями невѣсты или самою невѣстою «дары»: кому платокъ, кому полотенце. Въ Ембской волости, по окончаніи столованія, всѣ зрители, запасшись дровянными камнями, бросаютъ ихъ въ потолокъ и въ стѣны, камень отъ удара разсыпается и обдають гостей градомъ дровы. Нерѣдко при этомъ гости уѣзжаютъ отъ такого торжества съ «фонарями» и цайнами на лицѣ. Въ другихъ волостяхъ подобный глупый обычай уже искоренился. Получивши угощеніе, всѣ отправляются въ церковь, вмѣстѣ съ невѣстою и ея родственниками.

По окончаніи вѣчанія, весь свадебный персоналъ отправляется къ жениху, гдѣ послѣ угощенія гостей, которое продолжается на этотъ разъ недолго, «молодыхъ» дружка отправляетъ «на покой», въ какую нибудь холодную клѣтъ или горницу, хотя бы на дворѣ было 40° мороза.

Гости, попировавъ еще немножко, расходятся по домамъ, если они одиодеревенскіе съ женихомъ, а если нѣтъ, то остаются у жениха. На другой день всѣ опять отправляются къ невѣстѣ, что называется уже «хлебнами», и затѣмъ слѣдуютъ еще нѣсколько дней, въ которыхъ бываютъ по-очередные пиры, которые ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ свадебныхъ пировъ на Сѣверѣ, а потому мы и не будемъ объ нихъ говорить.

8. Народное образованіе и народное здравіе.

Народное образованіе, или такъ называемая «грамотность», находится здѣсь далеко не въ блестящемъ состояніи. Для всей мѣстности, болѣе чѣмъ съ 30-ю тысячнымъ населеніемъ, существуетъ всего только 8 школъ, содержи-мыхъ земствомъ. Школы эти находятся въ волостяхъ: Вальгской, Нижеслободской, Ембской, Вотчинской, Троицко-Енальской, Зубовской, Кумзерской и Азлепцой. Число учащихся въ нихъ, какъ видно изъ докладовъ Кадников-

¹⁾ Ружья заряжаются однимъ порохомъ, съ пригѣсью нюхательнаго табаку. Послѣдній кладется для того, чтобы, шутки-ради, вызвать чиханіе у гостей.

ской уѣздной земской управы очередному собранію 1888 года было въ 1887—8 году слѣдующее:

	Училось			Кончилось.		
	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Всего.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Всего.
Въ училищахъ:						
Вальгскомъ	33	7	40	8	1	9
Нижеслободскомъ	45	6	51	7	—	7
Ельбскомъ	37	5	42	2	—	2
Вотчинскомъ	29	8	37	3	1	4
Троицко-Енальскомъ	22	7	29	1	1	2
Зубовскомъ	22	9	31	1	1	2
Кумзерскомъ	49	10	59	4	—	4
Алвѣцкомъ	39	4	43	5	2	7
Итого	276	56	332	31	6	37

Правда, есть еще нѣсколько церковно-приходскихъ школъ въ мѣстности, но о дѣятельности ихъ ничего не слыхать, да и крестьяне охотнѣе отдають дѣтей своихъ въ земскія школы, нежели въ церковно-приходскія, во первыхъ потому, что здѣсь учать «считать и писать болно хорошо», а во-вторыхъ, по окончаніи курса, дается льгота по воинской повинности, чего въ церковно-приходскихъ школахъ нѣтъ, да и учителями тамъ бываютъ невѣжественные и зачастую пьяные дьякона, являющіеся въ школу не для преподаванія науки (которую они и сами-то плохо знаютъ), а для битья несчастныхъ учениковъ...

Какъ на одну изъ главныхъ причинъ столь слабого развитія грамотности въ Троичинѣ, можно указать на разбросанность здѣсь селеній, вслѣдствіе каковой разбросанности посѣщеніе школы для многихъ становится очень затруднительнымъ, если не безусловно невозможнымъ. Необходимость ежедневно ходить въ школу за 10—15 верстъ отъ дома, при 30—40° мороза въ зимнее время, едва-ли можетъ быть отнесена къ удобствамъ въ дѣлѣ распространія грамотности; нанять же постоянную квартиру, гдѣ нибудь вблизи школы здѣшніе крестьяне, по своимъ крайне ограниченнымъ средствамъ, не могутъ.

Учителями земскихъ школъ бываютъ большею частію кончившіе курсъ въ Тотемской Учительской Семинаріи или же въ Вологодской Духовной Семинаріи, послѣдніе занимаютъ должность учителя въ данномъ случаѣ только въ ожиданіи священническаго мѣста и по открытіи его—поступаютъ въ священники, а потому неудивительно, что такіе учителя относятся къ этому дѣлу весьма «халатно», какъ можно выразиться. За то воспитанники Тотемской учительской Семинаріи вполне оправдываютъ свое назначеніе—выходятъ люди прекрасные и настолько знающіе свое дѣло, что лучшаго и желать нечего.

Жалованіе учителямъ Земство платитъ 200 руб. въ годъ, но прослужившимъ въ Земствѣ въ этой должности не менѣе 5-ти лѣтъ,—содержаніе увеличивается на 50 р. въ годъ, по постановленіямъ Земскаго Собранія. Это дѣлается для того, чтобъ наиболѣе способныхъ удержать на земской службѣ подольше, заинтересовавъ ихъ прибавкою жалованія, и нельзя сказать, чтобъ эта мѣра не имѣла успѣха.

Есть еще способъ полученія грамотности чрезъ домашнихъ учителей, въ большинствѣ случаевъ чрезъ «золоторотцевъ» или такъ называемыхъ «босяковъ». Приходитъ, на примѣръ, босякъ въ ту деревню, гдѣ нѣтъ по близости школы, объявляетъ крестьянамъ свое желаніе учить ихъ ребятишекъ. Тѣ, обыкновенно, соглашаются и торгуются въ цѣнѣ (цѣна бываетъ около 2 р. въ зиму за ученика). Сторговавшись въ цѣнѣ, крестьяне устанавливаютъ между собою очередь: куда, т. е. въ которой домъ собратся учителю и его ученикамъ сегодня, куда завтра и т. д. Набравши такимъ образомъ, «босякъ», человекъ 10—15 ребятишекъ, ходитъ всю зиму по-очереди и учить, получая и одежду, и содержаніе (такъ какъ въ большинствѣ случаевъ такіе учителя бываютъ буквально босьяками) съ того крестьянина, чья очередь отвести ему квартиру съ учениками. Само собою разумѣется, пользы ждать отъ такого «ученія» нечего, вреда же для нравственности учащихся—цѣлая масса..

Что касается медицинской части мѣстности, то она находится въ болѣе удовлетворительномъ состояніи, нежели народное образованіе, хотя многого не достаётъ еще и въ этомъ отношеніи, но за неимѣніемъ средствъ въ Земствѣ пока приходится ограничиться тѣмъ, что есть.—А есть въ мѣстности три лечебные пункта, одинъ изъ которыхъ находится въ с. Троице-Евасьскомъ, другой въ деревнѣ Хмѣлевской (Бережокъ тожь), Нижеслободской волости, 3-й въ Кумзерской волости. При лечебномъ пунктѣ въ с. Троице-Евасьскомъ и Кумзерской волости находится по одному фельдшеру и имѣются большія аптечки, при пунктѣ же въ дер. Хмѣлевской, какъ центральномъ изъ всего участка мѣсть, есть земская больничка на 17 кроватей, которая почти постоянно занята больными. При больницѣ живутъ: врачъ, два фельдшера (одинъ при больницѣ, другой для разъѣздовъ), акушерка и оспопрививатель.

Жалованія платится: врачу 1200 руб. въ годъ, фельдшерамъ по 300 р.¹⁾; но больничному сверхъ того дается еще 3 р. въ мѣсяцъ квартирныхъ, такъ что онъ получаетъ 336 руб. въ годъ; акушерка получаетъ 10 р. въ мѣсяцъ, оспопрививатель 20 р. въ мѣсяцъ за то время, когда онъ находится при исполненіи своихъ обязанностей, что бываетъ не во весь годъ.

Обязанности врачей и фельдшеровъ, по постановленіямъ Земскаго Собранія, приблизительно заключаются въ слѣдующемъ: Врачъ обязанъ, кромѣ завѣдыванія больницей, не менѣе какъ два раза въ мѣсяцъ объѣзжать ввѣренный ему участокъ, какъ для пріема лично больныхъ, такъ и для повѣрки дѣйствій фельдшеровъ въ пунктахъ. Разъѣзды по участку бесплатны, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда лично какой нибудь больной пожелаетъ имѣть врача или фельдшера къ себѣ въ домъ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ такой больной обязанъ представить врачу прогоны на 2 лошади туда и обратно, или же прислать своихъ лошадей, и врачъ тогда не имѣетъ права отказаться отъ посѣщенія больного лично или чрезъ посылку туда фельдшера. Кромѣ того во время эпидеміи, врачъ, а равно и фельдшеръ, должны неотлучно находиться тамъ, гдѣ она появилась и до тѣхъ поръ, пока не прекратится эпидемія совсѣмъ. Въ с. Троицко-Енальскомъ, какъ и въ Кумзерскомъ пунктѣ, по немѣнью врача, обязанность поѣздки къ больнымъ, а равно и въ прекращеніи эпидеміи лежитъ на мѣстномъ фельдшерѣ.

Больничный фельдшеръ находится неотлучно при больницѣ.

Акушерка ѣздитъ лишь по требованію на родовспоможеніе.

Оспопрививатель приступаетъ къ дѣлу и въ томъ мѣстѣ, т. е. въ той волости, гдѣ укажетъ ему врачъ.

Чтобы исполнить врачу всѣ тѣ обязанности, какія возложены на него, въ данной мѣстности нѣтъ никакой физической возможности, потому что этотъ лечебный участокъ имѣетъ протяженіе на 150 верстъ. Ну, гдѣ же одному человѣку успѣть всегда и вездѣ своевременно оказать помощь? Понятно, что «правила» и «обязанности» остаются только на бумагѣ правилами и обязанностями, а на дѣлѣ—врачъ всегда поступаетъ такъ, какъ ему самому желательно.

Да и поступаютъ сюда, надо сказать правду, врачи въ большинствѣ случаевъ для того: одни, чтобы деньги нажить²⁾, другіе—практиковаться, и какъ только мало-мальски это желаніе ихъ исполнится, то сейчасъ же удираютъ отсюда, отъ этого «медвѣжьего угла», ближе къ центру Россіи...

А. Шустиковъ.

¹⁾ Прослужившему не менѣе 5-ти лѣтъ прибавляется то же, что и учителю, 50 р. въ годъ, по постановленію Собранія въ сессію 1890 года.

²⁾ Особенно выпукло выражается это у лицъ не русскаго происхожденія.

ОТДѢЛЪ II.

О причитаніяхъ и плачахъ, записанныхъ въ Олонецкой и Архангельской губ.

(Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи 13 марта 1892 г.)¹⁾.

Иванъ Аникіевичъ Касьяновъ гнѣвомъ своимъ доставилъ намъ возможность ознакомиться изъ непосредственнаго источника съ нѣкоторыми образцами былинной русской народной поэзіи. Въ Олонецкомъ краѣ, откуда прибылъ къ намъ Касьяновъ, имѣется не мало представителей этой поэзіи, слывущихъ подъ именемъ сказителей. Много прослушалъ ихъ въ 60-хъ годахъ П. Н. Рыбниковъ; А. Ф. Гильфердингъ въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ 1871 г. записалъ 318 былинъ съ голоса 71 пѣвца; при посѣщеніи лишь части Олонецкаго края въ 1886 году мнѣ удалось въ нѣсколько дней прослушать до 10 пѣвцовъ. Не первые это пѣвцы и, надо надѣяться, не послѣдніе; при сочувственномъ отношеніи и поощреніи со стороны ученыхъ и собирателей, особенно сказавшемся въ теченіе послѣднихъ десятковъ лѣтъ, быть можетъ, и молодое крестьянское поколѣніе съ подобающимъ уваженіемъ отнесется къ этимъ памятникамъ исконной старины, и, при заботливости стариковъ, восприметъ ихъ для передачи въ свою очередь дальнѣйшему потомству; такая преемственность возможна и въ наши дни, въ чемъ я могъ убѣдиться, прослушавъ на мѣстѣ нѣсколько былинъ отъ Ив. Троф. Рябинина, перенявшаго ихъ отъ покойнаго отца своего Троф. Григорьевича; мнѣ извѣстно также, что и внукъ этого сказителя Ив. Степ. Рябининъ перенялъ былины своего дѣда. Такимъ образомъ можно желать и надѣяться, что долго еще не изсякнетъ на Руси эта замѣчательная отрасль поэтическаго слова русскаго народа, сохраненіемъ которой онъ смѣло можетъ гордиться въ средѣ другихъ народовъ.

Не менѣе древними по своему происхожденію, не менѣе важными и интересными въ поэтическомъ отношеніи являются произведенія, въ которыхъ народъ выражаетъ непосредственное чувство и отношеніе свое къ событіямъ, по сравненію съ былинами, болѣе частнаго характера, по преимуществу въ кругу семейной жизни, имѣющимъ болѣе или менѣе рѣшающее вліяніе на судьбу отдѣльныхъ лицъ и ихъ семействъ; къ этому роду произведеній относятся причитанія и плачи, извѣстные на сѣверѣ подъ общимъ именемъ: «*причетъ*». Хранительницами этого рода поэзіи являются исключительно женщины, по преимуществу пожилыя, обладающія большою памятью, звонкимъ голосомъ и твердымъ знаніемъ до мельчайшихъ подробностей всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся семейныхъ обрядовъ, въ томъ неизмѣнномъ видѣ, какъ они изстари ведутся на Руси. Обладаніе такими качествами создало особыхъ специалистовъ, такъ называемыхъ на сѣверѣ «*стиховодницъ*», безъ авторитетнаго участія которыхъ не обходятся ни свадьба, ни похороны, ни рекрутскій наборъ. Благодаря строгому отношенію стиховодницъ къ своимъ обязанностямъ, самый сложный изъ обрядовъ—свадебный—на долго еще можетъ сохранить свою первобытную чистоту неприкосновенною отъ пришлыхъ городскихъ

¹⁾ Въ этомъ засѣданіи крестьянинъ Олонецк. губ., Петрозаводск. у., с. Космозера И. А. Касьяновъ пропѣлъ нѣсколько былинъ.

новшествъ. Стиховодницы причитають стихи, строго придерживаясь къ каждому данному случаю, при чемъ, сохраняя неизмѣнными опредѣленный мотивъ и общія мѣста въ текстѣ стиховъ, относительно частныхъ подробностей тутъ же сочиняють новые стихи, вполне соответствующіе окружающей обстановкѣ и характеру тѣхъ лицъ, которымъ причитають. Мелодія довольно разнообразна, но имѣють одинъ общій характеръ, заключающійся уже въ самомъ названіи этого рода поэзіи причитаніями или плачами; во всякомъ случаѣ это плачь съ членораздѣльно и явственно произносимыми словами на извѣстный ладъ, опредѣляемый каждымъ случаемъ и сопровождаемый воплями и рыданіями окружающихъ, близко заинтересованныхъ людей, въ общемъ производящій крайне тяжелое, удручающее впечатлѣніе на человѣка посторонняго, даже и при такомъ веселомъ, повидимому, событіи, какъ свадьба.

Такимъ общезвѣстнымъ болѣе или менѣе черты причети; но нигдѣ, кажется, онѣ не проявляются съ такой отчетливостью и постоянствомъ, какъ въ Олонецкой губерніи; едва-ли гдѣ найдутся стиховодницы, какъ напр. Арина Федосова, изъ Кузаранды, Петрозавод. у. въ Заонежьи, хранящая въ своей памяти ту массу причитаній, которыя составили солидный сборникъ Е. В. Барсова ¹⁾ и легли въ основу труда г-жи Агреневои-Славянскои объ Олонецкой свадьбѣ ²⁾; къ сожалѣнію отъ этой стиховодницы обстоятельства позволили мнѣ записать лишь одну свадебную пѣсню; причеть же я записалъ отъ двухъ другихъ стиховодницъ, пользующихся большою извѣстностью въ крестьянской средѣ — это Аксинья Плотникова изъ д. Объяльщины Великогубск. вол. Петрозавод. у. и Прасковья Мошина, изъ д. Завьяловой, Шунгской вол. Повѣпецк. у. Отъ первой мною записаны образцы причети свадебной, отъ второй — свадебной же, похоронной и рекрутской. Всѣ онѣ характеризуются стройностью стиха и опредѣленной мелодіей, при чемъ нѣкоторымъ разнообразіемъ отличаются лишь мелодія свадебной причети, похоронная же и рекрутскія монотонны и трудно поддаются нотной записи; языкъ причети обладаетъ поэтической образностью и обиліемъ эпитетовъ, носящихъ нерѣдко чисто мѣстный характеръ. Позволю себѣ для примѣра привести нѣсколько образцовъ. Вотъ начальныя стихи свадебной причети, которая заводится, «какъ просватають дѣвушку, глаза перекрестягъ»:

Мнѣ-ка смѣть-ли красной дѣвушки
Пропустить да и зыцѣнь гѣлосокъ
Во хоромнѣмъ строенниця,
У жаланныхъ моихъ родителей,
У ростителя у татиньки,
У родимой у маменьки:
Вы не дуйтесь огни плящяе,
Не гори-тко ты, луцина сосновая,
Не зажигайся-ко, свѣща негоплѣная,
Не здымайся, права рупенька
У жаланныхъ родителей
Бить плотного рукобитьця!
Я новѣроуюсь, невольна красна дѣвушка,
Отъ стола дѣвушка и отъ дубового
Я ко своимъ жаланнымъ ко родителямъ:

Глупо сдѣлала, невольна красна дѣ-
вушка,
Я сама била плотного рукобитьця.
Я не гнѣваю жаланныхъ родителей:
Вы послушайте, жаланные родители,
Што вѣдь я скажу невольна красна
дѣвушка:
Отъ стола люди расходятся,
Отъ вѣнца-то развѣзжаются.
Вы роздумайте-ко эту крѣпку думушку,
Поразрушайте плотного рукобитьця;
Нуньку дѣвушка схватилася:
Я назадъ-бы воротилася
Ко жаланнымъ родителямъ.
и т. д. ³⁾.

Или вотъ нѣсколько стиховъ, которыми невеста послѣ просватанья приглашаетъ своихъ родственниковъ на «красну свадьбу», которая въ то же время и «слезливое ширваньце», потому что тутъ совершается разлука съ вольной волюшкой:

¹⁾ «Причитанія сѣвернаго края».

²⁾ «Описаніе русской крестьянской свадьбы съ текстомъ и пѣснями: обрядными, гѣлосвальными, причитальными и завывальными», въ 3 ч. М. 1887.

³⁾ Полный текстъ войдетъ въ послѣдующее музыкальное изданіе.

Вы гостите-ко на оу красну свадебку,
На слезливой мое да перованьщѣ,
И на розлукушку, на вольню мою волюшку,

И на розчѣсь да мою младую головушку,
И на розбивъ да мою русу кобуску.
и т. д. ¹⁾.

Вот наконецъ причеть, посвященная банѣ, въ которой и совершается собственно разлука съ дѣвичьей волею, олицетворенною здѣсь и съ проклятіемъ улетающею отъ невѣсты:

Отпустите въ теплу парну меня баенку,
Ужо дайте-ко мнѣ мылье съ умываньемъ,
И тонку бѣлую рубашецку,
И отъ терема до бѣрега
Все мосты дубовые,
Столбьяки топченые.
Градоцкн кленовые;
Ужо дайте-тко братцевъ ясныхъ мнѣ-ка
соколовъ;

Вы возьмите-ко оружье заряженое,
Вдругихъ-же пистолеты заружавные,
Занарядь кладь по фунту цѣрна пороку
Какъ подъ этыи подъ мостики дубовыи.
Какъ у этого цюжя сына отецьково
Есь подкюпаны подкюпы сорока сажонъ
И закацены боцкыи сорока ведѣрь
И со лютыишъ со зельемъ цѣрныишъ поро-
хомъ.

Истребить дала я вольню свою волюшку,
Идуцй да въ эту парную я баенку.
Прихожу я къ теплопарной ко баенкѣ:
Не въ баенку меня да отредили,
Столько съ волюшкой съ красной да роз-
луцили!
Какъ зашла я въ теплу парну эту баенку,—

Моя волюшка съ головушки кидаласе,
Во мѣдноешъ тазу въ воды купя-
ласе.

А со тазуку во каменку бросаласе,
Говорила подневольней красной дѣ-
вушки:

Будь да проклята, душа да красна
дѣвушка!
Сиротать да будѣ вольней пойти во-
люшки!

Роскатись-ко, тепла нарпа теперъ
баенка,

По единому по малому бревѣшецку!
Полепю я теперъ вольна волюшка
Во цистое въ широкое во полюшко;
Я повыберу видъ въ поли деревей-
ноцку,

Саму горькую высокую осяноцку,
Я сяду видъ на саму на вершиноцку;
Будуть вѣтрушки теперъ да повивати;
Воля вольная вѣкъ свой да горевати,
И сердцецшко мое да тосковати,
И больше волюшки — меня вамъ не
видати!

(Село Шуньга, Повѣн. у., Олонек. г.)

Вотъ причеть похоронная, при оплакиваніи маленькаго до 10 лѣтъ:

Какъ пустили въ домъ вы скорую смере-
тушку?

А не нищей-ли каликой перехожейей?

А не славныишъ-ли бурлакомъ петербур-
скиишъ?

Не приѣхалъ вѣдь родитель батюшко
Со цюжой со дальней со сторонушки;
Нѣту при доми надѣжи свѣта батюшки.
Допустили въ домъ вы скорую смере-
тушку!

Я бы видла скорую смеретушку,
Не отдала бь болѣзно свое дитятко.
Не спросила бы да вѣдь болѣзная,
Какъ душа да съ бѣлымъ тѣломъ раз-
стается.

Были заперты косевцаты окошечки,
Призложены новыи сѣни рѣшешцаты;

Да откуль зашла видъ скорая смеретушка?
Кабы видла я круцинная головушка

Во домѣ злу скорую смеретушку,
Откупила золотой казнай безсцетною,
Обсадила вокругъ жемцюгомъ перебра-
ныишъ,

Поизнавѣсила бы цвѣтныишъ пардйшець-
комъ

И не отдала болѣзно свое дитятко.
Мнѣ-ка не мила домова своя жирушка,
Вся любимая дворовая скотинушка,
Столько осталось бы болѣзно при мнѣ
дитятко!

Ужь ты стань, возстань, болѣзно мое
дитятко,

Ужь ты стань, возстань ко кушаньяишъ
сахарниишъ,

¹⁾ Полный текстъ войдетъ въ послѣдующее мумьяльное изданіе.

И ко п'ятыцямъ медовымъ.
У насъ справлено видъ кушаньё сахарнѣе
И приготовлены видъ п'ятыца медовыи,
И вся видъ собрана порода именитая
И проводить тебя, скацѣная жемцюзинка,
И на второе-то на оное пришествіе,
На вѣковѣцну на тосвѣтну на жи-
рушку.
И на явѹ-то ты намъ больше не объ-
явисье,
И во сняхъ-то ты намъ больше не пока-
жисье!
Попрошу оцѣ, болѣзно, тебя, дятятко,
Не уприсишь-ли Владыку Царь-Небесного:
Ты не придешь-ли въ домову нашу жи-
рушку,

Позволю себѣ привести еще плачь по отцѣ семейства:

Я цѣгѣ сяжу, круцинная головушка!
Попуститъ было горюшниця
Не складнѣе да не умильнѣ прицитаныцѣ!
Штѣ же сдѣлалось въ домовой нашей
жирушки?
И прихожу какъ ко крылецку ко пе-
рѣному
И прироссыпалось пилѣное крылецкушко,
И на слезахъ стоятъ косецыты окошецки,
Прикруцинивши хоромно пристроеньце...
Штѣ же сдѣлалось въ домовой нашей
жирушки?
Какъ не стало у насъ законной семеюшки
Уже вашого родитель-батьшка!
Ужъ какъ станемъ жить въ домовой на-
шей жирушки
Безъ своей милойзаконной семеюшки!
Какаъ безъ вашего родителя, безъ батьш-
тѣшки,
Убивать да станутъ буйны вѣтеронки,
Обижать да будутъ добры людюшки!
Отг вѣтрушка нѣту заборонушка,
Отъ дѣварныхъ отъ лѣдушекъ заступушка.
Вы послушайте, сердцны мои дѣтушки,
Намъ гдѣ оно великое желаньицѣ.
Ужо доброе да намъ да добродумицѣ?
И приклоните ко вы млдья головушки
Ко жаланному спадивому ко дядюшки,
Онъ не вложитъ ли великово желаньица
До васъ, многокруцининыхъ головушекъ?
И послѣ своего родителя вамъ батьшки
И не будетъ вамъ крещенскихъ покупо-
цекъ.
И не буюетъ вамъ христовскихъ обново-
цекъ.

Во сердценое люббице костиницѣ.
Засмотритъ-же насъ круцининыхъ голо-
вушокъ,
Къ намъ по вечеру поздѣхонько,
И по утришку ранехонько;
Ты въ день приди по красному по сол-
нышку,
Въ вечеру поиди по свѣтлому по мѣсяцу,
Всю роздїй тоску великую круцинушку;
Штѣ не броситъ бы домовѣн намъ жи-
рушки
Со этой со великой со круцинушкой!
Поосталась безъ великого призрѣнїя
Сирота ль да безъ болѣзнего безъ ввѣдята.
(Село Шуньга, Повѣн. у., Олонецк. г.).

И будутъ мирѣмъ да на васъ видъ на-
ступать,
Отправлять то васъ во службу госуда-
реву.
Ужъ какъ нѣту въ живности родитель-
батьшки,
Не заступитъ въ волостиномъ да во пра-
влевьшица,
Не уприситъ видъ властей да милосерд-
ныхъ.
Какъ да тошнѣхонько, законная семеюшка!
Вся сторѣла бы домова наша жирушка,
Какъ вся пала бы дворовая скотинушка!
Штѣбы въ гѣсъ срослись поля да хлѣ-
бородныи!
И водой снесло дуга да сѣнокосныи!
Столько была бы законная семеюшка!
Снѣ вырѣстилъ бы сердцечныхъ васъ
дѣтушокъ;
Я вполнѣ была въ домовой бы жирушки,
Въ удовольствїи съ законной семеюшкой,
На удивленье многимъ да людюшкамъ,
А какъ нѣнѣцко тепѣрюшка
Сиротать поидежъ, сердцечны малы дѣ-
тушки.
Безъ вашего родителя безъ батьшка!
Розберуть да васъ по службамъ госуда-
ревымъ,
И пооставите круцинуу меня головушку
Безъ призрѣнїя, горюху гогорькую!
Прощай, прости, законная семеюшка!
Какъ послѣ тебя, законная семеюшка,
Всякой день будѣ въ головушки мѣшатца,
Безвремѣнно бѣлымъ свѣтъ да видѣ-те-
рѣтца,

Какъ со этой со великой со круцинушки
Мнѣ во темноемъ лѣсу да заблудятца!
Аль мнѣ пастъ да въ кругло малое озе-
рушко!

Какъ во этогъ кругломъ малоемъ озе-
рушкѣ

Остается упомянуть о причитаніи рекрутскогъ, гдѣ между прочимъ есть намекъ на нѣкоторую разницу между наборами прежняго времени и нынѣшнимъ: тогда легче можно было откупиться; вообще-же стихъ рекрутскій не изображаетъ особенныхъ тягостей военной службы; очевидно, онъ уже принаровленъ не къ прежней рекрутчинѣ, а къ нынѣшней воинской повинности:

Ужь вы слушайте, сердечнымъ мон дѣ-
тушки:

Собираютца да видь все люди добрые
Въ это волостное да видь правление
Да ѿ во славную во службу государь-
скую

Да ѿ во этии солдаты новобранные.

Ужь вы слушайте, сердечнымъ мон дѣ-
тушки:

И хорошо бы жить во службы въ госу-
дарскоѣй,

И да не вамъ бы сиротамъ да достава-
лосе:

Какъ пріотняли купцы да именитые,
Либо славные крестьяна да прожитные,
Отредили бы сердечныхъ своихъ дѣту-
шекъ.

И уже васъ теперь, сердечныхъ моихъ
дѣтушокъ,

Пріотпустятъ въ города да въ Повѣнец-
кѣи

Да ѿ ко этимъ ко жѣребьямъ казен-
нымъ,

Да снимать видь будутъ русые кудѣ-
рушки.

Проклинать будѣшь родимую сторонушку,
Забывать будѣшь жаланныхъ родите-
лей.

Ужь какъ допрежь сего, до этой поры
временька

Залагали видь домову свою жирушку,

Продавали видь игривую скотинушку,—

Оставались на ватучемъ сивемъ камушкѣ.

Будуть лѣды ¹⁾ видь теперь да недвигу-
ци,

Будуть камушки на нихъ да невазучи,
Со моеѣ тоски великоѣй круцинушки.

(Село Шуньга, Повѣн. у., Олон. губ.).

Нунеча видь не берутъ золотой казны
безсметныя,

А берутъ удалыхъ добрыхъ молодецъ
И отлучаютъ отъ домовой своей жи-
рушки,

Отъ лавоцекъ видь насъ да отъ торго-
выныхъ,

Отъ улицекъ видь насъ да отъ торго-
выныхъ.

Насъ не въ славныи бурлаки петербур-
скѣи,

Везутъ насъ во солдаты новобранныи.
Сиротать пойдуть жаланныи родители,
Тосковать будѣ все родъ-племе сердеч-
ное!

И оружьеце дають да намъ военное
И платьице дають да намъ казенное.

Забывать да намъ родимая сторонушка,
Ужо вся наша прохладна красна жи-
рушка

И всѣ гульба наша молодецкая!
Вы прощайте-ко, жаланныи родители,

И прижьщайте насъ во платьици казен-
ноемъ,

Съ оружьецомъ видь насъ да со военнымъ,
Не при теплыхъ при куньихъ шубонь-
кахъ.

Всѣ прощайте-ко, поля да хлѣбородныи,
Зелѣныи дуга да сѣнокосныи,

Во гуляныи насъ, души красны дѣвушки,
При компаньицы, дородны добрыи молодцы,

И теперь всѣ прощай насъ, вольныи во-
люшка!

(Село Шуньга, Повѣн. у., Олон. губ.).

Такова причеть въ Олонецкой губерніи.

¹⁾ Подводныя скалы.

Такой же въ общемъ характеръ и причети Архангельской; но при обширности этой губернии, при разнообразіи географическаго положенія различныхъ частей ея и связанныхъ съ нимъ условій быта, которыя безъ сомнѣнія отражаются и на поэтическихъ произведеніяхъ, тамъ можно встрѣтить и рѣзкія отклоненія отъ указаннаго общаго характера; такъ напр. поморы—обитатели побережья Бѣлаго моря, исключительно своимъ занятіемъ имѣютъ рыбные промыслы; съ наступленіемъ весны все мужское населеніе этихъ мѣстностей отправляется на Мурманскій Берегъ, гдѣ и промышленно до поздней осени, подвергаясь всевозможнымъ случайностямъ, сопряженнымъ съ ловлею рыбы въ океанѣ на маленькихъ судахъ, часто на большомъ разстояніи отъ берега. Не проходитъ года безъ того, чтобы нѣсколько поморовъ не сдѣлались жертвою Мурманскихъ промысловъ; частью гибнутъ отъ бурь, частью отъ болѣзней, быстро развивающихся при неблагоприятныхъ климатическихъ условіяхъ. Женское населеніе, съ нетерпѣніемъ дождавшись осени, при появленіи перваго поморскаго судна выходитъ на взморье встрѣчать своихъ мужей и братьевъ и тугъ-то многія узнаютъ печальныя вѣсти о погибшихъ. Вопли и плачи оглашаютъ тогда селеніе. Велика радость однихъ, при свиданіи со своими, безусловно и тяжело горе другихъ, лишенныхъ даже послѣдняго утѣшенія—похоронить близкаго человѣка.

Такія условія, надо думать, создали особый видъ похоронной причети въ приморскомъ селеніи—Ворзгородахъ, Онежскаго уѣзда. При посѣщеніи этого селенія я не могъ здѣсь найти специалистки—стиховодницы, но за то каждая женщина, имѣвшая несчастье потерять кого нибудь изъ ближней родни, въ особенности же лишившаяся мужа, была уже и стиховодницей.

Четыре вдовы, еще молодыя женщины, оплакивали передо мной своихъ мужей, изъ которыхъ трое погибли на Мурманскихъ промыслахъ и одинъ былъ убитъ въ гор. Онегѣ, во время сборовъ на эти промыслы. Каждая стиховодница строго различала въ своей причети двѣ части: одну изъ нихъ онѣ называли «зачаломъ», гдѣ, послѣ общаго приступа, излагались иногда подробности несчастія и вторую часть «обидные стихи», гдѣ изображались тяжелыя послѣдствія—вдовье сиротство.

Позволю себѣ привести образцы этой причети. Вотъ плачь по мужѣ, убитомъ въ Онегѣ:

З а ч а л о:

Ушолъ да какъ мой доброты да кор-
минець

За матушку то Онегу широкую,
На хорошенько то лённо судёнышко
Изъ своево то да теплого витого гѣз-
дышка,

Ужъ увѣщаль мня вдову горегорькую:
Ужъ не надолоцько, говоритъ, поры ды
времени.

Три денёцька прошло поры ды времени;
Пріѣхаль, аль нѣтъ моя больша сѣзъ го-
лубушка

Изъ за матушки ты Онеги широкіе?
Само спрашиваетъ у меня, да доклады-
нается:

Пріошелъ мое красно солнце угрѣвное
Во свой домъ да тепло витое гѣздышко.
Испугалась я бѣдная вдова горегорькая
Стала середь то я теплого витого гѣз-
дышка,

Безъ ума пала да безъ цвѣствія.

Стала по ранному то по утрѣнному ста-
ванью.

Ужъ поѣхала я, бѣдна вдова горегорькая,
За матушку ту Онегу широкую,
На хорошо то легко-лённо судёнышко;
Ступила я бѣдная вдова горегорькая
На хорошо легко-лённо суденышко:
Ходитъ маленько то сердечіе дитятко
Ужъ по хорошему то легко-лённому су-
денышку.

Спрашиваю бѣдна вдова горегорькая
Ужъ у маленького то сердечіе дитятка:
Ужъ пришелъ ли твое красно солнце
угрѣвное?

Ужъ сказало мало сердечіе дитятко:
Ужъ не пришелъ то красно солнце уг-
рѣвное!

Ужъ пошла то съ малымъ сердечнымъ
дитяткомъ

Ужъ ко цюжому то младу ясному соколу;
Пали вопали въ его ножки рѣзвые:

Ужь понспн-во его тѣла бѣлого!
 Ужь пошелъ то ясенъ младъ крылатъ ды
 асенъ соколъ
 Со маленькимъ то сердечнымъ дитяткомъ,
 Искали два дѣнечка поры ды времени;
 Нашли то его тѣло бѣлое;
 Прибѣдена младая буйная глова,
 Ужь пролита его кровь горячая
 Ужь моего то доброхота ды корминца,
 Раадроблено то его сердце ретѣвое!

(Причитала вдова Елиз. Вологина, с. Ворзогоры, Онежск. у., Архангельской губ.).

А вотъ плачь по мужѣ, погибшемъ на Мурманѣ:
 З а ч а л о:

Що за чудо, що за диво!
 Ужь сегодня то по сегодняшнему дѣнечку
 Завываютъ то меня бѣлую лебедь бездасную,
 Бездасную то вдову горегорькую
 Во гостъ милое гдѣстѣще любимое!
 Ужь какая радость да веселье не малое?
 Що пришель мой равзе доброхотъ да кор-
 минець
 Отъ славнаго Питенбурха города,
 Со пецальня синя солонѣ моря,
 Отъ самого то отъ Мурманского берегу,
 Со нибнѣемъ со богасѣтвомъ богатынмъ?
 Ужь обробѣла я бѣдная вдова горегорькая,
 Ужь охъ безумная я нерозумная;
 Хоша умъ мой по буйной по гловы.
 Не бывать то тому туману со синя моря,
 Ужь не подняться маревы со буйнѣмъ
 вѣтромъ усильцивымъ;
 Ужь такъ же не придетъ мой доброхотъ да
 корминець!

О б и д н ы е с т и х и:

Ужь на кого то ты меня приставилъ
 Вѣдную горюшу бездасную!
 Ужь топерь какъ то я стану жить красо-
 ватися,
 Безъ тебя то мой доброхотъ ды корминець?
 Ужь у меня то у бездасной у лебеди
 Не съ тую не съ которую сторону
 Не пошла то у меня да не кормителя.
 Не доброхота у меня да не надѣщика!

Надо замѣтить, что специалистки-стиховодницы причитають отъ имени пострадавшихъ людей; при этомъ конечно не можетъ въ сильной степени сказаться непосредственное чувство. Совсѣмъ не то мы видимъ въ Ворзогорской причетѣ. Здѣсь слышенъ плачь въ истинномъ смыслѣ этого слова, не поддающійся никакой мелодіи, плачь, надрывающій душу, съ неподдѣльными проявлениями лично-переживаемаго горя. Не легко добиться плача по заказу отъ такой причетницы; «Обидно вѣдь больно плавать-то, вспоминать-то тажко», говорить она при этомъ.

Такова причетъ ворзогорская, и какъ кажется, въ этомъ самомъ видѣ и должна представляться причетъ похоронная въ ея самобытномъ, коренномъ значеніи.

О б и д н ы е с т и х и:

Што думаю я своимъ умомъ разумомъ?
 Ужь какъ стану я бѣдна вдова горе-
 горькая
 Дыжь безъ своего доброхота ды корминца?
 Ужь оставилъ малыхъ то моихъ сердеч-
 ныхъ дѣтоцець,
 Ужь не оставилъ много то совниѣхъ, зо-
 лотой казны.
 Ужь нахожусь я бѣдная вдова горегорькая
 Въ мѣрѣ да по мѣру по крещѣному.

(Причитала вдова Елиз. Вологина, с. Ворзогоры, Онежск. у., Архангельской губ.).

Нѣ на ково положитесь понадѣтись!
 Не роду то у меня да не племени
 Не съ тую не съ которую сторону!
 Ужь приобрали хорошіе гладкіе роокосливы
 згодвица,
 Ужь приобидѣли меня бѣдную лебедь без-
 дасную.
 Обрали хороши ты цасты роспашны поля!
 Ужь топерь какъ то я стану жить горева-
 тися,
 Ходить мѣрѣ по мѣру по крещѣному,
 Прибирать мѣрски ты кусоцьки поданные.
 Ужь топерь тошнехонько тошнеть ретѣво
 сердце;

Вѣжать горькія слезы гореція!
 Ужь какъ пойду то во дикіе суземки дре-
 муціе

Искать хорошей то коваль шелковѣй травы;
 Дакъ не вижу пути дорожки широкіе,—
 Такъ обидѣли пюжи млада ясине соколы
 Меня бѣдную вдову горегорькую.

Живу то я бѣдная бездасная горюша го-
 регорькая!

Ужь какъ подоспѣють скорби ты болѣзни
 тажелые;

Лежу на холодной то пецьки кирипциные;
 Ужь не тошнтсе пецька кирипциная
 Цѣлую святу недѣлку семиденную!

(Причитала вдова Дарья Жолубова. Село
 Ворзогоры, Онежск. у., Арх. губ.).

Заговоры и повѣрья.

Отъ ружья.

I. Чтобы ружье было вѣрно и не давало осѣчки, при чисткѣ надо соблюдать слѣдующее ¹⁾:

Для смывки нужно взять отъ печки глины съ боку и песку, это положить въ воду; нужно наговорить на воду, тогда смывать ружье. На последѣ сказать: кто испортилъ ружье, тому песку въ глаза. Кто станетъ наговаривать, долженъ свое имя называть.

Заговоръ: Лягу помолясь, встану благословясь, пойду перекрестясь, изъ дверей во двери, изъ воротъ въ ворота, подъ красное солнце, подъ свѣтлый мѣсяцъ, подъ чистыя звѣзды, подъ батюшку море океанъ, на батюшкѣ морѣ океанѣ состоитъ Святая, Соборная Апостольская церковь, въ той Святой Соборной Апостольской церкви стоитъ престолъ, за этимъ престоломъ сидитъ матушка пресвятая Богородица, за ризой нетлѣнною, за свѣчами неугасимыми.

Я, рабъ Божій, какъ зовутъ, пойду близко, поклонюсь низко, ты, Матушка Пресвятая Богородица закрой и защити меня, раба Божія, нетлѣнной своей ризой отъ уроковъ ²⁾.

Ты водица, красна дѣвица, идешь съ востока и до запада, подмываешь круты берега, и вымываешь желты пески, смой у меня всѣ уроки, съ ручной моей ручницы, съ огненной бойницы, съ китая желѣза, съ нѣмецкаго складнаго замка, съ пороха и дыма, съ синяго свинца, съ глазу и съ мишени, съ острой цѣли, всѣ мои уроки сзади заходящаго, сбоку заглядящаго, отъ двуногаго и отъ одноногаго, отъ чернаго, отъ русаго, отъ рыжаго, отъ хитки, отъ прытки, отъ бабы самокрутки, отъ дѣвки простоволоски, отъ всей дьявольской сатаны, во вѣки во вѣковъ. Аминь.

Стоитъ дубъ корень-корястый, вокругъ дуба корень-корястаго змѣй-змѣище о двѣнадцати головицахъ; пожираетъ красное солнце и свѣтлый мѣсяцъ и чистыя звѣзды и всю Господню колесницу; я рабъ божій, ему я отвѣчу: не жри, не глотай красное солнце и свѣтлый мѣсяцъ и чистыя звѣзды, а сожри и проглоти у меня раба божія всѣ мои уроки съ ручной моей ручницы, съ огненной моей бойницы, съ китая-желѣза, съ нѣмецкаго складнаго замка и съ пороха и дыма, съ синяго свинцу, и зъ глазу съ мишени, съ острой цѣли, не около меня раба Божія, не около думы, моей кроткой, не около моей плоти, а вотъ тебѣ мѣсто и забавище, около заднихъ дверей, около заднихъ петель тамъ ты забавляйся и прохлаждайся, во вѣки вѣковъ. Аминь.

Будь мои слова, крѣпки и лѣпки, крѣпче висячихъ замковъ и острѣй булатныхъ ножей, во вѣки вѣковъ. Аминь. Трижды.

II. Собираясь ловить зайцевъ, надо предназначенныя для этого петли подвергнуть слѣдующимъ операциямъ:

Зайцевъ ловить, первое дѣло надо на скать петель, потому нужно выварить въ чугуиъ эти петли, потомъ вывѣсить на воздухъ, чтобы вывѣтрели; потомъ взять изъ подполья, изъ четырехъ угловъ путеннику ³⁾ и моху, подкурить эти петли. Еще достать съ дерева вольховую губу ⁴⁾ натирать ею, когда станешь привязывать за очипъ.

Заговоръ: Мать Божья, Вышнихъ, Творецъ, небесныхъ Отецъ, будьте мнѣ пособники и помощники, пособите и помогите наговорить на нитяныя петли на мочальные

¹⁾ Сохранены особенности рѣчи рассказчика.

²⁾ Т. е. отъ «худаго глаза» глаголъ «изурочить»; означаетъ «сглазить».

³⁾ Паутина.

⁴⁾ Наростъ на ольхѣ.

петельники, на березовые мотыльки, падите о суды—переговоры на умѣтны кости, на ихи, на болота, на гнилыя колоды, на черную грязь, лежить бѣлая тропа заячья и зайкина, теките и бѣгите бѣлые звѣри—зайцы и зайки изъ-за горы, изъ-за морей, изъ-за темныхъ лѣсовъ, къ моимъ ловушкамъ, къ нитянымъ петлямъ къ мочальнымъ подпетельникамъ, къ березовымъ мотылькамъ, росту своего не слышите, ушей своихъ не видите, такъ бы и не видали и не слыхали моихъ ловушекъ, нитяныхъ петель, мочальныхъ подпетельниковъ, березовыхъ мотыльковъ. Моимъ словамъ. Аминь. Замкну свои словакрѣпкими замками и висячими ключами.

Прійми Самъ Господь мой ключъ. Моимъ словамъ Аминь. Мать Божья, вышнихъ творецъ, небесныхъ отецъ, закрой и защити негнѣной ризой раба божія отъ уроковъ, съ моими ловушками, и поставушками съ нитяными петлями, съ мочальными подпетельниками, съ березовыми мотыльками. Моимъ словамъ Аминь Трижды.

(Заговоры записаны въ дер. Земляной Черевинской вол. Тюменскаго окр. Тобольск. губ., населенной почти исключительно ссыльно-поселенцами и каторжниками, отбывшими срокъ наказанія).

Сообщ. Д. Чл. С. К. Паткановъ.

Купля, продажа скота.

(Изъ разсказовъ о народныхъ повѣрьяхъ).

Лошадь продается съ уздомъ (мѣстное—обротью), корова съ подойникомъ, или горшкомъ и съ ломтемъ хлѣба. (Разумѣется продажа домашняя, а не базарная). Вступленіе къ торгу—ударъ по рукамъ; прозекъ договора—помолиться Богу; укрѣпленіе—могарычъ и расчетъ; вводъ во владѣніе—передача изъ полы въ полу; при чемъ съ товара, какъ премія—уступка на поведъ. Могарычъ общій—съ одного вора пьютъ.

Есть, говорятъ крестьяне, такіе люди, отъ которыхъ ничего не отведешь.

— Вотъ мы однажды, — говоритъ какой нибудь солидный, пожилой крестьянинъ, — купили на Выселкахъ корову. Пришли это мы съ покойнымъ дядей, — царство ему небесное! — на Выселки; спрашиваемъ бабу у колодца: — что, молъ, тетка, нѣтъ-ли гдѣ коровки съ молокомъ продажной? — Есть — батъ, — вонъ возлѣ новой-то избы домъ то хорошій стоитъ, тамъ спросите. Пришли, спросили — есть; поглядѣли — корова ничего; цѣна? Запросили 22 рубля, сторговались за 17. И что бытъя было: старикъ — хозяинъ и такъ и сякъ: и на зарѣзъ то эту цѣну давали ¹⁾ и, наконецъ, выбожился: вотъ мое правое слово — дай Богъ церкви невзвизать! — дешевлѣ не уступлю ²⁾; да и удой показали — ничего, донтъ.

Привели мы корову домой ужъ въ сутиски (въ сумерки). На утро корова сдала молоко какъ слѣдуетъ, а въ вечерній удой убавила наша новопкупка. Бѣбы глядь-поглядъ, а въ хвостѣ виситъ прядь волосъ, звать, надрѣзана была. Дальше-больше, корова и тѣла на себѣ не держитъ, и молока мало даетъ. Батюшка-покойникъ — не къ ночи будь помянуть — и говоритъ: — подождемъ, батъ, до другога теленка. Да нѣтъ, не наше счастье: такъ и продали на мясо.

Лучилось (случилось) по зимѣ, десятникъ по ряду отвелъ у насъ фатеру (квартиру) для нищей. Раскалялись, баба оказалась съ Выселокъ; мы и спроси ее: — что, молъ, вотъ такіе-то и такіе-то за люди? А что? говорить. — Да такъ! мы вотъ у нихъ коровенку купили, да проку не было: ни молока, ни приплоду. — И... и... захотѣли, батюшки! а ихняя, въ снохахъ была. Было этакъ-же, коровку стали продавать: торгуются, а большой доверъ хмыль въ избу къ свекору, — я въ чуланѣ въ тѣ поры была, ребенка

¹⁾ На племя за всякую животину дороже платятъ, нежели при куплѣ на убой.

²⁾ «Выбожиться» — кулацкій приѣмъ.

вержила,—что, бабушка—бабѣ—совсѣмъ чтоли продаватъ?—Будетъ и въ половину. Такъ вотъ они какіе! Меня тоже не возлюбили за то и хозяина-то мого въ солдаты отдали.—Да намъ опосля-то сказывали ваши мажики (мужики) на базарѣ, что у нихъ старикъ-то былъ волхва и ужъ ни коровы, ни лошади спроста не продасть: у коровы въ хвостѣ, у лошади въ холкѣ выстригать.

Нижел. губ. Запш. гор. Починки. Ив. Мамакинъ.

Заговоръ отъ лихорадки, лихоманкой и кумохой въ простонародьѣ называемой.

Волосы черныя, брови черныя, глаза каріе, подбородокъ круглый, ротъ средній, лицо чистое, особыхъ приметъ не имѣетца.

Благослови меня, Господи, ради Василья Иисусовы молитвы творити и стихъ проговорити. Во городѣ во Ерусалимѣ, во Божьей церкви за престоломъ спала Мати Пресвятая Богородица, спала-почивала три дня и три ноци; не много Ей спалось, много во снѣ Ей видѣлось. Привидѣлся ей сонъ страшень и ужасень про Господа Бога и про Сына своего: будто Мой Сынъ распятъ на горѣ, на лобномъ мѣстѣ злобномъ, на древѣ кипарисѣ, руки растянши, ноги прибивши, въ головѣ кедръ возложенъ, сквозь реберъ копы проложено, бѣги кровь и вода... въ семь дому чистота. Пойду я, рабъ Илья, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота въ чистое поле, на синее море. На синемъ морѣ стоитъ бѣлый (sic), дубъ Маврыскій (sic); подъ тѣмъ бѣлымъ дубомъ Мавроискимъ (sic) сидятъ двѣнадцать сестеръ—Иродовыхъ, всѣ простоволосы ¹⁾. На встрѣчу имъ идетъ бабушка Михаилъ Архангелъ и Гаврилъ Архангелъ спрашивати:—что вы за люди?—Мы люди, Иродовы дочери. И сталъ онъ ихъ бабушка Михаилъ Архангелъ и Гаврилъ Архангелъ спрашивати: куда вы идете?—Мы идемъ въ мѣръ кости ломати. Аминь!

Считается также дѣйствительнымъ средствомъ, если больной пролежитъ между двухъ деревьевъ въ лѣсу и на одномъ изъ нихъ опояшетъ съ себя поясъ съ жѣднымъ кольцомъ, а женщина новяжетъ красный платокъ и кто возьметъ эти вещи, на того перейдетъ болѣзнь, а повѣсившіи ихъ выздоровѣетъ.

Какъ окуриваютъ новотелыхъ коровъ.

Когда у новотелой коровы, въ двѣнадцатый удой ²⁾, молоко выдоется, приступаютъ къ окуриванію, что продѣлывается преимущественно въ вечерній удой. Самый процессъ окуриванія производится такъ: баба въ черепокъ кладетъ горячіе угли и ладону, обнося его вокругъ коровы съ молитвою: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Стоящая съ другаго бока коровы спрашиваетъ:—чево, баба, куршишь?—Уроки.—Кури гораже! и принимаетъ подъ выменемъ черепокъ съ куревомъ. Затѣмъ молоко признается годнымъ къ употребленію, но поганымъ.

Побасенка.

Когда у меня отца еще не было, я съ дѣдушкой жилъ. У насъ было полтараста ульевъ, пятьдесятъ пчелъ: каждая пчела три улья заняла; какъ на походъ полетать—ворота затрещать; коя сильна тащить свинью, коя поздорова тащить по коровѣ, которая недомагаеть ворота затворяетъ. Мы съ дѣдушкой возьмемъ по гнету да выломимъ по соту и ѣдимъ яво, нида не хотца. Купимъ на семишникъ меду, наводимъ сыты да и хлебамъ.

(Тамъ же).

Ив. Мамакинъ.

¹⁾ По понятію простолюднана замужней женщинѣ открытую голову постороннему мужчинѣ грѣхъ показывать; развязкой можно ходить лишь дѣвушкамъ.

²⁾ 12 дней называется срокомъ. Поросать, телать сроку рѣзуть, ранѣе же сего времени считается грѣхомъ ѣсть мясо ихъ.

„Заговоръ для присухи“.

«Утренняя зоря Марея, вечерняя Катерина, полуношная Катерина, утренняя роса медвяна, вечерняя—сахарна, благословите меня раба божія (имя); лягу я рабъ божій благословясь, встану перекрестясь, пойду изъ избы во дворъ, изъ двора воротами, черезъ три высоки порога—путьемъ дорогой, въ день подь цонцо (sic), въ ночь подь мѣсяць, подь частыя звѣзды, подь буйныя вѣтры, на море на окіянь, на островъ на буянь, на море на окіянь, на островѣ на буянь, стоять три дуба зеленыхъ, подь темя тремя дубамъ зеленымъ цари вѣтрамъ, цари вихорямъ, цари царовичамъ, жоролн корелевичамъ, а я, рабъ божій подойду поклонюся, вашей вѣрѣ приложуся: Ужь вы батюшки вѣтры, батюшки вихора сильные, могучіе богатыри, вы сослужитѣ мнѣ службу вѣрну и неизмѣнну, пошлитѣ своихъ пословъ—почталіоновъ и курьеровъ, и отберитѣ отъ меня раба божья (имя) всю мою тоску тоскующую, сухоту сухотующую, тоску несповѣдну и плачь неутолкму, да понесите отъ меня раба божія (имя) къ рабицѣ божьей (имя), черезъ горы, черезъ доли, черезъ быстрыя рѣки, нигдѣ не залутайтѣ не залытайтѣ, нигдѣ неоставьтѣ не въ улкахъ, не въ переулкахъ, не въ частыхъ переходахъ, не въ высокихъ залотахъ, а оставьтѣ у рабицы божьей (имя) въ слышаніе, въ тѣлѣ бѣломъ, въ ретивомъ сердцѣ, Батюшки вѣтры, батюшки вихори! сильные могучіе богатыри: Лука, Марко, Матвій, Гаврило, пятый вихорь! Задуйтѣ, завѣйтѣ въ бѣлое тѣло, въ ретивое сердцѣ, въ сердцѣ, въ печень, въ кровь горячу, въ ясныя очи, въ черныя брови, въ 77 суставовъ соединеннымъ суставамъ, и въ 77 жилъ соединенною жилою, не могла бы она безъ меня раба божія (имя) не жить, не быть, не дню дневать, ни часу часовать, ни минуты миновать, ей-бы плакать и рыдать на молоду и на вѣтху и въ перекрой мѣсяца, гдѣ бы она не ходила, гдѣ бы она не гуляла, хотъ бы она въ торгу торговала, или въ пиру пировала, или въ бѣсѣдѣ бѣсѣдовала, все-бы меня раба божья (имя) на разумѣ держала; не милъ-бы ей былъ ни отецъ, ни мать, ни братъ, ни сестра, ни кумушки, не подруженьки, а только бы я, рабъ божій (имя), былъ бы милъ приятель, приглядень, казалось бы ей мое бѣлое лицо бѣлѣе бѣлаго снѣга, алѣе алаго цвѣта.

Батюшки вѣтры, батюшки вихори: вы ходили гуляли по всѣмъ городамъ пригородкамъ, по всѣмъ тврьямъ, богадѣльнямъ, по всѣмъ печальнымъ несчастливымъ людемъ, въ тѣхъ тврьяхъ и богадѣльняхъ сидятъ три молодца отъ младости и до старости, отъ старости и до сѣдой бороды, они плачутъ и рыдаютъ о татинькахъ, о мамонькахъ, о кумушкахъ, о подруженькахъ и о своемъ житъе гуляньице; вы и отъ ихъ отберитѣ всю тоску тоскующую, сухоту сухотующую да понеситѣ къ рабицѣ божьей (имя) черезъ горы, черезъ доли, черезъ быстрые рѣки, нигдѣ незалутайтѣ, не залытайтѣ, нигдѣ неоставьтѣ: не въ улкахъ, не въ переулкахъ, не въ частыхъ переходахъ, не въ высокихъ залотахъ, а оставьтѣ у рабицы божьей (имя) въ слышаніе, въ тѣлѣ бѣломъ и въ ретивомъ сердцѣ, не могла бы она безъ меня, раба божья (имя), не жить, не быть, не дню дневать, ни часу часовать, ни минуты миновать, ей-бы, плакать и рыдать на молоду и на вѣтху и въ перекрой мѣсяца, гдѣ бы она не жила, гдѣ бы она негуляла, хотъ бы въ торху торговала, или въ пиру пировала, или въ бѣсѣдѣ бѣсѣдовала, все бы меня на разумѣ держала; не милъ-бы ей былъ ни отецъ, ни мать, ни братъ, ни сестра, ни кумушки, не подруженьки, а только бы я, былъ милъ приятель, приглядень, казалось бы ей мое бѣлое лице—бѣлѣе бѣлаго снѣга, алѣе алаго цвѣта.

Батюшки вѣтры, батюшки вихори, вы ходили гуляли по горамъ, по доламъ, гнули, ломали яблонн кудравы, рактковы кусты, всѣ шолковыя травы, прутья вѣтви пригибали къ матерн сырой землѣ, такъ пригнитѣ, такъ покоритѣ рабицу божью (имя), ко мнѣ рабу божью (имя) не могла бы она не жить, не быть, не дню дневать, ни часу часовать, на минуты миновать, ей бы плакать и рыдать на молоду и на вѣтху, и въ перекрой мѣсяца,

Батюшки вѣтры, батюшки вихори! Задуите завѣйтѣ въ широкіе двери или въ косящето окно, или выйдеть на прекрасное крыльцо, подсѣклись-бы у ней рѣзвые ноги, опустились бы у ней бѣлыя руки, усмакло бы у ней ретивое сердцѣ, не могла бы она

не жить, не быть, не дню днєвать, ни часу часовать, ни минуты миновать, ей-бы плакать и рыдать на молоду и на вѣтку и въ перекрой мѣсяца.

Батюшки вѣтры, батюшки вихори! Задуйтѣ, завѣйтѣ хошь на сонну, хошь на парну, хошь на пьяну или на погану, не могла бы она не жить, не быть, не дню днєвать, ни часу часовать, не минуты миновать; ей-бы плакать и рыдать на молоду и на вѣтку и въ перекрой мѣсяца; гдѣ бы она не ходила, гдѣ бы она не гуляла, хошь бы въ торгу торговала или въ пиру пировала, или въ бѣсѣдѣ бѣсѣдовала, все бы меня на разумѣ держала; не милъ-бы ей быть ни отецъ, ни мать, ни братъ, ни сестра, ни кумушки—подруженьки, а только бы я рабъ божій (имя), былъ-бы ей милъ, пріятель, приглядень, казалось-бы ей мое бѣлое лице бѣлѣе бѣлаго снѣга, алѣе алаго цвѣта.

Батюшки вѣтры, батюшки вихори! Еще есть въ темномъ лѣсѣ, въ топкомъ болотѣ стоитъ изба, въ той избѣ живетъ старъ-матѣрь человекъ, у того стара-матѣра человекъ есть три дѣвицы, три огненные огневицы, у нихъ три печьки: печка мѣдна, печка желѣзна, печка оловянна; они жгли дрова двою годовалы, трою годовалы, пяти годовалы, жарко, ярко, пылко, емко, а вы съ тѣми дѣвицами, съ тѣми тремя огненными огневицами совокупитесь и соложитесь и пустятъ мою сухоту съ дымомъ, съ паромъ, съ жаромъ; а они, сильные могучіе богатыри, тугой лукъ натягли, калеву стрѣлу накладывали и каленой стрѣлѣ приказывали: Полетай, наша каленая стрѣла выше лѣсу стоячева, ниже облака ходячева; не пади наша каленая стрѣла не на воду, не на землю, не на сосну зелену, не на яблонь кудряву, не на ракитовы кусты, не на шолковые травы; а пади наша каленая стрѣла къ рабицѣ божьей (имя) на бѣлое тѣло въ ретивое сердцѣ, рошишибитъ и распалитъ ея бѣлотенную грудь, разожгитъ и распалитъ ея бѣлое тѣло и ретивое сердцѣ, не могла бы она безъ меня раба божья (имя) не жить, не быть, не дню днєвать, ни минуты миновать, ей бы плакать и рыдать на молоду и на вѣтку и въ перекрой мѣсяца; гдѣ бы она не ходила, гдѣ бы она не гуляла, хошь бы въ торгу торговала, или въ пиру пировала, или въ бѣсѣдѣ бѣсѣдовала, все бы меня на разумѣ держала; не милъ бы ей былъ ни отецъ, ни мать, ни братъ, ни сестра, ни кумушки, ни подруженьки, а только бы я рабъ божій (имя), былъ бы ей милъ, пріятель, приглядень; казалось бы ей мое бѣлое лице бѣлѣе бѣлаго снѣга, алѣе алаго цвѣта.

Батюшки вѣтры, батюшки вихори сильные могучіе богатыри: Лука, Марко, Матвѣй, Гаврило, пятый вихоръ! Еще той тоски мало, вы ходили гуляли по горахъ, по доламъ, по зеленымъ лугамъ, на тѣхъ на горахъ, на тѣхъ на долахъ на зеленыхъ лугахъ есть теляточка, агняточка, ососочки-поросеночки, они плачутъ и рыдаютъ о тягилькахъ и о мамонькахъ; а вы сильные могучіе богатыри, и отъ нихъ отберитѣ тоску тоскующую, сухоту сухотующую да понеситѣ ту тоску тоскующую къ рабицѣ божьей (имя) чрезъ горы, черезъ доли, черезъ быстрыя рѣки, нигдѣ незаплутайтѣ, не залытайтѣ, нигдѣ не оставятъ не въ улкахъ, не въ переулкахъ, не въ частыхъ переходахъ, не въ высокихъ заплатахъ, а оставятъ у рабицы божьей (имя) въ слышаніе, въ тѣлѣ бѣломъ, въ ретивомъ сердцѣ, не могла бы она безъ меня раба божья (имя) не жить, не быть, не дню днєвать, ни часу часовать, ни минуты миновать, ей-бы плакать и рыдать на молоду и на вѣтку и въ перекрой мѣсяца, гдѣ бы она не ходила, гдѣ бы она не гуляла, хошь бы въ торгу торговала, или въ пиру пировала, или въ бѣсѣдѣ бѣсѣдовала все бы меня на разумѣ держала, не милъ бы ей былъ ни отецъ, ни мать, ни братъ, ни сестра, ни кумушки, ни подруженьки, а только бы я рабъ божій (имя), былъ бы милъ пріятель, приглядень, казалось бы ей мое бѣлое лице—бѣлѣе бѣлаго снѣга, алѣе алаго цвѣта.

(Когда будешь говорить: «Полети моя тоска, полети моя сухота» — тогда дуй свой духъ на вѣтеръ).

— «Полети моя тоска, полети моя сухота, какъ лѣтуца пчела, какъ жалюча оса, не пади моя тоска, не пади моя сухота не на воду, не на землю, не на сосну зелену, не на яблонь кудряву, не на ракитовы кусты, не на шолковые травы; если на землю падешь—земля выгоритъ, а на сосну падешь — сосна высохнетъ; а пади моя тоска, пади моя сухота къ рабицѣ божьей (имя) на бѣлое тѣло въ ретивое сердцѣ, въ сердцѣ въ печень, въ кровь горячу, въ 77 суставовъ соединеннымъ суставамъ, въ 77 жилъ

соединенныхъ жилою; не могла бы она не жить не быть, не дню днествовать, не часу часовать, ни минуты миновать; ей-бы плавать и рыдать на молоду и на вѣтху и въ перекрой мѣсяца, гдѣ бы она не ходила, гдѣ бы она не гуляла, хошь бы въ торгу торговала или въ пире пиновала, или въ бѣсѣдѣ бѣсѣдовала, все бы она меня на разутѣ держала, не милѣ-бы ей былѣ ни отецъ, ни мать, ни братъ, ни сестра, ни кушникъ, ни подруженьки, а только бы я рабъ божій (нмя) былѣ бы милѣ приятель, приглядѣть, казалосъ бы ей мое бѣлое лице бѣлѣе бѣлаго снѣга, алѣе алаго цвѣта.

(Сіе говори трижды и, трижды дуй свой духъ; за каждыиъ приговоромъ:

— «Полети моя тоска, полети моя сухота». Дуй и говори три раза. По семь говори:

— «Ей-бы лѣчиться не вылѣчиться, не взять бы ей лѣкарства не съ воды, не съ травы, не съ пеньбѣвъ, не съ кореньбѣвъ, не съ матери сырой земли; ей бы парить не спарить, мыть не смыть, говорить не отговорить; а кто станетъ мыть отнимать, парить отпаривать, или говорить отговаривать—бери того шопота и ломота; какъ гора съ горой не сходится, такъ бы и его щека со щекой не сходилася. Стану я рабъ божій (нмя) замкомъ запираеть, ключемъ закрѣпляеть, отдамъ ключъ и замокъ страху польскому да раку морскому, а ракъ морской отдастъ Шуѣ-калутѣ, а шука-калута отдастъ подѣ латырь-камень, а бѣлѣ латырь-камень въ верху воды неостантъ. Когда этотъ камень на верхъ выплыветь, тогда рабица божья (нмя) отъ меня раба божья (нмя) отойдетъ».

(Слѣдуй преждѣ съ утренней зори. Дуй трижды и пушай по вѣтру заговоръ на зорѣ»).

Списано въ Шайтанскомъ заводѣ, Екатеринбургскаго уѣзда въ 44 в. отъ г. Екатеринбурга по Московскому тракту къ г. Перми; съ книжки писанной уставнымъ (церковно-печатнымъ) письмомъ крестьянина того же завода Василья Иванова Шулина.

Дѣйствительный Членъ Уральского Общества Любителей Естественнаго въ г. Екатеринбургѣ.

Петръ Шилковъ.

Г. Екатеринбургъ 2-го Апрѣля 1892 г.

Проводки и проводочныя пѣсни

въ Ростовскомъ уѣздѣ

Бесѣды въ Перовѣ ¹⁾.

Ростовскаго уѣзда есть сельцо Перово съ 80-ю слишкомъ дворами, верстахъ въ 5 отъ Петрова. Не смотря на то, что это сельцо помѣщичье, но—хоть за корову да въ Перово—говорять дѣвицы вольныхъ деревень. Въ такомъ почетѣ Перово въ околоткѣ. Въ самоиъ дѣлѣ—молодцовъ тамъ очень много, и молодцы тамъ—народъ все Питерской, наметаной, веселой? Лѣтомъ въ той сторонѣ вся молодежь въ Питерѣ, только зимой къ Рождеству являются всѣ домой. Тутъ-то пойдуть на бесѣдахъ проводки (особенно о Святкахъ). Весѣда то же, что—въ Пересл. у. посѣдки ²⁾; но въ бесѣду ходить здѣсь всѣ срядныя, дѣлають проводки и поють проводочныя пѣсни (въ родѣ караводныхъ). Въ бесѣдахъ съ проводками—одни взрослые дѣвицы (послѣ приходятъ молодцы), мелочъ (подростъ) ходитъ по своимъ бесѣдамъ, бабы съ мужьями (кои тоже прядуть),—по своимъ.

¹⁾ Рукоп. доставлена въ Общество въ 1848 г. изъ Переяславля-Залѣскаго отъ Н. Б.

²⁾ Вирочемъ и въ Пересл. у. онѣ наз. бесѣдами въ Заозерья.

Провѣдки.

Прежде мелодцы просятся подь окномъ охриплымъ голосомъ къ бесѣду, имъ отвѣчаютъ: приходите въ прошлую Субботу, такъ и дадимъ вамъ работы. Нѣсколько погодя, молодежь ввалитъ въ избу. Разсядутся, одинъ изъ мелодцовъ подступитъ къ дѣвушкѣ съ рѣчьми:

«Увища дорогая, пожалуйста веретенице, посмотрѣть на ваше рукадѣльство».

— У насъ веретеницы кривеньки, а вряжица толстенка, — отвѣчаетъ ему дѣвушка.

«У насъ въ рукахъ побываетъ, всегда тонка бываетъ».

— Дорожка водлѣ насъ, проходите мимо насъ.

«Всю бесѣду извошелъ, краше васъ не нашель, къ вашей милости пришель».

Видите сами, стою передъ вами...

Дѣвушка — дѣлать нечего — отдастъ неотвязному веретенице, а сама идетъ за другими. Молодецъ тотчасъ садится на ея мѣсто. Дѣвица, возвратясь, говоритъ молодцу такія рѣчи:

— Тесовѣшигъ положь шла, къ вашей милости пришла. Удалой молодчикъ! но какой это досадѣ гребешки наши въ засадѣ? Что они вамъ досадили, въ засаду посадили? (молодецъ все молчитъ). Кажется мы по саднику не гуляли, травы иноквой не мѣкали, и алыхъ цвѣтовъ не рывали. Удалой молодчикъ! чѣмъ же наши гребешки заростаютъ? — ни яблонкой кудреватой, ни рябиной сучковатой...

«Красна дѣвица, доброй молодежь засѣдаетъ», отвѣчаетъ ей молодець.

— Удалой молодчикъ, на чемъ же поцѣлуй-отъ родится.

«Ни въ кустахъ, ни въ листахъ, — у красной у дѣвушки въ устахъ».

— Удалой молодчикъ, пожалуйста намъ гребешокъ? (онъ молчитъ). Что же, удалей молодчикъ, — при чемъ вы сидите?

«При лавочкѣ!»

— Чѣмъ вы торгуете?

«Чайными травами, частыми гребнями».

— Извольте лавочку откырвать, гребешки выставлять и цѣну уставить.

«У насъ лавочка-то открыта, гребешки выставлены, имъ цѣна уставлена — бу-мажками 50, поцѣлуй разъ 60!»

— Удалой молодчикъ, 50-то сбавьте, а 7 разъ исправьте (цѣлуются). И извольте розстаться, въ правую сторону податься.

«Красная дѣвица, извольте нашей чести, во всѣ колѣни сѣсти!»

— Не годится — въ чужія колѣни садиться.

Другіе мелодцы также проводничаютъ, — разумѣется, всякой молодець на свой образецъ. Затѣмъ начинаютъ пѣть проводочныя пѣсни.

Провѣдочныя пѣсни.

1.

Какъ на рѣчкѣ, рѣчкѣ лежала дощечка,
Дощечка дубова. Дѣвка черноброва,
Дѣвка платье мыла, громко колотила,
Громко колотила, сухо выжимала,
Сухо выжимала, по бережку стлала,
По бережку стлала, мила дружка ждала.
Какъ ной милой ѣдетъ на воронномъ конѣ —
На воронномъ конѣ, въ нѣнецкой одежѣ.
Не доѣхадчи встаетъ, самъ Богъ-помочь подаетъ:
«Богъ-помочь, дѣвица, на бѣлымъ платьѣ!»

Дѣвушка спѣсива, не скажешь: спасибо!—
—Удалой молодчикъ, загаду загаду:
Сшей ты мнѣ башмачки изъ желта песочка!
«Красная дѣвица, напреди мнѣ драты,
Напреди мнѣ драты изъ дождевой капли».
—Удалой молодчикъ! сшей ты мнѣ платье,
Сшей ты мнѣ платье изъ макова листу,
Прострочи мнѣ строчку, непрорва листочка.
«Красная дѣвица, напреди мнѣ шолку,
Напреди мнѣ шолку изъ бѣлова сѣтгу».
—Удалой молодчикъ, купи мнѣ платочекъ,
Купи мнѣ платочекъ, аленькой цвѣточекъ.
«Красная дѣвица, сшей ты мнѣ жилетку
Сшей ты мнѣ жилетку изъ буйнова вѣтру».
—Удалой молодчикъ, слей мнѣ перстенечекъ,
Слей мнѣ перстенечекъ изъ солнечья лучья;
Вставь ты милъ глазочекъ—востощную звѣзду;
Дѣ буду ходити, тамъ буду сѣяти.
«Красная дѣвица, напой мово коня—
Напой мово коня, середь синя моря,
Средь синя моря, на камешкѣ стоя,—
Чтобы конь напился, коверъ не мочился».
—Удалой молодчикъ! сострей ты мнѣ келью,
Къ Петрову говѣню и то изъ леденьевъ.
«Красная дѣвица! припаси леденя, сострою и келью!»

2.

(на двѣ артели, какъ въ просо).

1. Какъ купечецка дѣвушка платье мыла,
Ой ли, ой ли, ой лешеньки! платье мыла,
2. А дворянской сынъ колотилъ;
Ой ли, ой ли, ой лешеньки! колотилъ.
1. Загануть ли те, дѣвушка, семь загадокъ?
Ой ли и пр.
2. Заганитко-те, сударь, хоть десятокъ.
Ой ли . . .
1. Ужь какъ что это, дѣвица, выше лѣсу?
Ой ли . . .
2. Выше лѣсу свѣтитъ мѣсяць.
Ой ли . . .
1. Ужь какъ что это, дѣвица, чаще лѣсу.
Ой ли . . .
2. Чаще лѣсу часты звѣзды.
Ой ли . . .
1. Ужь какъ что это, дѣвица, водлѣ лѣсу?
Ой ли . . .
2. Водлѣ лѣсу пала рѣса.
Ой ли . . .
1. Ужь какъ что это, дѣвица, краше свѣту?
Ой ли . . .
2. Краше свѣту красно солнце.
Ой ли . . .

1. Ужь какъ что это, дѣвица, безкрыленно ¹⁾)?
Ой ли . . .
2. Безкрылшвы бѣлы снѣги.
Ой ли . . .
1. Ужь какъ что это, дѣвица, безъ коренья?
Ой ли . . .
2. Безъ коренья горючъ камень.
Ой ли . . .
1. Ужь какъ что это, дѣвица, не ударишь?
Ой ли . . .
2. Не ударишь буйны вѣтра.
Ой ли . . .
1. Ужь какъ что это, дѣвица, безъ жалѣнья?
Ой ли . . .
2. Безъ жалѣнья мужъ жону бьетъ.
Ой ли . . .
1. Ужь какъ что это, дѣвица, беззапряжно.
Ой ли . . .
2. Беззапряжна быстра рѣчка.
Ой ли . . .
1. Ужь какъ что это, дѣвица, безсловесно?
Ой ли . . .
2. Безсловесна добра лошадь.
Ой ли . . .

3.

Изъ-за лѣсику—лѣсу темнаго,
Изъ-за сядиву саду зеленого,
Выходили тутъ два молодца,
Два молодца—оба хѣлости,
Оба холости неженатые—
Неженатые—щеглеватые.
Они вмѣстѣ шли—становилися,
Понизѣхоньку поклонилися.
Они врознь пошли—разбранилися
Объ одной душѣ красной дѣвицѣ—
Красной дѣвушкѣ Аннушкѣ,
А Аннушка свѣтъ выходила къ нимъ,
Выходила къ нимъ, говорила имъ:
«Вы не ссорьтесь, не бранитесь;

Вы по честности разойдитесь.
Вы возьми-тко-те вы по ножичку,
Ужь вы срѣжько-те по прутику,
Ужь вы сдѣлайте по жеребью,
Ужь вы кинько-те про-межу себя:
Какъ кому я млада достануся?—
Либо черному чернобровому,
Либо бѣлому кудреватому!»
—Доставалася парню бѣлому...
Онъ и бралъ ее за праву рученьку,
Онъ повелъ ее вдоль бесѣдушки,
Вдоль бесѣдушки красныхъ дѣвушекъ.
Онъ и велъ ее, самъ разхвастался,
Онъ разхвастался—всѣхъ на свадьбу звалъ.

4.

Вдоль ли по рѣчкѣ вдоль по Казанкѣ
Сизый селезень плыветь.
Вдоль ли по бережку, вдоль ли по крутому
Добрый молодецъ идетъ.
Чешетъ онъ кудри, чешетъ онъ русы
Частымъ гребнемъ гребешкомъ.
Самъ онъ со кудрями, самъ онъ со русыми
Разговариваетъ:

¹⁾ Крылешень—крылесьнь—указаніе на согласную основу (с) сл

Кому мои кудри, кому мои русы
Достанутся розчесать?
Доставались мои кудри, доставались мои русы
Старой бабушки чесать.
То-то мне не радость, то-то не веселье,
Нить успеха молодцу!
Как она ни чешетъ, как она ни гладитъ,
Только волосы деретъ.

*
**

Вдоль ли по рѣчкѣ, вдоль ли по Казанкѣ—
Сизой селезень плыветъ.
Вдоль ли по бережку, вдоль ли и пр.
Доставались мои кудри, доставались мои русы
Красной дѣвухѣ чесать.
То-то мне радость, то-то мне веселье,
Есть успеха молодцу!
Вотъ она чешетъ, вотъ она гладитъ—
Волосъ къ волосу кладетъ.

5.

Скачетъ, пляшетъ воробышекъ да вдоль по лужку.
Насъ на лужечкѣ не множио людей,
Всего 40 человекъ съ человекомъ.
Разудаленькой молодчикъ! догадайся.
Выбирай себѣ дѣвуху по мысли.
Что по праву, по любви.
Красна дѣвуха вдоль садика прошла.
За собою холостого провела,
Холостого неженатаго—
Молодчика важеватаго.
На ней платьице бѣлѣтся,
Шали алья алѣются,
На головушкѣ изъ розона вѣнокъ,
Въ правой рукѣ нѣмецкой ливерокъ²⁾.
Ливеркомъ дѣвка помахиваетъ,
На молодчика посматриваетъ:
Всѣ я, миленькой, гулянье изошла,
Лучше, краше я васъ не нашла.
Хоша лучше и краше тебя есть,
Во моемъ сердцѣ жалѣнья объ тѣхъ нѣтъ.

6.

(Капустку завивать)

Вейся ты, вейся капустака.
Вейся ты, вейся виляя!
Какъ мне капусткѣ не виться,
Какъ мне вилою не ломиться.
Вечоръ на капустку,
Вечоръ на вилюю

Выпалъ частой дождикъ—
Частенекъ, мелѣнекъ
Съ росой холодненекъ—
Сливной поливаетъ,
Капустку ламаетъ.

*
**

2) Вѣрокъ.

Съю, вѣю—въ капустеньку.
 Розвивайся, мой вилой кочешокъ,—
 Не женися, молодой паренѣкъ!
 Естли женишься—спокаешься,
 Со мной съ дѣвухой разстанешься;
 Одному млада достануса—
 Либо первому, середнему—
 Либо самому послѣднему.
 Овъ которую лучшше искалъ,
 Овъ съ той встрѣтился и здравствуй
 не сказать.
 Вѣрно, миленькой, сердить на меня,
 Вѣрно, миленькой, есть иная у тебя,
 Вѣрно, миленькой, лучшше меня.
 Поглядите, добры люди, на меня.

Чѣмъ я млада уродилъся дурна,
 Изъ бѣла лица бѣлешенька,
 Съ очей ясныхъ веселѣшенька,
 Пойду къ милому скорѣшенько,
 Трону жизнь его легохонько,
 Загану дружку загадочку:
 Какъ не для чего огороды городить,
 Какъ не для чего капустку садить.
 Мы очочи въ лѣсъ по-ягоды ходить,
 Въ темномъ лѣсѣ приаукнуться.
 Никто въ лѣсѣ не аукнется,
 Никто въ темномъ не откликнется:
 Откликнулся одинъ миленькой дружокъ
 Черезъ темненькой зелененькой садокъ.

7.

Ужь ты зайныка, зайныка, зайка бѣ-
 ленька,
 Зайка бѣленька, зайка сѣренька—
 Ушки востреньки, ножки коротеньки,
 Зайка въ сторону вскочила,
 Много солоду ростила,
 Во другую-то съочила—
 Тамъ рѣва глубока,
 Рѣка тинова, рѣка рябинова.
 Тамъ рябинушка часта,
 Поцѣлуй дѣвку въ уста!
 Какъ во старые во годы
 Не бывало такой моды;
 Нынче выслался указъ—
 Цѣловать дѣвокъ 100 разъ;
 Во сахарныя уста

Поцѣлуй четыре ста.
 Ужь какъ мой-отъ мужъ охотникъ,
 Господинъ сударь, стрѣлецъ;
 За охотою ходилъ,
 Перепелочекъ ловилъ.
 Изымалъ лунька, лунька сѣренькаго.
 Посадилъ лунька на крутой на бере-
 жокъ.

Вы раздайтесь, дѣвицы,
 Разступитесь, молодцы,—
 Ужь какъ дайте вы луньку
 Погулять по лужку.
 Какъ увидѣли лунька
 Красны дѣвки изъ окна,—
 Ты сюды, сюды лунѣкъ,
 Сюды миленькой дружокъ³⁾.

Н. Б.

(Запис. въ 1848 г.).

О говорѣ жителей Каргопольскаго края (Олонецкой губернии).

Каргопольскій край заключаетъ въ себѣ нынѣшній Каргопольскій уѣздъ Олонецкой губернии и прилегающія къ нему части Пудожскаго (жужую) и Вытегорскаго (восточную), совершенно однородныя съ нимъ по этнографическому составу. Въ древнія времена овъ былъ заселенъ финскимъ племенемъ заволоцкой Чуди. Память о ней сохранилась въ преданіяхъ о «Чуди бѣлоглазой», которая представляется въ видѣ разбойничьей шайки, жившей около озера Лаче и оттуда дѣлавшей нападенія на окрестности. Таково, напримѣръ, преданіе жителей Ухотскаго прихода (50 в. отъ Каргополя, въ Вытегорскомъ уѣздѣ) о нападеніи чуди, поруганіи ею церкви и объ ея чудесномъ ослѣпленіи. Указываютъ даже дорожку въ болотѣ, по которой шла чудь, и ея общіе могилу. Во многихъ мѣстностяхъ Каргопольскаго уѣзда (напримѣръ въ приходахъ Линскомъ, Шалекушскомъ, Красновскомъ, Шожемскомъ и др.) до сихъ норъ указываютъ на чудскіе курганы. Вѣроятно эти первоначальные жители края были посте-

³⁾ Эта пѣсня употребляется и въ Пересл. у., но въ караводахъ. Н. Б.

венно вытѣсняемы отсюда новгородскими населенниками и частью ушли на сѣверъ къ Белому морю, частью сѣшались съ пришлыми русскими населеніемъ. Насколько повлиялъ чудской языкъ на русскій, по незнанію перваго, точно опредѣлить не могу. Большинство населенныхъ мѣстностей носятъ чудскія названія: Каргополь (каргу-пуоли, медвѣжья сторона), Челма (гора), мѣсто подвиговъ преп. Кирилла Челмогорскаго, пророка Чуди, Шалга, Ухта и т. п. Но во всякомъ случаѣ влияние финскаго элемента сказывается здѣсь не такъ сильно, какъ въ другихъ мѣстностяхъ Олонецкой губерніи. Русская рѣчь въ предѣлахъ Каргопольскаго края гораздо чище отъ заимствованій изъ финскихъ языковъ, чѣмъ напримѣръ въ западной части сосѣдняго Вытегорскаго уѣзда и особенно Петрозаводскомъ и Олонецкомъ ¹⁾. И по физическимъ свойствамъ, Каргополи рѣзко отличаются отъ Корельковъ, которыхъ инѣ часто случалось видѣть въ базарные и праздничные дни на улицахъ губернскаго города. Росту они въ большинствѣ случаевъ выше средняго, сложенія крѣпкаго; замѣчается склонность къ дородству, полнотѣ. Цвѣтъ волосъ преобладаетъ русый и рыжій. Глаза свѣтлыхъ цвѣтовъ, особенно часто встрѣчаются сѣрые. Черты лица довольно правильныя и крупныя. Вообще типъ жителей чисто русскій. По характеру они добродушны и простоваты: «красна рожа, равна одѣжа, ротъ полъ—вѣрно Каргополь». Эта простоватость объясняется тѣмъ, что Каргопольскій край лежитъ въ сторонѣ отъ Марининской системы и самый хлѣбородный въ губерніи. Отсюда жители его—домосѣды, больше занимаются хлѣбопашествомъ и сравнительно гораздо меньше отхожими промыслами, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Олонецкой губерніи.

Изъ звуковыхъ особенностей Каргопольскаго говора прежде всего обращаетъ на себя вниманіе сильное оканье (остромить, копать, корманъ, конунъ, окоянной, зора и т. п.). Надъ аканьемъ подсмѣиваются. Существуетъ особое, насмѣшливое слово ба-занить, говорить съ высока, на а.

Вторая особенность — перемена гласныхъ: а въ е: печь и пещель; е въ и (щель, прищипить, двври, обедвирна); и въ е (престыдиль, перогъ); о въ у (суре); я въ е (онеть, деда, острешъ) и, наконецъ, ѣ въ и (стрилять, ричка, вистяхъ). Но въ падежныхъ окончаніяхъ ѣ произносится какъ е.

Въ произношеніи согласныхъ замѣчаются слѣдующія особенности ²⁾:

Сохранилась древняя особенность новгородскаго говора, взаимная перемена ж и ч.

Г, когда оно находится между двумя гласными, произносится какъ х (пошагалъ, тахатце),

К предъ ф звучитъ какъ х во многихъ словахъ (хресьенинъ, хрѣсной, хревдаль) ³⁾. Есть нѣсколько примѣровъ, когда х въ окончаніи ха переходитъ въ ч: брусница, черница, земляница, голубица, кислица.

Замѣчательны слѣдующіе переходы звуковъ: л въ о въ словахъ: шавить, пойво и въ ж въ словахъ: тонь (столь), конь (сколь); сохраненіе ж и ш въ словѣ витѣ (вище, мн. ч. отъ вица, пруть, розга, вѣтка ⁴⁾); вм. ш, оч и шч въ словахъ: косивчатой, косетчатой, которыя употребляются въ каргопольскихъ пѣсняхъ и причетахъ вмѣсто слова косачатой.

Замѣчательны мягкія согласныя, каковы: џ—ѣ (тысящевой, швецъ, колодець, овця, дяшка) и ч (чиганъ, очапъ), с (ś) (Микифоровскія, пьсьни) и ф (f) (горьяцца) только въ немногихъ случаяхъ.

¹⁾ Когда я пріѣхалъ въ губернскій городъ учиться въ семинаріи, то не понималъ многихъ словъ, заимствованныхъ съ корельскаго языка, которыми была пересытана рѣчь товарищей уроженцевъ упомянутыхъ мѣстностей.

²⁾ Я опускаю всѣ тѣ особенности въ произношеніи согласныхъ, которыя совершенно сходны съ перечисленными у А. И. Соболевскаго въ его лекціяхъ по исторіи р. языка (стр. 80—81) и, кажется, общи всѣмъ великорусскимъ говорамъ.

³⁾ Мнѣ случилось слышать Х арлополь вмѣсто Каргополь. Иамѣненію ж въ л не зависить ли адѣсь отъ влияния плавныхъ р и л (Соболевскій, л. по ист. р. яз. стр. 94)?

⁴⁾ Ср. Собох. *ibid.* стр. 93.

Въ склоненіи именъ существительныхъ отъиѣтнѣхъ слѣдующіе случаи: дѣнь, воздѣнь; любопытны и слѣдующіе приѣтры: въ ротѣ (во рту), на каменѣ (на камнѣ). Есть особая группа уменьшительныхъ и ласкательныхъ образованныхъ чрезъ суффиксъ *ѣлк*: братѣлко, затѣлко, осохуѣлки (игра въ прятки). Своеобразны по производству слѣдующія имена существительныя: востанище (не плыветъ сърой камень поверхъ воды, не живѣтъ мѣртву тѣлу востанище), вылюдье (платье, одѣжа, въ которой не стыдно чужимъ людямъ показаться), желанна (любовь, жалость), заслывье (заступа), ласкота (ласковый человѣкъ), надія (надежда), похинна (порипаніе), узорцеѣ (укоръ за дурное поведеніе).

Относительно прилагательныхъ нужно сказать, что въ обыкновенной рѣчи преобладаютъ усѣченныя окончанія, въ гѣсняхъ же и причетахъ полныя и, когда этого требуетъ ритмъ, растяженныя. Окончанія *ий* и *ый* слышатся какъ *ей* и *ой* (доброй, слазенькой) синей. Окончаніе родительнаго падежа *ого* никогда не произносится какъ *оо*.

Глагольныя окончанія *тось* и *тсь* звучатъ какъ *тѣс*. Когда же возвратному жѣстоименію *ся* (себя) предшествуетъ не *т*, а другой согласный или гласный звукъ, то оно произносится какъ *се*: остатце, остаецце, осталсе, осталосе. Большинство глаголовъ оканчивающихся въ настоящемъ времени единственномъ числѣ первымъ лицѣмъ на *аю*, во второмъ и третьемъ лицахъ того-же времени и числа терпятъ сокращенія *ашиъ* въ *аши* и *агтъ* въ *атъ*: падаю, падашь, падасть; я баю, ты башь, онъ, она башь. Глаголы оканчивающіеся въ наст. вр. ед. ч. 1-мъ лицѣмъ на *ху* не смячуютъ *х* въ *ч* во второмъ и третьемъ лицѣ ед. и мн. числа: пекю, пекѣшь, пекѣтъ, пекѣшь, пекѣте; теку, текѣшь, текѣтъ; неокончательное накл. будетъ на *хчи* (по каргон. произношенію *кчи*) пекчи, волокчи (тащить), выскчи (высѣчь), оболокчись (одѣться) и т. п. Вмѣсто окончаній прош. времени *илъ*, *ила*, *или* въ нѣкоторыхъ немногихъ глаголахъ употребляются окончанія: *лъ*, *ла*, *ли*; говорѣлъ, рассердѣлся. Замѣчательенъ случай употребленія средняго глагола: спѣшить въ возвратной формѣ: не спѣшисъ. Также не скудайсе.

Замѣчаются особенности въ образованіи обстоятельственныхъ словъ времени и мѣста. Нѣкоторыя изъ первыхъ образованы изъ существительныхъ взятыхъ, въ винительномъ падежѣ чрезъ прибавку окончанія *съ*: вѣснусь, лѣтось, осенѣсь, зимусь. По этому образцу составились и другія: досемишь, досюлесь, лонись, вѣпрасъ, ономедисъ. Въ сложныхъ обстоятельственныхъ словахъ мѣста куда и сюда ви. оконч. *да* любимо оконч. лъ: покуль (покуда), докуль (докуда), откуль (откуда), досюль (досюда), отсюль (отсюда).

Обращаетъ на себя вниманіе сгѣшеніе предлоговъ въ составныхъ словахъ. Прилика (улика); нетстрочный (неотсрочный) безсрочный отпускъ, прожитоцьной (зажиточный); засказывать (разсказывать), зацинитце (починиться), надиватце (одѣваться), напрокуцить¹⁾ (наскучить), обневолить (приневолить), привернуть (завернуть), пристигать (застигать), убратце (прибраться) и т. п.

Въ говорѣ Каргополовъ поражаетъ обиліе частиць *те*, *тъ*, *тхо*, *ко*, *то*. У Соболевскаго въ лекціяхъ по исторіи русскаго языка⁶⁾ помѣщено склоненіе члена въ Шадринскомъ говорѣ Пермской губерніи. Нѣчто похожее на склоненіе члена замѣчается и въ Каргопольскомъ говорѣ. Только оно не такъ сложно. Мужскій родъ ед. ч. мн. и. о—*тѣ*, остальные падежи *то*; мн. ч. и. п. *тѣ*, прочіе п. *то*; женскій родъ ед. ч. и. п. *та*, вин. *ту*, остальные падежи *то*; мн. ч. сходно съ мужскимъ родомъ.

Относительно ударенія замѣчается наклонность ставить его дальше отъ конца словъ (дрова, молодой, овечь) и переносить на предлоги (до дому, на лѣто, подъ гору, настоять, наставвать). Но эта склонность не развита до такихъ крайностей какъ въ Заонежьи. Замѣчается выпаденіе неударяемыхъ гласныхъ и слоговъ: шлящье морозъ; набъ (надобы), надъ (надо при надоть и надо бѣтъ), па (парень), хошь, вишь и т. п.

Въ заключеніе прилагаю похоронный причетъ и списокъ мѣстныхъ словъ. При составленіи послѣдняго я руководствовался отличіемъ мѣстныхъ словъ отъ употреб-

¹⁾ Очевидно буква *с* въ словѣ наскучить предлогъ *съ* и замѣшена другоимъ пред. *про*.

⁶⁾ Стр. 159.

ляемых въ литературномъ русскомъ языкѣ, а потому въ немъ, по всей вѣроятности, окажется много такихъ, которыя употребляются и въ другихъ областяхъ Россіи.

Причетъ матери по умираемъ сынѣ:—«Послушай-ко сугрѣвое милое бажное дитятко, роженъе мое сердешное, ты куды свиваешьсе и справлеешьсе, во какую путь-дорожку широкую? Ты свиваешьсе и справлеешьсе, ко обидѣ ко заздравной, къ черкви пресвященной, ко молебну заздравному, просить Царя Небесного о своемъ здравіи великомъ, шtbody дагъ Христось здоровья великого, вику долгого для сиротъ да горегорькихъ малыхъ-то дитючекъ. Ты свиваешьсе и справлеешьсе на площу-ярмонку, на веселое гуленьце со своими друзьями со братьями, съ перелетными, удалыми добрыми молодцами. Ужъ смахнуть мнѣ очи ясныя на тебя мое роженъе сердешное: во што—да снаряжаешьсе, во што оболокаешьсе. Ужъ смахнула я, мати бѣдная, очи ясныя, поглядѣла на тебя, мое роженъе сердешное, ужъ я глупая мать, неразумная, побѣдная, горегорькая: не такъ снаряжаютце, свиваютце на гуленьце веселое. Ужъ лежитъ тѣло мертвое, лице блѣклое, и наряжено во платѣ бѣлое, платѣ бѣлое, мертвецкое. Ужъ послушай ты, сынъ бажной, промовь со мной, маткой бѣдною, словцо тайное—непроносное. Ужъ пытаю тебя, мати бѣдная, бужать изо сну-да изо крѣпкого, изо сну-да забудущего. Ты скажи-ко мнѣ, матери бѣдной, про твоихъ про малыхъ дитюшекъ: на кого оставлеешь малыхъ дитюшекъ, на кого держишь надюшку великую? кто станеть коринить-понить твоихъ-то малыхъ дитюшекъ? Они малышъ-то малешеньки и глушымъ-то глушешеньки, не въ полномъ умѣ-разумѣ, не въ большемъ-то и на возрастѣ. Будутъ безъ тебя, сердешной родитель, вольные да и самовольные, не умные, выйдутъ на удумкѣ дурливые, въ избѣ-то навостливые, находятце по міру по крещеному калкивой переходже, попрошайкой подоконою, много будетъ имъ горюшка великого, досадушки несносныя послѣ желанного родитель-батюшки. Подойдите-тко вы сироты горегорькіе, малые бажоны дитюшки, ко желанному родитель-батюшкѣ, вы проспте-тко крѣпкого благословеньица на вики нерушимого. Я пытала, бабка бѣдная, будить да и клквать вашего желанного родитель-батюшку изъ крѣпка сна забудущего, не могла разбудить да докликатце. На што осердилсе да приогнѣвалсе желанной родитель-батюшко? Не бывать вѣрно по старому, не бывати по прежнему, не таптывать муравой травы шелковой, по бѣлу свиту не хаживать. Ты послушай-ко, роженъе сердешное, о цемъ попрошу сирота горегорькая со своими малыши бажонными дитюшками. Ты когда посулишьсе къ намъ во цястое любимое госьбище, о котору пору-времячку? Посулишьсе ко цеснону годовому праздничку ко Михайлу ко Арханделу. Я поставлю, мати бѣдная, среди пути-дороженьки караульничька, къ зеленымъ угламъ да бережатога, ко воротушкамъ стережатога, не прошель шtbody ты сироткой нашей хижины. Мнѣ не надо мати бѣдноей караульничька и бережатога, у тебя довольно осталось сиротъ горегорькихъ, они стерегутъ и берегутъ тебя во цястое любимое госьбище. Горегорькіе, побѣдные, нужные и маложимые, справиятъ мы тебѣ госьбище великое. Нѣту золотой казны бесцетныя, не на што купить напитокъ медовыхъ, поставить на столы да на дубовые припасу-яству хрьсенскую. Послушайте-тко сироты горегорькіе, хоть я пладоу и выплакиваю и прицеты я выкладываю: не бывать по старому и по прежнему, ужъ не хорошеѣ названъице, не веселое прикликанъице—звать сиротами горегорькими, не хотѣлосе такового слова мовити. Пришла та пора времяецко, что сироты вы горегорькіе; не по думушкамъ ставаетце, не по мыслямъ совершатце. Ужъ видно судилъ вамъ Христось истинной жить сиротами горегорькими. Не сплывать да сѣру камешку поверхъ ключевой воды холодныя, не вырости кустоцьку ракитову среди да моря синего, не дождатце, не доглядитце вамъ желанного родитель-батюшки».

Когда полагають покойника въ гробъ:—«Вамъ спасибо удалые добры молодцы, сусиди порядовные, что сдѣлали домовище и займище на вики нерушимое. Только не спасибо вамъ, сугрѣвы теплые, что не проскли вы косивцята окошецька моему сыну милому, не положили вы хрустального стеклышка: поглядѣлъ бы онъ на своихъ малыхъ дитюшекъ, какъ пошли они по міру по крещеному».

Когда возозать покойника на погостъ:

«Прощайсе-ко, роженъе сердешное, со своей-то свитлой свитлицей, со сироткой

бѣдной хижинной. Послушай-ко, роженъе сердешное, погляжу я, мати бѣдная, на са-роцьку бѣдну хижину: всё то столбики жснатились, ободжиринки искослились. Я по-глядѣла на коня добра на ступцята: онъ понизилъ свою буйну голову во мѣть да во сырой землѣ, онъ ужъ бьетъ матъ сыру землю своимъ копытомъ правымъ, ужъ и цвѣтъ сердце ретивое, что не стало у него дожохозенна».

Въ то время, когда везутъ покойника на погостъ:—

Ты прощайсе-тко, роженъе сердешное, со своею со родиною сторонужкою, со сусѣдами порадовными, со своею да быстрой рипцньюкой, со полеми со цыстыми, со полеми со зелеными.

Списокъ мѣстныхъ словъ.

Ажно,—даже; между тѣмъ.
 Асетка,—откликъ: ась, чего, что.
 Ато-тя,—ну тебя.
 Бажать,—сильно желать (говорять о боль-ныхъ и родильницахъ).
 Бажоной,—желанный, ласкат. слово.
 Базанить,—говорить свысока, на а.
 Баситце,—наряжаться, украшать себя на-рядами, заботиться о наружности; при-баситце—оправить платье, причесать во-лосы; баской, красивый; баско.
 Басни,—разговоры; тѣ-басни да сѣ басни.
 Бахилы,—крест. сапоги; худо, неуклюже считая обувь.
 Баять,—говорить.
 Беремя,—ноша; взеть въ беремя, взять въ охапку
 Бѣстолоць,—безтолковый человекъ.
 Бешлотъ,—придорожная канава.
 Блажить,—чудить, дѣлать странности; блажнѣй.
 Божатой, божатка,—крестный отецъ, крест-ная мать.
 Болько,—больно.
 Большакъ, большуха,—старшій, старшая въ семьѣ; бѣшина, главенство въ семьѣ.
 Бороздить,—препятствовать, противорѣчить.
 Босовникъ,—обувь въ родѣ туфель, одѣ-ваемая на босу ногу.
 Бранина, забранина,—домашній узорча-тый холстъ для свѣтертей и полотенець.
 Братанъ,—двоюродный братъ.
 Братыня,—мѣдный сосудъ съ рожкомъ; въ немъ подаютъ гостямъ квась.
 Буракъ, бурацѣкъ,—корзина изъ сосновой драги.
 Бужать,—будить; побужать.
 Булмакъ,—водянистый пузырь.
 Вагаль,—самая мелкая, худая рыбешка.
 Валиница,—мѣсто подсѣки, порубки лѣса.
 Валгажитце,—заниматься много чѣмъ-ни-будь, ухаживать за кѣмъ-нибудь.

Вара,—тяжесть; всей варей навалилось, со всей вари грѣхнулсе.
 Вдозаболь, взаболь¹⁾, взабиль,—въ самоѣ дѣлѣ, не шута.
 Вѣснусь,—прошлой весной.
 Вѣснутъ,—всѣтъ.
 Верстина,—песокъ изъ разгорѣшаго камня, которымъ трутъ поля.
 Верви,—нитка для шитья обуви.
 Берхонки,—насыпанное сверхъ мѣры, дан-ное сверхъ должнаго.
 Вехоть,—пучекъ мочалы, употр. для мытья половъ.
 Вирѣнда,—куча хворосту на подсѣкѣ.
 Вирать,—пѣсти (о лаптяхъ); въ пер. смн-слѣ отвертываться, хитрить, дѣйствовать или говорить уклончиво.
 Вица,—розга, пруть.
 Вмистѣхъ,—вмѣстѣ.
 Волганцы, волнухи, подѣлдыши и др.—грибы въ отличіе отъ боровыхъ рыжи-ковъ.
 Волога,—всякая жидкая, вареная пища.
 Волось те сѣдь,—ругат. выраженіе.
 Волоть,—стебель хлѣбнаго растенія.
 Воркотунъ, унья,—ворчунъ, ворчунья.
 Воронецъ,—полка отъ угла печи къ противо-положной стѣнѣ, на высотѣ человѣческаго роста.
 Впоровень,—поровну.
 Всякой выжимой день,—каждый день, постоянно, безъ пропуска.
 Втора,—бѣда.
 Вылюдье,—одежда, обувь, въ которой не стыдно показаться чужимъ людямъ.
 Вѣрывать,—желать, хотѣть, надѣяться; она вѣруеть за него замуужъ; у него есть вѣра ку цѣбѣ; по своей вѣрѣ, сооб-разно своимъ понятіяжъ.
 Гаведъ,—лагушки, ящерицы и пр. гады.
 Гарьяки,—угощеніе при покупкѣ и мѣнѣ лошадей.

¹⁾ Слово взабиль извѣстно у насъ на большомъ пространствѣ, срви. серб. (о)зби лъски, (о)зби лно—серьезный, серьезно, в а а правду. Ред.

Гайно, — пасть, ротъ.
Глодате, — взаимно браниться.
Глупиши, — олады изъ гороховой муки.
Голопшито, — скоплять, собирать въ одно мѣсто; голопштите, ютиться.
Гразь, — каркать; громко и долго смѣяться.
Давень, — давеча.
Даромъ, — ничего, не бѣда.
Дедина, — жена дяди.
Дельници, — шерстяныя рукавицы.
Долонь, — ладонь; токъ на гуннѣ.
Домовище, — гробъ.
Дородвой, — хороший; дородво, хорошо, ладно.
Досемесь, — до сихъ поръ.
Доступить, — добыть, добыться.
Досюль, досюльесь, — давно, прежде; досю-
лешной, древнѣй, старѣй.
Досугой, — искусный, умѣлый.
Договошней, — спрѣжнѣй, стариннѣй.
Дропить, — ласкать; дропѣной; дроки; дро-
пѣна, кушанье, лепешка изъ сдобнаго
тѣста или тертаго картофеля, испечен-
ная на сковородѣ въ запаханной печи.
Дубецъ, — тонкая палка, хлыстъ изъ тон-
каго дерева.
Дымоволокъ — труба въ курной избѣ.
Е, — есть.
Ели, — если
Ересливой, — раздражительный.
Еретикъ, — бранное слово.
Еретина, — первая шерсть съ молодой овцы
или барана.
Есть у тя волосъ / Ничего у тебя нѣтъ,
Есть у тя нырки / ничего ты не знаешь.
Жаба, — бранное слово.
Жалобитце, — жаловаться.
Жаровица, — влѣкча.
Желанна, — любовь, жалость.
Жемокъ, — круглый пряникъ, сплюснутый
съ двухъ краевъ, безъ узоровъ.
Жижлуха, — ящерица.
Жира, — хозяйство; жира у нихъ хорошая;
живуть на двѣ жиры; двужирный дождь.
Жировнкъ, — бранное слово.
Жито, — ячмень; житникъ, небольшой хлѣ-
бецъ изъ ячменной муки, незыв. еще
дв и ня н к в.
Жолви, жолватоѣ, — бранныя слова; соб-
ственно жолвами называютъ золотуш-
ныя железы на шеѣ.
Заблюдникъ, — нѣсколько полокъ, соединен-
ныхъ вмѣстѣ, для храненія блюдъ, та-
релокъ, вообще разной посуды.
Загоска, — кукушка.

Загуста, — каша изъ ржаной или житной муки.
Заника, — вѣстовой, курьеръ.
Заклекнутце, — захлебнуться, подавиться
(пищей).
Залукайтесь, — приходите, заѣзжайте; такъ
приглашаютъ крестьяне въ гости.
Заложить, — запереть на замокъ.
Замашка, — привычка.
Засловье, — заступна на словахъ за кого-
нибудь.
Заспа, — ячменная или овсянная крупа.
Зашаятце, — затлѣться.
Зямусъ, — прошлой зимой.
Зобать, — ѣсть муку, зерна въ ихъ есте-
ственномъ видѣ.
Зобенка, зобница, — корзинка для муки
плетеная изъ бересты.
Зой, — ссора, драка.
Изглятце, — издѣваться, насмѣхаться.
Издержатце, — пропасть, околѣть (о дом-
скотѣ).
Изнимай-тя, штобы ты изнело, — бранныя
выраженія. Тутъ разумѣется лихоманка,
трясовица. Изнимальникъ, изнимокъ.
Вишь какъ его изнимаетъ-то, говорить
про человѣка, громко и продолжительно
смѣющагося или выкидывающаго какія-
нибудь странности для потѣхи окру-
жающихъ.
Ишоцьки, — жиурки.
Исполохатце, — испугаться.
Кабуша, — конусообразный кусокъ сыру.
Казакъ, циха, — наемный работникъ, ница.
Калитка, — сочень изъ житной муки, по-
литый сверху мукой, разведенной въ
сметанѣ или молокѣ и испеченный въ
запаханной печи.
Кальга, — карманъ, какъ мѣсто храненія
денегъ; при игрѣ въ бабки означаетъ
количество бабокъ у играющаго.
Калужина, — коряга.
Какъ бытъ, — какъ бы не такъ.
Кашпать, — брести потихоньку.
Кажь, — холодная вода съ примѣсью овсин-
ной муки, употребляется для питья.
Керста, — могила. Срвн. др. ц. слав. крѣ-
ста-тѣмѣос.
Кляпцы, — капканъ для медвѣдей, волковъ,
лисицъ и т. п.
Козни, — бабки.
Кои жолви, кои усови, — что за штука,
чего еще надобно (при ссорѣ).
Колобъ, — лепешка изъ толокна или жит-
ной муки на сметанѣ или коровьемъ

- Маслѣ, завернутая съ низу въ сочень изъ ржаной муки, испеч. въ запах. печи.
Коловоротъ, — сверло.
Колотятце, — стучаться.
Колотырить, — говорить пустяки; колотыриникъ.
Колотуха и колетуха, — высокая колючая трава на поляхъ.
Конь, — сколь.
Конебонтце, — биться долго и безъ толку съ упрямымъ или пьянымъ человекомъ.
Корбуса, — уклейка.
Корзать, — рубить (хвою отъ ели для подстилки скоту).
Косарь, — большой ножъ съ загнутымъ концемъ; употребляется для очищенія полей отъ порослей.
Кохелятце, — тихо испраиваетъ дѣло.
Круги кованы, — колеса окованные.
Крушихойной, — крошечный.
Крутитце, — одѣваться.
Крынка, — горшокъ для молока.
Крыльца, — плечи.
Крять, — трогать, двигать съ мѣста.
Кунь, — нѣмой, косноязычный.
Кукры, куворки, — плечи.
Кулюха, — это слово употребляется лишь вопросительно. Напр.: что у тебя тутъ закрыто, или завязано? говорятъ: кака у ти тутъ кулюха? Если ребенокъ проситъ чего-нибудь, не объясняя, что ему собственно надо, говорятъ: кака тѣ кулюха надобна?
Курева, — вьюга, снѣгъ съ вѣтромъ; закуревило — началась вьюга.
Кутышкать, — щекотать.
Ладить, — думать, предполагать, намѣряться.
Лагунъ, — стоячій боченокъ, употребляемый для приготовленія и храненія кваса.
Ласкота, — ласковый человекъ.
Латка, — широкая и низкая глиняная посуда; кушанье изъ рыбы приготовленное въ такой посудинѣ.
Латуга, — кубарь съ широкимъ верхомъ для игры на льду.
Левашъ, — тонкій сочень изъ растертыхъ ягодъ, высушенный на солнцѣ или въ печи.
Либайдать, — трястись во время вѣды.
Лизунъ, — быстрый ударъ.
Ложецьникъ, — особой формы коробка изъ сосновой дроби для храненія ложекъ.
Лони, лобчъ, — въ прошломъ году; лоньской. Лошить, — стеречь, выбирать удобную ил пугу; излопился, улопился, изловчился.
Лукино, — лукошко, свернутая изъ осиновой дроби круглая коробка съ крышкою для храненія муки.
Макса, — рыбы молоки, особенно у налима.
Малѣгъ, малѣжокъ, — чистый сосновый или еловый лѣсокъ.
Медуникъ, ница, — дикая пчела.
Межень, — жаркое время въ серединѣ лѣта.
Мелса, — суетливый человекъ; меледить, частить ногами.
Мелузъ, — овсяная мякина.
Моль, молѣкъ, молчѣ, — мелкая рыбешка.
Мотоузъ, — плетешекъ (сиуръ) изъ крашенныхъ шерстяныхъ и льняныхъ нитокъ для привязыванія къ прялкѣ льна.
Мякушка, — каравай.
Набъ, — надо бы.
Надѣя, — надежда.
Надиватце, — одѣваться.
Надъ, надобѣтъ, надоть, — надобно.
Наголо, — безъ исключенія; всѣ наголо пьеници.
Назвище, — названіе.
Накурить, — напроказить.
Наконъ, — разъ, приемъ; не одинъ кононъ кликалъ.
Наливка, — лепешка изъ ржаной муки, политая сверху житной мукою, разведенна сметанѣ.
Напредки, — впередъ, на будущее время.
Напрокутить, — наскутить, надобѣсть.
Наредихи, — ряженые.
Настоятъ, — настаивать.
Настрѣту, насустрѣту, — навстрѣчу.
Натужно, — тяжело.
Нашавить, — нагать; нашавѣлось, — говорится о неожиданномъ — нежданномъ, но приятномъ.
Непорняшой, — слабый, худенькій.
Обабки, — грибы масляки.
Облицье, — обликъ, черты лица.
Обмантъ, — обмануть.
Обневолить, — приневолить.
Оболокатце, оболочкисъ, — одѣваться, одѣться.
Оботуръ, — упрямый, своенравный.
Оброснуть, — сдернуть вдругъ, заразъ, наприжѣръ листы съ вѣтки или сѣмя съ конопля.
Обутка, — обувь.
Обыреть, — очувствоваться.
Одгонуть, — отгадать.

- Одгладыватце, — отвѣчать на брань бранью.
 Однакой, — одинаковый; все однако, все равно.
 Одноушокъ, бучекъ, полубурацье, — высокая корзина изъ сосновой драни.
 Одои берутъ, — изумленіе овладѣваетъ.
 Оковиной, окобъ, — непослушный, упрямый.
 Ококовѣтъ, — иззябнуть до оцѣпенѣнія.
 Околѣтъ, — озябнуть.
 Окрутники, — раженныя.
 Окуржевѣтъ, — объивдевѣтъ, покрыться инеемъ.
 Оногдысь, ономедни, нисъ, — не такъ давно, нѣсколько дней тому назадъ.
 Опознать, — не узнать кого-либо знакомаго.
 Опознатце, — принять одно лицо за другое.
 Опорки, — худая обувь.
 Опризорить, — слгзавить.
 Опристать, — устать.
 Осанесь, — прошлой осенью.
 Ослеги, — слеги, толстыя колья.
 Осохутить, охутить, — спрятать.
 Осохуцѣлки, — игра въ прятки.
 Откуль, — откуда; откуленной.
 Отсюль, — отсюда; отсюленной.
 Охаратки, — объѣдки.
 Охти-миѣценъки, охти - миѣ - тошнененько, тошнехонько, — восклицанія горя, унынія.
 Очяпить, — перевѣсить, перетянуть.
 Очягъ, — шесть, на которомъ висеть зыбка.
 Набѣдъ, — время ѣды между завтракомъ и обѣдомъ; набѣдовать, набѣдять.
 Павокъ, — паукъ.
 Падѣра, — вихорь, порывистый вѣтеръ.
 Паль прятать, — собирать въ шатры (конусообразныя кучи) обгорѣвшій на подсѣкъ лѣсъ.
 Памороцной, — пасмурный.
 Перелѣтней, — прошлаго лѣта.
 Перепастце, переполохатце, — испугаться.
 Пешка, — рыба въ родѣ трески.
 Платъ, — большой женскій платокъ.
 Платно — платье, одежда.
 Плошка, — огниво.
 Побоцины, — бока у саней.
 Повора, — конская болѣзнь; оповоритце.
 Подая, — уступка; податце, уступить.
 Подсебритце, — поддѣлаться; се бры, влаждующіе чѣмъ-либо вѣстѣ.
 Поёмъ, поймы, — разъ, приемъ; въ три поймы сробилъ.
 Поладливой, — сговорчивый, уступчивый.
 Показатце, — приглянуться понравиться, прилюбитья.
- Покуль, — покуда, пока.
 Полохало, — пугало; полахать, пугать.
 По-васѣрикѣ, — по злобѣ.
 Понитокъ, — рабочій кафтанъ.
 Порато, — очень, сильно.
 Порной порнящой, — сильный, здоровый.
 Пороцька, — сосудъ изъ бересты въ видѣ цилиндра съ крышечкой; хранить молоко, сметану и т. п.
 Пѣртно, — холстъ.
 Посвотина, — выгонъ для скота.
 Посядни, — на дняхъ.
 Послухманной, — послушный.
 Потемнки, сутемнки, — сумерки.
 Похмылой, — покатый.
 Праведникъ, — лѣшій.
 Прехехонька, хениха, — любимая дѣвушка.
 Пригоношить, — прикопнуть въ запасъ.
 Пригунуть, — притихнуть.
 Притужить, — стянуть покрѣпче.
 Приузь, — цѣпъ.
 Пропадушина, — падалъ; бранное слово.
 Прошоркать, тце, — протереть, — тся.
 Прѣхолодь, — прохлада.
 Ражой, — хорошій, сильный, трудный; ражо.
 Рязатце, — бросаться изъ стороны въ сторону.
 Разсусорить, — разсорить, раздавать.
 Свицинька моя теплая, — ласкат. слово.
 Сгибень, — пирогъ безъ начинки.
 Середа, — полъ.
 Сестра, — двоюродная сестра.
 Скняжить, — выплакнвать, со слезами просить.
 Скуда, — нужда.
 Славутница, — почетная, выдающаяся дѣвушка.
 Слитье, — хлѣбъ на корню.
 Снафнда, — безтолково, безъ вкуса одѣтая.
 Собина, — своя особенная часть.
 Собника, — ласкат. слово.
 Сороба, — плотница.
 Соцень, ссанецъ, — очень тонко накатанное тѣсто.
 Спримдѣвать, — покрыться прыщами, красными пятнами.
 Стронуть, — сколотить (о полахъ и потолкахъ).
 Сугрѣва моя теплая, — ласкат. слово.
 Сукманна, — дом. сукно, затканное льняной ниткой.
 Сукрестъ-накрестъ, — крестъ-накрестъ.
 Сулить, — обѣщать.
 Ставецъ, — деревянная чашка,
 Столопъ, — столбъ.

Стопка, — деревянная точеная вѣшалка для платья.
Стягъ, — коль, жердь.
Ступни, — башмаки, съ большими каблукками.
Тамо-тка, — тамъ.
Тата, татка, татенька, — отецъ.
Таракъ, отаратокъ, тарацѣкъ, — кусокъ, обломокъ, обрывокъ.
Теплина, — зажженная лучина.
Тертюшки, — поплавокъ изъ бересты у сѣтой.
Товосе, тоговосе, товосетка, — это какъ оно, какъ бишь.
Толокно, — мука, смолотая изъ запаренаго и высушеннаго овса, употребляется въ пищу съ водой, квасомъ (тяпушка), постнымъ масломъ (соломата) и вареными ягодами. Толокненка, толокненница, загустая каша изъ толокна; ѣдятъ её съ хлѣбомъ. Каргополы — толокнянники.
Тонь, — столъ.
Тоснуть, — тосковать.
Трестя, — полотнище.
Углянъ, угланчикъ, — подъязокъ, небольшой (ф. или 1^{1/2}) язь.
Уёмъ, — уговоръ, увѣщаніе; уйму на него вѣту.
Утамжить, — спрятать.
Утрось, — утрошъ.
Ухватка, — привычка,
Хайло, — пустой горланъ.
Хаять, хинить, — порицать; похинка,
Ходить подь-оконье, — ходить по міру, по милостыню.
Храдѣть, — худѣть.
Худоба, — порокъ.
Цолобитъ, тыце, — поклонъ черезъ письмо.

Целно, (ср. рода) — челнокъ.
Циги-циги, — овечья вилка.
Цюнки, — салазки.
Цюра, — крупный песокъ.
Цямжевой, — о лошади, которая тихо, не рѣзко ѣстъ.
Шавера, — остатки, обрубки, сучья послѣ рубки дѣса.
Шадровитой, — корявый, съ знаками отъ оспы на лицѣ.
Шалги, — 1) два колышка, употр. вмѣсто веревокъ на качеляхъ; 2) рыбы жабры.
Шаль, — глупый, ая; пришалинокъ.
Шаньгя, шянѣшка, — заспа или пшево, размоченныя въ молокѣ, налитыя на сочень и испеченныя въ запаханной печи.
Шарки, шарканцы, — башмаки съ тонкими подошвами, безъ каблукковъ.
Шайма, — низкое, болотистое мѣсто.
Шибать, тце, — бросать, тся.
Широкой праздникъ, — большой годовой праздникъ.
Шоболтать, тце, болтать, ся.
Шоркать, — тереть.
Шушера-яшера, — сбродъ, голь; ругат. слово.
Щелкуша, — женщина, говорящая рѣзко и громко, безъ умолку.
Щежица, — снарядъ для ловли медвѣдей.
Щуры, — дождевые черви.
Эва-па, — восклицаніе удивленія или презрѣнія, судя по тону, какимъ произносятся.
Элкасикъ, — стариннаго покроя фуражка.
Ягодка, — ласкат. слово.
Язвецъ, — барсукъ.
Ярыга, — промотавшійся, зазорнаго поведения человекъ.

Студентъ Спб. Дух. Акад. II курса *Яковъ Свѣтловъ*.

ОТДѢЛЪ IV.

С м ѣ с ь.

Игра въ Тура.

Дѣвушки берутся за руки и образуютъ большой кругъ, который называется «городомъ». Двѣ дѣвушки становятся внутри круга, двѣ снаружи. Та и другая пара обнимаются за талю, какъ въ полькѣ и начинаютъ ходить вдоль круга въ противоположныя стороны, причежь поочередно поютъ слѣдующую пѣсню.

А Варіантъ изъ деревни Малая Дубровица

А туръ свои, а туръ свои жо-ноч-ки лычыть А туръ свои а туръ сво-и мо-ло-дэнь... ¹⁾

- Весь хоръ: 1) А туръ свои (:) жоночки лычыть ²⁾
2) А туръ свои (:) молодэньки
3) На що туру (:) жоночки лычишь?
4) На що туру (:) молодэньки?

Пара внутри круга: 5) Кобъ м'ня вывювъ (:) зъ черешнёго саду
6) Кобъ м'ня вывювъ (:) зъ зелэньного

Пара вѣ круга: 7) Чого мыла (:) до саду ходыла?
8) Черешнёвы (:) квити, ломала.

- 9) На що мыла (:) квити ломала?
10) Поповычу-дяковычу за шапоныку клала
11) Поповычу-дяковычу молодэньку.

12) На що мыла (:) за шапоныку клала?
13) Кобъ м'ня вывювъ (:) зъ черешнёго саду
14) Кобъ м'ня вывювъ (:) зъ зелэньного

¹⁾ О принятой у всѣхъ бѣлорусовъ, польшуконъ и малороссовъ, манорѣ не допѣвать въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ послѣдняго слога я писалъ въ журналѣ «Баяць» 1890 г. №№ 4 и 5.

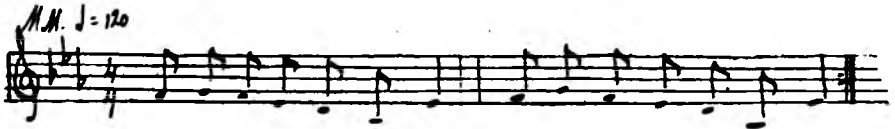
²⁾ Считають.

- 15) А дэ мыла (:) коня поділа?
16) Ой отдала (:) поповичу
17) Поповичу-дяковичу молоданьку
18) На що мыла (:) поповичу дала?
19) Кобъ м'ня вывель (:) зъ черешняго саду
20) Кобъ м'ня вывель (:) зъ зеленяного

Пісня повторяється съ 15 по 20 куплетъ включительно съ замѣной слова «коня» словами «уздячку, сядло, шанку, скурдукъ, поясъ и чобути», а потомъ поется:

- 21) А дэ мыла (:) кашу поділа?
22) Выкидала (:) подь прыпичокъ.
23) На що мыла (:) кашу выкидала?
24) Жевъ не було (:) мылому исты.

Дальнѣйшія слова поють уже на другой напѣвъ:

Пара вѣн круга: 25) А я пер-стѣнь по-ко - чу, такъ и жо - ну и - зы - цу

Пара вѣн кругъ: 26) А мы перстѣнь зломимъ, такъ и жоны нѣ дамо.

27) А я мысть пмошу, такъ и жону изыщу.

28) А мы мысть зломимъ, такъ и жоны нѣ дамо.

29) А мы хлѣба напекимъ, такъ и жону отберимъ.

30) А мы хлѣбъ изьимъ, такъ и жоны нѣ дамо.

31) Мы горѣлки наженимъ, такъ и жону отберимъ.

32) Мы горѣлку выпьемъ, такъ и жоны нѣ дамо.

33) А мы пыва наженимъ, такъ и жону отберимъ.

34) А мы пиво выпьемъ, такъ и жоны нѣ дамо.

35) А мы мѣду наженимъ, такъ и жону отберимъ.

36) А мы мѣдъ выпьемъ, такъ и жоны нѣ дамо.

37) А мы выно наженимъ, такъ и жону отберимъ.

38) А мы выно выпьемъ, такъ и жоны нѣ дамо.

39) А мы дюгтю (дѣгтю) наженимъ, такъ и жону отберимъ.

40) А мы дюготъ выльемо, такъ и жоны нѣ дамо.

Весь хоръ: 41) А туръ жону спуйнивъ ¹⁾, зъ ею шкуру здонивъ ²⁾.

При послѣднемъ куплетѣ дѣвушки, ходившія внутри круга, выбѣгаютъ оттуда, а ходившія снаружи ихъ ловятъ. Этнмъ игра кончается.

Вариантъ В.

Записанъ въ с. Хорошинокѣ свящ. от. Михаиломъ Ваховичемъ.

1В—1А; 2В—3А; 3В—5А Щобъ мя вывель...; 4В—6А Щобъ мя вывель...
5В—15А Агдя...; 6В—16А; 7В—17А; 8В—18А; 9В—19А Щобъ мя вывель...;
10В—20А Щобъ мя вывель... Пісня поется какъ и въ вар. А съ замѣной слова
«коня» словами: «уздячку, сядло и быча» 23В—7А; 24В—8А... цвѣты...; 25В—9А...
цвѣты...; 26В—10А; 27В—12А; 28В—5А Щобъ мя вывель...; 29В—6А Щобъ мя
вывель...; 30В—29В; 31В Поповичу, дяковичу молоданькому.

¹⁾ Поймалъ; ²⁾ Содралъ.

Вар. С

Запис. мною въ посадѣ Пищацъ.

Ой пой - ду - я гу - ка - ю, гу - ка - ю
Ко-лого-ро-да,

- 1) Ой пойду я коло города, гукаю (:)
- 2) Свѣи милѣи, жоны хорошѣи шукаю (:)
- 3) А витѣ, браття, чи не бачили
- 4) Нашѣи милѣи, жоны хорошѣи въ городі (: ¹⁾?)
 - 5) Ой хочѣ бачили, а хочѣ не бачили не скажикъ (:)
 - 6) Есть ваша милая, жона хорошая въ городі (:)
- 7) А мы хлѣба на печимъ (:) и васъ, браття, запрошимъ (: ²⁾)
- 8) И свою милую, жону хорошую отберимъ (:)
- 9) А мы хлѣбъ вашъ изъємо (:)
- 10) Вашѣи милѣи, жоны хорошѣи не дамо (:)
- 11) А мы пыва наточимъ (1) васъ, браття, запрошимъ (:)
- 12) И свою милую, жону хорошую отберимъ (.)
- 13) А мы пиво выпьемъ (:)
- 14) Вашѣи милѣи, жоны хорошѣи не дамо (:)
- 15) А мы вина наточимъ (:) и васъ, браття, запрошимъ (:)
- 16) И свою милую, жону хорошую отберимъ (:)
- 17) А мы вино выпьемъ (:)
- 18) Вашѣи милѣи, жоны хорошѣи не дамо (:)
- 19) Мы ябличко поточимъ (:) и васъ, браття, запрошимъ (:)
- 20) И свою милую, жону хорошую отберимъ (:)
- 21) Мы ябличко изъємо (:)
- 21) Вашѣи милѣи, жоны хорошѣи не дамо (:)
- 23) А мы замки замкнемъ (:)
- 24) Вашѣи милѣи, жоны хорошѣи не дамо (:)
- 25) А мы замки побьемъ (:)
- 26) И свою милую, жону хорошую, возьмемъ (:)

Игра ведется такъ же, какъ и въ д. Малая Дубровица.

Мѣстчко или посада Пищацъ находится въ 2-хъ верстахъ отъ станціи Хотыловъ Варшавско-Тереспольской желѣзной дороги. Деревня Мал. Дубровица—Пищацкаго прихода въ 4-хъ верстахъ отъ этого посада на югъ. Село Хорошилка въ 9 верстахъ отъ посада Пищацъ на юго-юго-востокъ.

Объ обстоятельствахъ, при которыхъ играютъ «въ тура», можно сказать слѣдующее:

Шейнъ въ своемъ сборникѣ Бѣлорусскихъ пѣсенъ (1887 г. т. I, ч. I, стр. 133) указываетъ на особый разрядъ пѣсенъ «валюкодныхъ» или «свалюкодныхъ», которые въ Бѣлоруссіи и Литвѣ поются народомъ въ продолженіи Святой недѣли. Онъ раздѣ-

¹⁾ Въ 3 и 4-омъ куплетѣхъ тактъ 1-й повторяется 4 раза.

²⁾ Въ куплетѣхъ 7, 9, 11, 13, 15, и 17 т. д. тактъ 1-й поется одинъ разъ и затѣмъ прямо переходитъ ко второму.

яютъ эти пѣсни на 1) волочобныя—поздравительныя, распѣваемые въ первые три дня Пасхи подь окнами зажиточныхъ сельскихъ обывателей съ цѣлью полученія «волочобнаго», т. е. подачки въ видѣ съѣстныхъ припасовъ или денегъ, и 2) собственно великодныя, переходящія въ весеннія, троицкія и семейныя. Въ той части Бѣльскаго уѣзда Сѣдлецкой губ., въ которой я собиралъ свои этнографическія матерьялы, т. е. въ Пищацѣ и его окрестностяхъ, въ Пасхальную недѣлю вовсе не поется «волочобныхъ» пѣсень, но слово «волочобное»—известно; имъ называется плата духовенству за освещеніе пасхальныхъ яствъ въ видѣ яицъ, хлѣба, ржи и т. под. Пѣсни же собственно великодныя или по мѣстной выговорѣ «великодныя» поются здѣсь дѣвушками съ перваго дня Пасхи до Оминой недѣли и соединяются съ хороводными играми. Ни въ пѣсняхъ этихъ, ни въ играхъ молодежь мужскаго пола вовсе не участвуетъ. Исполняются онѣ только въ хорошую погоду, на улицѣ, посреди села, причежь дѣвушки въ большихъ селахъ разбиваются на хоры по улицамъ, а въ деревняхъ собираются въ одинъ хоръ. Дѣвочки и подростки составляютъ отдѣльные хоры, причежь въ пѣсняхъ и играхъ строго подражаютъ взрослымъ. Если «великодная» пѣсня не соединена съ игрой, то поютъ ее или сидя около дому на какихъ либо бревнахъ, доскахъ, или дровахъ, или берутся за руки, становятся попережь улицы и проходятъ ее всю отъ одного конца деревни до другого. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ русскимъ Забужьемъ, въ селѣ Страдець (Гродн. губ. Брестск. уѣз.) тоже самое дѣлаютъ нѣсколько иначе: дѣвушки берутся за руки, одна изъ нихъ идетъ вдоль улицы и дѣлаетъ зигзаги то вправо, то влево, а остальные, держась за руки, слѣдуютъ за нею, причежь весь рядъ извивается въ видѣ змѣйки. Это называется тамъ «вордарку водить», вѣроятно отъ слова «володаръ» или «воротаръ», которымъ въ губерніяхъ Волынской, Кіевской и Подольской называется особая хороводная игра (см. Чубин., III стр. 38). Отсюда происходитъ наименованіе великодныхъ пѣсень «вордарными», прилѣгающее ко всѣмъ пѣснямъ, поющимъ въ Пасхальную недѣлю въ с. Кодацѣ (надъ Бугомъ). Въ этомъ селѣ названіе «великодныя» неизвѣстно. Имѣя большую коллекцію «великодныхъ» или «вордарныхъ» пѣсень и игръ изъ селъ Пищаца и Кодня и ихъ окрестностей, я сравнивалъ ихъ съ великодными бѣлорусскими (у Шейна), съ весенними малороссійскими (у Чужбинскаго) и троицкими польскими (у Булгаковскаго, Пинчуки) и нашелъ варианты только для двухъ изъ моихъ пѣсень, а именно: черезъ наше село везено дѣрево (Чуб. III, стр. 130) и «не росты вкروه» (Чуб. III, с. 141; Вулгак. стр. 53). Что касается игръ, то изъ нихъ у Чубинскаго оказались слѣдующія:

1) Проданное дитя (Чуб. III с. 93)—здѣсь называется «злото зэрнѣтко» (Мал. Дубр.)¹⁾; 2) Хрещикъ (Чуб. III с. 82)—подъ тѣмъ же названіемъ; 3) Пужміри (Чуб. III с. 101)—«слѣпая баба» (Мал. Дубр.)²⁾; 4) Царенко—«к ѡ я н ѣ к ѡ» (Мал. Дубр. 3); 5) Воронъ (Чуб. III с. 73)—«вовкѣ» (Мал. Дубр.) 4); 6) Кривый танецъ (Чуб. III с. 32)—«города» (Пищацъ).

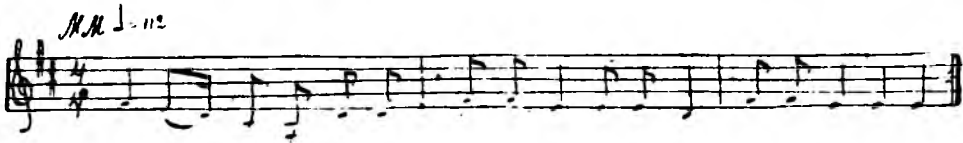
Такимъ образомъ «великодныя» или «вордарныя» пѣсни и игры болѣе подходятъ къ малороссійскимъ весеннимъ, чѣмъ къ бѣлорусскимъ «великоднымъ». Къ этимъ же играмъ принадлежить и «игра въ Тура», которую мы здѣсь сообщаемъ. Вариантъ ея мы находимъ у Чубинскаго (III с. 69) подъ именемъ «жены и мужа». Игра эта въ Волынской и Подольской губ. производится слѣдующимъ образомъ: «внѣ круга ходитъ дѣвушка, представляющая собою мужа, съ кнутомъ въ рукѣ. Представляющая собою жену находится среди круга. Въ концѣ пѣнія мужъ врывается въ кругъ, а жена должна уходить, иначе онъ будетъ ее бить кнутомъ».

Игра въ «жену и мужа», какъ надо думать, принадлежитъ къ числу весьма древнихъ; въ Россіи она сохранилась не только у малороссовъ, но и у великороссовъ. Думаю, что не безынтересно будетъ привести здѣсь одинъ изъ великороссійскихъ вариан-

¹⁾ У Терещенко (IV с. 42—43) эта игра называется «вомышка» и «куми».

²⁾ У Терещенко—жмурка (IV с. 30); ³⁾ У Терещ. IV с. 147—выборъ новѣсты. 4) — У Терещ. IV с. 15 ж 94; игра въ «гусей и волка» (Тер. IV с. 15 сѣрый волкъ)—называется Беѣ и играется по польски (Мал. Дубр. и Пищацъ).

товъ этой игры, записанной мною у бывшихъ Прусскихъ старообрядцевъ, а нынѣ единовѣрцевъ, переселившихся лѣтъ 18 тому назадъ изъ Пруссии въ Царство Польское и образовавшихъ село Благодатное (Бискупницы тожъ) въ Троицкомъ уѣздѣ Варшавской губ. Вотъ этотъ вариантъ:

Ахъ 'цель я до стар-ца на-ска-чусь на-
 пля-шусь на-гу-ля-ю-ся.
 Ахъ 'цель я до старца
 Наскачусь, напляшусь,
 Нагуляюся?
 Ахъ старецъ ты мой,
 Лихо матери твоѣй.
 Не велѣлъ бѣло бѣлиться,

Ни румяниться,
 Велѣлъ въ кельи сидѣть
 Богу молиться.
 А мнѣ да молодѣшенькѣ
 Не хочется.
 Захотѣлось молодѣшенькѣ
 Попѣть, погулять,
 Попраздновати.

Игра происходитъ слѣдующимъ образомъ:

Парни и дѣвушки становятся въ кругъ (хороводомъ). Одну дѣвушку выбираютъ за жену, а одного парня за мужа. Жена стоитъ въ кругу, а мужъ за кругомъ. Когда пропоютъ вышеприведенныя слова пѣсни, то дѣвушка, изображающая жену, обращается ко всѣмъ парнямъ, стоящимъ въ кругу, поочередно, и спрашиваетъ:

Дѣв. Здравствуйте, господинъ. Имѣю васъ честь спросить: скудова вы родомъ?

Парень. Я съ Москвы.

Дѣв. А не видали вы моево старца?

Пар. Видѣлъ: Шатается—болтается,
 Васъ бить собирается.

Потомъ дѣвушка обращается къ другому парню; повторяется тотъ же разговоръ, но второй парень отвѣчаетъ: «я съ Петербурга», третій изъ Бреста, четвертый изъ Варшавы, пятый изъ Варки (городокъ ближайшій къ с. Благодатному въ 7 верстахъ отъ него), наконецъ послѣдній отвѣчаетъ: «я здѣшній». Тогда парень, изображающій мужа-старца, входитъ въ кругъ, и начинается разговоръ:

Мужъ: Здравствуй ты, моя душечка.

Жена: Здравствуй старичокъ.

Мужъ: А гдѣ же ты прогуливалась? Я тебѣ сказалъ, чтобы ты въ кельи сидѣла, Богу молилась.

Ж. Я сидѣла въ кельи, Богу молилась, а тебя нѣтъ, какъ нѣтъ.

М. Ты отмолодѣла, а я постарѣлъ. Я тебя оставилъ бѣдною, а гдѣ ты такое платье достала? кто тебѣ это купилъ?

Дѣвушка указываетъ на одного изъ парней: «этотъ баринъ». Мужъ перебираетъ разные части одежды: платокъ, чулки, башмаки и пр. и спрашиваетъ: кто тебѣ это купилъ? Жена указываетъ такъ же, какъ и прежде на другихъ парней по очереди, говоря: «этотъ баринъ, этотъ баринъ» и т. д. Когда очередь дойдетъ до послѣдняго, жена бѣжать, а мужъ—за ней и, если догонять, то «бьетъ канчукомъ».

Если мы обратимся къ вышеприведенному варианту А «игры въ тура», то заметимъ во первыхъ, что пѣсня состоитъ изъ двухъ частей, исполняющихся на разные напѣвы и различнаго склада. Во вторыхъ находимъ, что части эти соединяются только въ дер. Малая Дубровица, въ сосѣднихъ же селахъ они раздѣлены: въ Хорошенкѣ поется первая часть, въ Пищацѣ—вторая. Это заставляетъ насъ предполагать, что быть можетъ игры «въ тура», и «въ жену и мужа» были первоначально отдѣльныя, но сходныя между собой, почему онѣ и слились въ одну.

Что касается первой части пѣсни, то она представляется малопонятною и даже бессмысленною, вѣроятно потому, что въ ней много пропусковъ. Желая замѣстить эти пропуски, я искалъ той-же пѣсни въ мѣстностяхъ ближайшихъ къ Мал. Дубровицѣ, гдѣ я встрѣтилъ сказанную пѣсню въ первый разъ, но, какъ видно изъ вар. В, въ с. Хорощенкѣ пропуски въ пѣснѣ тѣ же самыя, а въ болѣе дальнихъ окрестностяхъ въ Пищацѣ и въ Кодиѣ она уже неизвѣстна.

Что такое значить туръ, о которомъ говорится въ пѣснѣ, крестьяне д. Мал. Дубровицы и с. Хорошинки не могли объяснить. Никакихъ легендъ о турѣ у нихъ не сохранилось.

У Кольберга въ его *Chelmskie t. I* я нашелъ замѣтку (стр. 6), имѣющую се-отношеніе съ туромъ. «Подъ Хотыловымъ близъ Пищаца, говорится въ этой замѣткѣ, есть лѣсъ называющійся «Туровымъ лѣсомъ» или гаемъ, въ которомъ находится камень, видомъ напоминающій какъ бы всадника на конѣ. Это былъ какой то важный и жестокой панъ, одна изъ жертвъ котораго заклала его словами: Водаеъ скаменяль! (т. е. дай Богъ, чтобы ты окаменѣлъ)».

Пѣсня наша представляетъ тура въ человѣческомъ образѣ, считающимъ своихъ, должно быть многочисленныхъ, женъ. Надо думать, судя по словамъ пѣсни, что одной изъ женъ онъ не досчитался, а когда нашелъ ее, то догналъ и содралъ съ нея шкуру. Въ Пищацѣ подтверждали замѣтку Оск. Кольберга о туровомъ лѣсѣ и о камнѣ и даже указывали самый лѣсъ, но мнѣ еще не удалось до сихъ поръ въ немъ побывать.

Сопоставляя слова пѣсни о турѣ съ легендой объ окаменѣломъ всадникѣ въ «туровомъ лѣсѣ», невольно уносишься фантазіей въ тѣ отдаленныя, дохристіанскія времена, когда «туровъ лѣсъ» быть можетъ считался священной рощей, въ которой поклонялись и приносили жертвы жестокому божеству «туру», камень былъ его идоломъ или олицетвореніемъ, а наша пѣсня о турѣ священнымъ гимномъ. Но прошли вѣка, и идолъ грознаго божества обратился въ простой камень страннаго вида, гимнъ, ему посвященный, въ хороводную игру, а само божество въ окаменѣлаго жестокаго пана.

Если мнѣ удастся побывать снова въ Пищацѣ и видѣть странный камень, а также услышать еще что-либо о турѣ въ окрестныхъ деревняхъ и селахъ, то я не замедлю сообщить въ Живую старину въ дополнение къ настоящей замѣткѣ.

В. Мошков.

Отъ Редаціи. Въ IV кн. Жив. Стар., имѣющей выйти въ непродолжительномъ времени, будутъ между прочимъ помѣщены статьи г. Довнара-Запольскаго.—О бѣлорусскихъ говорахъ,—г. Гальперина (о книгѣ Ковалевскаго—Обычай на Кавказѣ), г. Яроцкаго,—Русинка Холмскаго края по пѣснямъ: По недостатку мѣста, статьи эти не могли, вопреки первоначальному намѣренію редакціи, войти въ настоящую книжку.